Вестник Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(29)

Издательство РАУ

N2/2018

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՍԵՐԻԱ՝
ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(29)
ՀՌՀ Հրատարակչություն
№ 2/2018

Российско-Армянский университет

Печатается по решению Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(29)
Издательство РАУ
N 2/2018

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2018г.

ISSN 1829-0450

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы экспертного обсуждения

Статьи

Политология

Юриспруденция

Экономика

Международные отношения и регионоведение

Литературоведение

Лингвистика

Журналистика

Проблемы образования

Педагогика

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНОГО ОБСУЖДЕНИЯ

7-го ноября в Российско-Армянском университете состоялось экспертное обсуждение на тему «Культура как ресурс сохранения и развития армянской идентичности: история и современность». Организаторами обсуждения выступили эксперты научно-исследовательской группы, реализующей проект «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)», выполняемой в рамках предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

О ПРИНЦИПАХ И ТИПАХ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[1]

С.Т. Золян

Российско-Армянский университет
surenzolyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются принципы описания механизмов генезиса, репрезентации, конструирования и транслирования национальной идентичности. Идентичность рассматривается как некоторый информационный феномен, функционирование которого обеспечивается посредством комплекса семиотических средств. Информационно-семиотический подход обязательно должен учитывать то, что именно является объектом коммуникации и семиозиса, почему и учитывает культурные, политические, социальные и т. п. факторы и их возможную роль в конструировании дискурсов, репрезентирующих нацию и национальную идентичность. В данной статье рассмотрена типология подходов, по которым принято описывать понятие нации и национальной идентичности.
Ключевые слова: нация, национальная идентичность, типология, коммуникация, семиотика, Армения.

1. В настоящем исследовании мы попытались рассмотреть принципы описания механизмов генезиса, репрезентации, конструирования и транслирования национальной идентичности. При предлагаемом нами подходе идентичность

[1] Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)», при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

предстает как некоторый информационный феномен, функционирование которого обеспечивается посредством комплекса семиотических средств.

Безусловно, такой подход – лишь один из возможных по проблеме идентичности, однако, следует заметить, что никакой другой (политический, антропологический, этнопсихологический и пр.) не может обойтись без учета символических и коммуникативных характеристик данного явления. В этом отношении информационно-семиотический подход оказывается значимым не только сам по себе, как особое направление комплексного явления, но и является необходимым аспектом любого его исследования. С другой стороны, сам информационно-семиотический подход обязательно должен учитывать то, что именно является объектом коммуникации и семиозиса, почему и учитывает культурные, политические, социальные и т. п. факторы, и то, каким образом они учитаются в описывающих идентичностях теориях и дискурсах. В данной статье будет рассмотрена типология подходов, по которым принято описывать понятие нации и национальной идентичности.

2. Что есть национальная идентичность и за счет каких факторов она формируется и поддерживается? Применительно к такому сложному понятию естественно ожидать разнообразие подходов и мнений. Более того, мы считаем, что в данном случае нельзя ограничиться каким-либо одним из них. Хотя бы потому, что в данном случае понимание «идентичности» тем или иным коллективом зависит от его описаний. Например, то или иное выработанное в философии понимание идентичности обязательно будет воздействовать на самосознание и самоописание того или иного социума (ср. с теорией самописаний Н. Лумана [1]). При этом следует учесть, что картина может существенно меняться в зависимости от того, является ли идентичность результатом самоидентификации, разделяемой данным социумом, или же есть идентификация, производимая внешним наблюдателем, для которого принятая самоидентификация есть не конечный, а лишь начальный пункт анализа. Не претендуя на полноту, позволим себе ограничиться выделением пяти, на наш взгляд, доминантных подходов к идентичности.

2.1. Первый подход склонен трактовать идентичность как некую изначально данную сущность. Она объединяет людей «одной почвы и крови», и единственное, что требуется для закрепления этой связи – это язык. Подобная идея формирвалась в немецком романтизме и получила, пожалуй, наиболее выпуклое выражение у Фихте, в его «Речах»: «Первыми изначальными и по-настоящему естественными границами государств, несомненно, оказываются их внутренние границы. Те, кто говорит на одном языке, связаны друг с другом множеством невидимых уз самой природы задолго до возникновения всякого человеческого искусства; они понимают друг друга и способны и дальше развивать взаимопонимание; они связаны друг с другом и по природе образуют единое и неделимое целое» [цит. по: 2].

В настоящее время такой подход получил название примордиализма. При этом, в связи с лингвистической несостоятельностью этой идеи, не акцентируется тождество языка и национальной идентичности, но при этом упор переносится на биологические и даже генетические «корни» Разумеется, достаточно сложно

примирить такую характеристику языка, как изменчивость, с идеей неизменно существующих «души», «духа» и т.п. характеристики идентичности нации. Хотя в академических кругах примордиализм не пользуется особым почетом как теория, тем не менее, на нем во многом основывается концептуальный аппарат многих смежных дисциполин (антропология, этнология, история, этнопсихология, некоторые направления когнитивной лингвистики). Применительно к Армении, доминантные дискурсы о национальной идентичности в различной мере являются примордиалистскими [3, 4].

2.2. Примордиалистскому подходу противостоит конструктивистский подход к идентичности как к социальному конструкту. В современном его виде условно можно связать с появлением работ Фредрика Барта и его последователей, в которых этничность рассматривается как фактор и механизм установления границ между различными социальными группами [5]. Впрочем, существенные черты конструктивизма можно увидеть и в марксистском подходе: например, в ставшей основой для конструирования политической архитектуры СССР работе И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» [6]: в этой концепции нация есть не извечно существующий феномен, а возникающий в результате совпадения ряда условий в достаточно позднее время. Неслучайно, что в настоящее время конструктивистский подход получает развитие прежде всего в работавх неомарксистской ориентации. Приведем две наиболее характерные версии. Так, по Эрику Хобсбауму, следует говорить об определенном и изменчивом комплексе идентичностей, отдельно взятая идентичность, например, национальная или этническая, есть «опасное заблуждение»: «Представление об одной единственной, исключительной и неизменной этнической, культурной или иной идентичности связано с опасным заблуждением. Ментальные идентичности человека – это не ботинки, которые мы можем носить зараз только одну пару. Мы многомерные личности. Чтобы господин Пател ь начал считать себя прежде всего индусом, британским гражданином, индуистом, человеком, говорящим на гуджаратском языке, выходцем из Кении, представителем определенной касты или родственной группы или носителем какой-то иной роли, он должен столкнуться с представителем иммиграционных властей, пакистанцем, сикхом или мусульманином, человеком,говорящим на бенгальском, и т. д. Нет никакой однозначной платоновской идеи Пателя. Все это присутствует в нем одновременно» [7].

2.2.2. Близкую версию концепцию идентичности можно найти и у Бенедикта Андерсона, который еще более усиливает момент противопоставленности «себя» и другого». Не столько множественность идентичностей, сколько осознание различий между ними и их противопоставленность оказываются определяющими:

Идентичность логически представляет собой функцию двойственности: она существует в тот момент, когда “b” сталкивается с “- b”. Это простая алгебраическая формула позволяет понять язвительное замечание Воле Шойинка по поводу серии негритюда у Леопольда Сенгора: тигру не нужен тигритюд. Иными словами, тигритюд необходим только тогда, когда два сомневающихся животных отражаются в загнанных (exiled) глазах друг друга» [8].

2.2.3. Ответвлением подобного рассмотрения идентичности, при котором она трактуется как обусловленная выбором индивида, можно считать подход, который уместно назвать «перформативным». В теориях национальной и этнической идентичности он в явном виде не встречался, но он достаточно широко используется на практике, например, при переписях населения. В этом случае национальность определяется некоторым актом высказывания, перформативом: «Я – армянин», «Я – езид» и т.п. Так, приводимые статистические данные о национальном (этническом) составе населения определяются именно продиктованными переписчикам высказываниями респондентов, и эти высказывания не подлежат каким-либо корректировкам. В соответствии с логикой перформативов, когда само высказывание есть и действие, и создание некоторой новой – институциональной реальности – бессмысленно ставить вопросы типа: «На что опирается говорящий, производя данное высказывание, кто его бабушка и дедушка, говорит ли он данном языке и пр.» и т.п. Идентичность формируется так же, как и присвоение имени, причем в дальнейшем, в соответствии с определенными процедурами, как и имя, идентичность может меняться. Такой подход юридически закреплен и в международном праве применительно к национальным меньшинствам, поскольку принадлежать или не принадлежать к меньшинству – это определяется выбором индивида, а не его этническими корнями. Правда, когда дело доходит до реализации тех или иных прав, то здесь, как правило, уже сами меньшинства либо же государственный чиновник начинают определять, кто подпадает под ту или иную категорию. Называя подобный подход перформативным, мы опирались на получившую широкую известность феминистскую концепцию гендера Джудит Батлер [9]. Если оставить в стороне ее политическую составляющую, то ее можно расширить на формирование любых типов коллективной идентичности. Коллективная идентичность будет выступать как один из видов творимой посредством описанных Джоном Серлем особых перформативных актов (т.н. декларативов) институциональных фактов [10].

3. Другим влиятельным направлением является определение национальной идентичности посредством культурных и социальных факторов. Место биологических или метафизических факторов занимает традиция и культура, благодаря чему понятие идентичности уже интерпретируется не как данность, а как деятельность. При этом, в отличие от конструктивистов, акцентируется надперсональный характер этой деятельности: речь не идет о выборе отдельного индивида, а о принятых формах социального взаимодействия, его практиках и дискурсах. Такое понимание идентичности можно считать в настоящее время наиболее принятым. Вероятно, оно получило свое первое ясно выраженное воплощение в опубликованной в 1882 году публичной лекции Огюста Ренана, в которой, оппонируя со своими немецкими коллегами, он выдвинул понятие нации как идеи действенной солидарности, «ежедневного референдума». Хотя он еще и употребляет заимствованное из лексикона романтиков понятие «души нации», но переосмысливает его как наличие общей исторической памяти и совместного проекта относительно будущего:

«Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности

одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством... Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом... Итак, нация – это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем. Нация предполагает прошедшее, но в настоящем она резюмируется вполне осязаемым фактом: это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь» [11].

Схожая идея была высказана поэтом Вааном Терьяном. Трудно судить, был ли знаком Терьян с теорией наций Эрнеста Ренана, но общность между их вгдядами очевидна.

Основная мысль статьи Терьяна «Духовная Армения» – это то, что не атрибуты независимого государства, как, например, полицейские в национальных костюмах, а именно, духовно-интеллектуальная деятельность, направленная на консолидацию социума и создание ценностей, позволяет создать из сообщества людей нацию:

> «Нация создается не только мощью внешних сил, искусственным рядоположением обстоятельств, но внутренней интеллектуально-духовной связью между ее членами. Кроме внешних возможностей, требуется и внутренняя сила, духовный порыв, благодаря которому сообщество людей становится нацией. Пусть сколь угодно независимой будет какая-либо Албания, она никогда не создаст нацию, если албанский народ не будет наделен внутренним порывом к достижению этого и ценой тяжкого труда не приобретет это право. Я не придаю никакого значения той национальности, которая сохраняет свою идентичность только благодаря внешним границам, и, что главное, такую идентичность, которую и не нужно сохранять. Всякий народ, желающий и обладающий волей стать нацией, должен непрестанно создавать те ценности, которые станут залогом его идентичности» (перевод наш – С.З.) [12].

Интересно, что Терьян как на основу идентичности указывает не уже созданное, а на создаваемое.

«Всякий народ, желающий и обладающий волей стать нацией, должен непрестанно создавать те ценности, которые станут залогом его идентичности» (перевод наш – С.З.) [13].

Если продолжить мысль Ваана Терьяна, то не нация создает культуру, а именно культура, ее наличие преобразует народ в нацию. При всей ее парадоксальности эта формула позволяет учесть динамический характер как идентичности, так и определяющей ее культуры. Она воспроизводится и в концепции Д.С. Лихачева, который полемизирует с т.н. «гражданеским», а на деле – политическим определением нации. Как и Терьян, не политические границы, а способность внести вклад в мировую культуру, «оправдывает существование нации перед Богом»:

«Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации. Если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями» [14].

3.2. Идея солидарности может получить не только символическую манифестацию посредством культуры, истории, религии, но и принять практическое измерение – как взаимовыгодное поведение. Идентичность сохраняется, пока это соответствует групповым интересам и готовности соблюдать принятые данной группой нормы, получая за это определенные преференции и избегая применяемых по отношению к «чужим» санкциям. Американский лингвист-когнитивист Рой Дженкендорф считает это общим принципом формирования всех социальных групп, начиная от кружка подростков до наций и социальных классов. [15]. Рой Джанкендорф в определенной мере повторяет идею Барта о том, что этническая идентичность, как и любая это социальная группа, определяется образом жизни, а не происхождением.

4. Возможно еще одно измерение идентичности, которое можно назвать «операционалистским». Оно ближе скорее к конструктивистскому, но, в отличие от него, возникновение нации и, соответственно, национальной идентичности понимается как результат некоторых объективно складывающихся условий или некоторых операций, к которым сам народ (или нация) может и не иметь отношения. Нация – это не столько субъект, занимающийся конструированием самого себя, сколько объект операций внешних сил, которым этот объект может в силу своих возможостей способствовать или противодействовать. Такое понимание можно найти в работе Иосифа Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Так, на примере своего родного этноса, грузин, И. Сталин стремится показать, что грузины становятся нацией только к середине XIX века, причем скорее под влиянием внешних условий (развитие капитализма в России), нежели в результате собственного «нациестроительства» и роста грузинского национального самосознания. И. Сталин выделяет пять признаков, и только наличие их всех позволяет говорить о состояавшейся нации.

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец. Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией... Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает вам нацию» [16].

При таком понимании нация есть объективно существующее явление, подобно

нации в примордиалистском понимании, но, в отличие от него, существующее не извечно, а возникающее на определенном этапе развития производительных сил. Нация как явление подлежит «научному» описанию со стороны внешего наблюдателя, оценка которого и будет определяющей: является ли данная «общность людей» нацией или нет, несмотря на ее самоописания (ее «повседневный референдум»). Именно поэтому политическое устройство СССР (союзные республики – автономные республики – автономные области или округа), окончательно закрепленное сталинской Конституцией 1936 года, основывалось на «объективной» иерархии между нациями, народами и народностями, которые, в соответствии с этим, наделялись определенными полномочиями (количество депутатов в союзных органах власти, наличие университетов или désинститутов, Академии наук или филиала Академии наук и пр.). Логическим продолжением этой концепции стал отсутствующий у Сталина неосуществленный проект формирования сверх-нации: советского народа (единственный, пожалуй, случай, когда название народа основывавалось не на этнониме, языке или территории, а на форме государственного устройства (советах и советской власти)). Вместо советского народа возникли новые идентичности на основе административно-территориального деления СССР: союзные республики дали жизнь политическим нациям, автономные – этносам .

4.1. Операционалисткое понимание тяготеет к инструменталистскому: когда государство мыслится как инструмент создания нации. Близко к такому пониманию «политическое» понимание нации. Как видим, вождям СССР хотя бы теоретически представлялось возможным построение нации (советского народа) безотносительно к языку, этносу, особой национальной культуре и прочим индикаторам идентичности. Между тем, политическое понимание нации в ее наиболее эксполицитном и упрощененом выражении также склонно видеть главный скрепляющий нацию принцип в государственном устройстве, а именно: в ... конституции. Так, уже упомянутый ведущий теоретик (идеолог?) подобного подхода Эрик Хобсбаум в основании нации в современном понимании нации видит политические институты:

«Для них (основателей первых национальных государств) единство нации было политическим, а не социально-антропологическим. Оно состояло в решении суверенного народа жить по общему закону и общей Конституции, независимо от культуры, языка и этнического состава. «Нация», – говорил аббат Сийес со свойственной французам прозорливостью, – это «общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением» [17].

Как видим, «представленность одним законодательным учреждением» (например, всесоюзным Советом) есть основание для единства нации. Продолжим подобную логику: после разгона матросом Железняком Учредительного собрания в 1918 г. прежняя нация должна была завершить свое существование, чтобы затем на свет явилась бы новая нация. Но только лишь в эпоху Брежнева было объявлено о появлении «новой исторической общности – советских людей» – но даже тогда это была не реальная, а скорее лишь декларированная и обращенная в будущее форма

идентичности (советский человек), которая так и не была реализована. Брежнев оказался продолжателем дела не столько Сталина, сколько аббата Сийеса.

Однако если расширить подобное понимание идентичности и не привязывать его к конкретным политическим институтам, то оно оказывается важным дополнениям к существующим концепциям – это идентичность, обращенная не в прошлое, а в настоящее – к современному государству, что особенно характерно для американского дискурса, на который ориентируются многие ведущие теоретики.

5.1. Приведенный обзор показывает, что определения нации и национальной идентичности основываются на различных критериях и оказываются не совместимыми друг с другом. Без значительных натяжек нельзя выделить некоторое общее ядро, которое послужило бы инвариантом. Некоторая общность или группа людей может быть признана нацией по одним основаниям и не быть таковой в свете иных определений. За основу может прииматься как самоидентификация, так и характеристики, приписаваемые внешним наблюдателем. Идентичность может пониматься и как извечно существующий архетип, и как приписываемый атрибут, и как возникающий в результате совместной детельности результат. Генетические, социальные, культурные и географические характеристики и их модификации также приводятся в качестве определяющих факторов.

5.2. Будучи формой коллективной идентичности, национальная может быть соотнесена с простейшими формами социальной организации как ее метафорический праобраз или протоптип. Нетрудно заметить, что различные подходы (дискурсивные формации) в качестве такого прототипа основываются на таких социальных группах, как семья, община, коллектив или род. Эти группы предполагают различные принципы включения и выделения. Так, наиболее интуитивно ясным является принцип отождествления нации с семьей или родом, что, кстати, зафиксировано в этимологии армянского «ազգ». В этом случае ни вхождение, ни исключение не зависят от индивида, а являются данностью. Разумеется, возможны символические формы включения или исключения (усыновление, изгнание, лишения наследства), но только как некоторе отклонения от существующей практики. Членство в семье опредедяется рождением, и потому не подлежит изменению. Так, блудный сын остается пусть и блудным, но сыном, и всегда может надеяться на возвращение. Однако уход из семьи есть измена. Это самовольное изменение статуса, что подлежит наказанию. Отцу, а, точнее, семье, принадлежит право миловать, как в евангельской притче, или же казнить, как поступает с сыном Андрием гоголевский Тарас Бульба. Впрочем, по отношению к изменникам так может поступить и сын – как легендарный Самвел из одноименного романа Раффи, казнящий за предательство своих родителей; выход из семьи-нации лишает бывшего ее члена какого-либо статуса. Включение в семью, например, посредством брака, делает индивида «своим», но не «родным», что до сих пор отражается в русском языке как разграничение между связанными по крови родственнниками и вошедшими в семью благодаря браку свойственниками. Примордиалискому пониманию нации, как семьи, противостоит конструктивиское представление о ней как о воображаемой, но, тем не менее, общине. Здесь могут

быть также определенные градации: от традиционалистского, как связанного общим локусом, культурой, языком и интересами до понимания как свободно формируемого коллектива. В первом случае вхождение является данностью, определяемое местом рождения, однако выход из нее уже может быть ненаказуемым решением индивида или же результатом внешних обстоятельств (ассимиляция, поглощение другой общиной). Во втором случае, тяготеющем к перформативному пониманию, выбор определяется самим индивидом, который вправе продлить или прервать свое членство в данном коллективе. Более того – в таком случае возможна множественная национальная идентичность, для которой нет места при каких-либо иных подходах. В некоторых случаях коллектив может напоминать элитарный клуб – вхождение в него не является автоматическим, оно определяется рядом характеристик (происхождение, статус, поведение), вход надо заслужить («быть избранным»), за недостойное поведение из этого клуба могут и исключить.

Замкнутостью клуб может напоминать семью, но предъявляет более строгие критерии: если в семье допустимо наличие «недостойных» («в семье не без урода»), то клубный принцип подобного не позволяет. «Избранничество» оказывается миссией, определяющей соответствующую идентичность, .

5.3. Вместе с тем, между отдельными подходами можно наметить точки соприкосновения. Более того, существующие социальные, политические и юридические практики также представляют причудливый конгломерат различных подходов, например: напоминающие обряды инициации процедуры получения или отказа от гражданства, различные перформативные акты (клятва о верности, заявления об отказе от гражданства и т.п.), архаичное испытание, приобретающее форму экзамена, криминализация или де-криминализация двойного гражданства, права меньшинств, ситуация с *не-гражданами* в странах Балтии).

Ситуация напоминает теорию «фамильного сходства» Людвига Витгенштейна: хотя невозможно выделить признаки, общие для всех типов, тем не менее, для каждого из типов можно подобрать как минимум один, с которым он будет разделять общие характеристики. Исходя из этого при описании конкретных проявлений идентичности представляется уместным использовать принцип контекстуализма: в зависмости от характера описываемого явления тот или иной подход может оказаться предпочтительным. Различные конкурирующие описания и самоописания могут быть при этом рассмотрены как контекстно-обусловленные дискурсивные практики. В таком случае основным вопросом становится выявление соотношения, или (взаимо-) зависимости, существующим между данным дискурсом и контекстами его генерации, транслирования и трансформации.

Если уйти от мифологизируемой и мифологизирующей концепции инвариантной сущности, обеспечивающей единство на протяжении веков, то, конечно же, это единство может быть соотнесено с некоторым коструктом, безотносительно от того, как мы намерены объяснить его: рассматривать его как природное генетическое образование, воздействие окружающей среды на формирование сообществ, как историко-культурный институт, как результат определенным образом проведенных политических границ или же плод

современной идеологии – независимо от его генезиса существует нечто, что создает нацию и выделяющую ее идентичность.

Поэтому любопытным образом один подход требует своего продолжения в другом. Ставшее ныне респектабельным – рассматривать идентичность как обусловленную личным выбором индивида, приписывать исключительно интенции индивида – значит, переносить на национальную идентичность социальные идентичности (такие, как возрастные, профессиональные, эстетические, корпоративные, гендерные), где в самом деле наличествует ситуация личного выбора. В случае национальной идентичности – понимать ли национальность в этатистском духе, или же как тяготеющую к этничности – подобная свобода выбора может быть осуществлена в достаточно ограниченных случаях, регулируемых и ограничиваемых рядом вышеописанных факторов (язык, гражданство, территория, традиция). Например, мое стремление считать себя зулусом натыкается на незнание языка зулусов, желание считать себя австрийцем блокируется отсутствием австрийского гражданства, и т.п. Понятие идентичности само по себе есть конструкт, причем комплексный, почему и его то или иное понимание нуждается в поддержке других, связанных с ним конструктов. Поэтому любое описание, не поддержанное дополнительными к нему, обречено на деконструкцию – любое из приведенных, будучи рассматренным изолированно и как самодоставточное, приводит к крайне неудовлетворительным импликациям.

Напротив, рассматривая идентичность не как результат проекции некоторой инвариантной сущности, а как то, что можно назвать контекстуально обусловленным семейным сходством, мы, отказываясь от понимания идентичности как инварианта при различных преобразованиях, можем предложить иную модель: как правила перехода от одной динамической системы характеристик и индикаторов к другим. Подобное понимание будет конкретизировано в последующем анализе описаний армянской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луман Н*. Общество как социальная система. Перевод с немецкого А. Антоновского. М.: Логос, 2004.

2. *Джозеф Дж*. Язык и национальная идентичность // Логос № 4 (49), 2005. СС. 20–48. С. 35.

3. *Zolyan S*. National Identity and Cross-Cultural Communication (on Armenian experience from historical point of view) // W poszukiwaniu tożsamości językowej (В поисках языковой идентичности). z. 2, Universitet Gdanski, 2016. PP. 155–158.

4. *Золян С*. Политическая символика Третьей Республики: в поисках идентичности XXI-й век , 2017, № 3 (44). СС. 4–26.

5. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. - М.: Новое изд-во, 2006. 198, [1] с. ил. (Новые границы). Библиогр.: СС. 181–187 и в тексте. Пер.: . Ethnic Groups and Boundaries. - Oslo: Universitetsforlaget AS, 1969.

6. *Сталин И.В*. Марксизм и национальный вопрос. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. СС. 290–367.

7. *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос, 2005. № 4. СС. 49–59. С.50.

8. *Андерсон Б.* Национализм, идентичность и логика серийности // Логос, 2005. № 4. С. 71–71.

9. *Батлер Дж.* Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 248 с.

10. *Searle John R.* The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995.

11. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Соб. соч. в 12-ти томах. Т. 6. Киев, 1902. СС. 87–101. СС. 101–102.

12. *Տերյան Վ.* Երկերի ժողովածու չորս հատորով, Հ. 3, Եր., 1973: (Ваан Терьян, Собр. соч. в 4-х т. Т. 3, Ер., 1973, на арм. яз.). СС. 113–114.

13. Там же. С. 114.

14. *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. СС. 3–8. С. 3.

15. *Jackendorf R.* Language, Consciousness, Culture A Bradford Book The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 2007, 431 p. P. 168.

16. *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. СС. 296–297.

17. *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос, 2005. № 4. СС. 49–59. С. 50.

ABOUT THE PRINCIPLES AND TYPES OF DESCRIPTION OF NATIONAL IDENTITY

S. Zolyan

ABSTRACT

In our article we discuss the principles of describing the mechanisms of genesis, representation, construction and translation of national identity. Identity is considered as some informational phenomenon, It functions through a complex of semiotic means. The information-semiotic approach should correctly identify what is an object of communication and semiosis, for thus it considers cultural, political, social, and other relevant factors and their possible role in constructing discourses representing a nation and national identity. This article will discuss the typology of approaches, which are used to describe the concept of a nation and national identity.
Keywords: nation, national identity, typology, communication, semiotics, Armenia.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

А.В. Восканян

Российско-Армянский университет
ashot.voskanian@gmail.com

Восточные армяне в политическом смысле русские
Ст. Назарянц

Выведенное в эпиграф парадоксальное утверждение известного армянского просветителя XIX века имеет свой raison d'être в том несомненном историческом обстоятельстве, что все три модернизационных этапа (проекта) Восточной Армении неразрывно связаны с Россией. Эти проекты были призваны обеспечить:

а) физическое выживание;

б) национальное освобождение;

в) социальное развитие армянского народа;

Все три проекта не лишены амбивалентности.

а) Переход Восточной Армении под юрисдикцию Российской империи создал предпосылки для качественно нового этапа ее социального и экономического развития. Но результаты оказались неоднозначными. Фрустрация армянской элиты того времени экземплярно проявилась в резком изменении оценок основоположника новой армянской литературы Хачатура Абовяна, который в романе «Раны Армении» (1841, изд. в 1858 году) восторженно приветствовал вступление российских войск в Армению («Благословен тот час, когда нога русского ступила на нашу землю»), тогда как в своей поздней переписке с горечью вопрошал: «В чем польза и слава нашего освобождения, если Армения сегодня более прозябает в мраке невежества, чем в прошлые годы под игом варваров?» [1].

б) После включения Восточной Армении в состав России вопрос о национальном освобождении ставился исключительно в отношении Западной Армении, находящейся в составе Османской империи. Этот проект подвергся жестокой критике историком Лео (Аракел Бабаханян), согласно которому «вся турецко-армянская революция была исключительным делом русско-армянской интеллигенции» [2].

Лео имел ввиду, что действия армянских политических партий, практически перенявших идеологию и методы русского народничества, и действующих на территории Османской империи, не имея достаточного представления о реалиях Западной Армении, носили авантюрный характер и, в конечном счете повлекли за

[1]Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства) при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

собой варварскую реакцию турецкого правительства, закончившуюся геноцидом западных армян.

в) Такая же неоднозначность была присуща советскому социальному проекту, осуществленному на основе сталинской мобилизационной модернизации. Результатом оказались ускоренное индустриальное и социальное развитие страны и неразрывно связанный с ними ГУЛАГ.

При всей двойственности трех вышеназванных проектов, именно они в совокупности составляют этапы уникального модернизационного пути, который прошла Восточная Армения благодаря и с помощью России. Прогресс, достигнутый на этом пути, однозначен, неоспорим и не подвержен никаким «амбивалентным» сомнениям и оговоркам.

2.

Вопрос об идеологических основах взаимодействия двух стран на новом постсоветском этапе непосредственно отсылает к представлениям российской политической элиты о будущей модели «Российского государства», связанной, по сути, с третьим этапом российского имперского проекта.

Первыми двумя (с точки зрения Армении) были:

а) царский (общецивилизационный), что примерно соответствует этапу западного колониализма, и

б) советский (объединение на основе общей идеальной модели будущего).

Третьим этапом можно считать г) националистический проект возрождения империи на основе «новой русской идентичности».

Национализм, по сути, является западной идеей. Но в современном мире весьма часто основой построения национальной идентичности оказывается антизападничество. Именно в этом русле происходит и развертывание российской «мягкой силы», включающей два основных проекта: «русского мира» и «евразийства».

3.

Важно отметить, что «русскому миру» в армянской традиции соответствует идея «армянского мира». При всех очевидных различиях, оба эти проекта, в силу их ориентированности к подчеркиванию собственной идентичности, являются антиглобалистскими. С другой стороны, в них проявляются также локально-глобалистские претензии: в одном случае, это – стремление возродить былое «имперское величие», в другом – коммуникативная сетевая установка на формирование «глобальной» транснации, объединяющей национальное государство, НКР и диаспору.

С учетом этих различий, задача «включения армянского мира в русский» кажется трудноосуществимой. Однако можно отметить, по крайней мере, две исторические попытки ее реализации.

Первая связана с «освободительным проектом» (см. п. 1, б) армянских традиционных партий, восходящим к некоторым идеям Микаэла Налбандяна. Последний, в свою очередь, исходил из бакунинского варианта «панславянства» – расширенного толкования «славянского мира», включающего в себя также

неславянские, нохристианские угнетенные народы (армяне, греки и т.д) трех, клонящихся к упадку, империй (Российской, Османской и Австро-Венгерской) [3]. Как было отмечено выше, эта попытка результировала в коллапс армянского геноцида.

Вторая попытка была предпринята после развала СССР и вылилась в движение по организации «союза духовно-близких народов», основанного на традициях православного и (старого) восточного христианства. Союз не состоялся по ряду причин, в частности:

а) Исторически Армянская апостольская церковь не только не была близка православной, но и в течение многих столетий находилась в состоянии обороны по отношению к экспансионизму Византийской православной церкви.

б) Хотя принадлежность к народу, первым принявшему христианство в качестве государственной религии, является одной из важнейших конституент армянской национальной идентичности, современное армянское общество преимущественно секулярно и не склонно придавать политическое значение тонкостям конфессиональных различий.

После последнего церковного раскола, связанного с предоставлением томоса православной церкви Украины и все углубляющейся самоизоляции РПЦ, задача организации «союза духовно-близких народов» выглядит более чем утопично.

4.

В специфическом контексте армянской идентичности, исторически вобравшей в себя элементы культур Запада и Востока, второй российский проект – «евразийство» может показаться идеальной идеологической основой для интеграции Армении в семью постсоветских государств. Однако и тут есть свои опасения.

Еще на первом этапе возникновения русского евразийства была отмечена его склонность к принижению европейского аспекта русской культуры в пользу азиатского. Эта установка нашла свою недвусмысленную оценку в следующей мысли Николая Бердяева: «Евразийцы любят туранский элемент в русской культуре... (они) готовы создать единый фронт со всеми восточно-азиатскими, не христианскими вероисповеданиями! против христианских вероисповеданий Запада» [4].

5.

Наиболее выпуклым проявлением этой тенденции может считаться модель современного русского философа Александра Дугина, основанная на идее «археомодерна», по сути, являющейся переосмыслением шпенглеровской концепции «псевдоморфоза».

Радикализм дугинской концепции проявляется в попытке создания «аналитики русского Dasein», которая призвана ограничить универсальное значение одноименного хайдеггеровского экзистенциала (определяемого через «движение к смерти» – Vorlaufenzum Tode) рамками западноевропейской культуры и обосновать «принципиальную инаковость» русского человека.

Отсюда бескомпромиссный вывод о «сознательной стратегии русского юродства по подрыву связности западноевропейского рацио». И далее: «В археомодерне русское хочет пожрать Запад, переварить европейский Dasein, сгноить его в туманах русского всеприемлющего чрева. Это не поражение, это – медленная и сознательная

контратака. ...Это тяжелый и неприятный случай для Запада: он мог бы нас принять как «колонию», но в качестве сонного, мычащего, но невероятно могущественного партнера принять нас невыносимо. И тех, кто так считает, понять вполне можно» [5].

Очевидно, что контроверза «Россия - Запад» сконструирована Дугиным по принципу шмиттовского «врага», исключающего какое-либо партнерство [6]. Вопрос, который возникает здесь с точки зрения Армении, следующий: как возможны партнерские отношения с подобной, несовместимой ни с чем Россией, если сам не обладаешь качествами пресловутого «русского Dasein»?

6.

Естественен вопрос: зачем обращаться к экстравагантным идеям персонажа, вот уже несколько лет как вытесненного из российского политического мейнстрима? Но дело в том, что эти идеи находят вполне очевидные параллели в актуальных идеологемах сегодняшнего дня. Об этом, в частности, свидетельствуют:

а) сознательное «антизападное юродство» многочисленных телевизионных ток-шоу;

б) заявления на самом высоком уровне о том, что «смерть русским не страшна»: «Мы вообще ничего не боимся. Далеко не везде, не во всех странах есть такая предрасположенность граждан жизнь свою отдать за отечество, а у нас есть» [7].

Отсюда вывод об «одиночестве полукровки» (статья Владислава Суркова), который недвусмысленно выражает умонастроение российских элит и вызывает беспокойство не только у Армении, но также у других союзников по ЕАЭС (Беларусь, Казахстан).

7.

Более уравновешенной попыткой использования евразийской идеи в целях стимулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве можно считать конструирование «евразийского консерватизма» в качестве универсальной идеологии стран Евразийского экономического союза.

В основе указанной доктрины лежат следующие положения:

- справедливость важнее прав человека;
- верность традициям (Семья, Государство, Вера);
- интересы государства и народа выше интересов личности;
- сильное государство обеспечивает порядок и благоденствие народа;
- отдельные права граждан могут быть ограничены во имя общих интересов.

Создается впечатление, что общим для перечисленных тезисов является противопоставление недифференцированной «соборности» критически ориентированной рациональности, присущей свободной личности.

Очередной вопрос, который по этому поводу возникает, следующий: Какой социальной модели соответствует эта идеология?

Именно в этом вопросе коренится недоверие российских элит к Армянской бархатной революции, которое проявляется несмотря на все заверения нового армянского руководства о неизменности внешнеполитического курса.

8.

Для разработки новых идеологических оснований армяно-российских

отношений необходимо нечто большее – совместный критический анализ общей истории, а также моделей и перспектив совместного будущего.

Наше время знает много примеров совместного обсуждения исторических проблем, развертывающегося, как правило, в парадигме «постколониальных исследований». Этот формат мог бы быть продуктивным и в данном случае, независимо от того, в какой мере отношения Армении и России могут быть описаны в терминах классического колониализма.

Этому, в частности, мешает ressentiment современной российской элиты, связанный с тем, что она сама ощущает себя жертвой колониального притеснения со стороны Запада. По сути, воспроизводится духовная ситуация времен «Скифов» Блока!

Российская элита (в том числе, гуманитарная интеллигенция) не готова к диалогу с бывшей колонией в качестве представителя бывшей метрополии[1]. Она предпочитает функцию защитника «своеобразия народов» от условного глобализованного Запада. Вместо предметного диалога Армения - Россия предлагается коллективное участие в «постколониальном» противостоянии некого конгломерата борющихся за свою идентичность стран с западными угрозами.

Здесь проблема заключается не только в том, что в ту же группу «своеобразных» вовлекаются Турция и некоторые другие страны, с которыми Армения, в силу известных причин, не готова кооперироваться, и даже не в том, что Запад (уже в силу своей геополитической дистанцированности) не воспринимается в Армении в качестве угрозы.

Дело состоит, прежде всего, в том, что за всю многовековую историю армяно-российских отношений Россия для Армении никогда не была анти-Западом. Наоборот, в силу своего геополитического расположения и культурного своеобразия, Россия, в противоположность Ирану и Турции, воспринималась в качестве поставщика европейских идей. РОССИЯ И БЫЛА ЕВРОПОЙ АРМЕНИИ. Именно в этом заключалась ее цивилизационная роль. И сегодня Армения заинтересована в том, чтобы Россия оставалась мостом с Западом, не отделяющим, а соединяющим.

9.

Представленные тезисы могут показаться излишне критическими. Но они ни в коем случае не ставят под сомнение стратегическое партнерство Армении и России. И в XXI веке большинство армян в политическом смысле остаются «русскими». Для нас очевидно, что исход России из Южного Кавказа повлек бы за собой катастрофические последствия для Армении. Мы также уверены, что ослабление независимой Армении означало бы ослабление позиций России в регионе. Мы хотели бы, чтобы откровенное и взаимно заинтересованное обсуждение проблем национальной идентичности обоих народов имело предметный характер и не «заволакивалось туманом» спекулятивных дуальных схем. Тогда оно действительно станет одним из важнейших факторов дальнейшего развития и углубления армяно-российских отношений.

---

[1]Используя этот термин, мы не забываем о цивилизаторской роли метрополий в колониальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо католикосу Нерсесу Аштаракеци (середина 1847 года), Х. Абовян, ПСС. Т. 10, Ер., 1961. С. 295.

2. *Лео*. Идеология турецко-армянской революции. Т. 1, Ер., 1994. С. 17 (на арм. яз., 1928, первое изд. 1934, Париж).

3. Там же. С. 21.

4. *Бердяев Н.*, Евразийцы. Евразийский вестник, кн. 4, Берлин, 1925.

5. *Дугин А.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. http://konservatizm.org/konservatizm/books/170912171328.xhtml

6. *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen: Text von 1932 miteinem Vorwort und drei Corollarien, Berlin: Duncker & Humblot, 1991. CC. 29–30.

7. https://lenta.ru/articles/2018/10/18/putin/

МХИТАРИАНЦЫ И ИХ ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Р.А. Мирумян
Российский-Армянский университет
rimma.mirumyan@gmail.com

Прошедший год (октябрь 2017–октябрь 2018 гг.) в Армении был объявлен годом Армянского католического монашеского Ордена – Ордена Мхитарианцев. Это было обусловлено двумя юбилейными датами: 300-летием основания Ордена Мхитарианцев на острове Св. Лазаря в Венеции и 175-летием основания патриарха армянской периодической печати – «Базмавепа».

В ряду проведенных в течение этого периода юбилейных мероприятий особого внимания заслуживают две международные научные конференции, в работе которых я имела удовольствие принять участие. В проведенной 23–25 октября 2017г. конференции «Мхитарианскому ордену в Венеции–300» я выступила с докладом «Программа духовного возрождения нации как опыт восстановления армянской цивилизационной парадигмы (к вопросу о политической концепции культуры)». На прошедшей 19–20 октября 2018г. конференции «Базмавеп: 175-летие патриарха армянской периодической печати» я представила доклад на тему «Через просвещение армянской нации к укреплению армянского национального самосознания как историческая миссия «Базмавепа». В этой связи считаю необходимым отметить, что мною написана и подготовлена к печати научная монография «Габриэл Айвазян (Айвазовский)», представляющий собой очередной том серии «Армянские философы». Упоминание об этой первой в арменистике монографии, посвященной осмыслению философско-исторического мировоззрения Г. Айвазяна целесообразно хотя бы потому, что он является одним из ярчайших представителей целого созвездия творивших в рамках XIXв. Мхитарианцев, основателем и первым редактором журнала «Базмавеп» (1843–1848 гг.). Один параграф этой монографии («Соотношение «нация–религия» в философско-исторической концепции Габриэля Айвазовского») опубликован в настоящем номере «Вестника РАУ».

Сказанное является лишь небольшой данью современной армянской духовно-интеллектуальной элиты, в том числе и моей (я занимаюсь исследованием творческого наследия основателя Ордена Мхитара Себастаци и первой плеяды Мхитарианцев, начиная с середины 90-х годов прошлого века) великому духовному подвигу Себастаци и вот уже более 300 лет реализовывавшим Программу духовного Возрождения армянской нации своего Первоучителя представителями Ордена. При исследовании творческого наследия Мхитара и Мхитарианцев в качестве исходной посылки я использовала (и продолжаю использовать) стержневой принцип разработанный мною для исследования армянской философской мысли

[1] Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства) при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

философско-исторической методологической концепции: история и культура взаимосвязаны. В соответствии с этим культура существует постольку, поскольку в ней присутствует феномен истории и наоборот, история существует в той мере, в какой она вписана в разнообразные формы национальной культуры, оплодотворяя ее (культуры) бытие [1].

В соответствии с этой методологической посылкой можно утверждать следующее. В течение всей своей жизни Мхитар Себастаци реализовывал свою Программу духовного возрождения нации, сверхзадачей которой нужно полагать «восстановление» армянской цивилизационной парадигмы, что, в свою очередь, способствовало бы «восстановлению» матрицы армянской национальной идентичности, важнейшими составляющими которой, по замыслу Мхитара Себастаци, являются национальный язык, национальная история и история Национальной церкви.

Сутью своей Программы и смыслом деятельности основанного им Братства Себастаци определял как служение армянскому народу во Славу Бога: «Восславление Бога через армянскую культуру». В этом проявилось глубокое понимание Мхитаром Себастаци того, что народ, духовно-нравственный облик которого обусловлен его существованием как народа христианского, литературно-художественное, научно-философское, архитектурное творчество «заряжено» искрами зажженного Св. Григорием Лусаворичем (Просветителем) факела, чья жизненная стойкость и вечное Право на существование, муки и страдания исходят из того же источника — христианской веры, и обусловленной ею национально-религиозной идеологии, мог создать лишь такую культуру, которая явилась чистым отражением его национально-религиозного кредо. В истории Церкви Мхитар Себастаци оказался единственным её служителем, которая явилась чистым отражением его национально-религиозного мировоззрения [2].

Мхитар и его последователи были убеждены в том, что лишь таким путем можно пробудить и развить национальное самосознание лишенного национальной государственности и рассеянного по всему миру армянского народа. Программную установку Мхитара Себастаци наилучшим образом охарактеризовал Габриэл Айвазян: «… с помощью науки расширить кругозор и представления нации, чтобы она поняла, что представляет собой ее история, каков ее язык, что ее вера истинна, церковь православна, одним словом, чтобы называться нацией, ей не нужно отказываться от своей национальной принадлежности и для того, чтобы быть православной, ей не нужно выступать против своих “предводителей”» [3]. Программа духовного возрождения армянской нации МхитараСебастаци коррелирует с Программой национального просвещения Первоучителя нации Месропа Маштоца. В то же время она весьма актуальна для армянской нации и сегодня – в условиях нивелирующих национальное своеобразие объявленной и необъявленной глобализации с одной стороны, а с другой – тенденции «конструирования» национальной идентичности новообразовывавшихся наций. Цивилизации и культуры однажды рождаются и развиваются, чтобы обеспечить рождение и развитие нации, и наоборот: однажды рождаются и развиваются нации, чтобы порождать и развивать свою цивилизацию

и культуру. Это означает, что выживаемость нации и обеспечение ею своего места в пространстве Истории возможны лишь при сохранении ею в «жизненном состоянии» матрицы своей цивилизации и культуры.

Армянский монашеский католический Орден сохранил в «жизненном состоянии» матрицу армянской цивилизации и армянской национальной идентичности. Подобное устремление я определила через понятие «оправдание нации» (ազգարդարացում), являющееся центральным в моей методологической концепции. Такое устремление актуально для любой высокоразвитой в культурно-цивилизационном смысле нации. Для армянской нации подобное стремление было актуально на протяжении всей истории ее существования как нации христианской. Актуально оно и для ее современного бытия. При этом, если для новоформирующихся наций (недавно приобретших политическую независимость народов) данная проблема (самоидентификация) упирается в необходимость формулировки объединяющих эти народы культурных концептов, то для имеющих долгую культурную (и некогда ещё и политическую) историю наций эта проблема сводится к потребности переосмысления оснований собственной культуры [4].

Справедливость данного тезиса подтверждается идеей Мхитара Себастаци о создании Армянского монашеского Ордена и очерченным им же вектором деятельности Мхитарианцев. Глубокое понимание Себастаци духовно-интеллектуальных запросов нации, обусловленных её вековыми национально-религиозными ценностями, стало стимулом основания Армянского монашеского Ордена для духовно-интеллектуального просвещения нации. Последнее мыслилось Себастаци как главнейшее условие сохранения «Армянского Духа» – «Армянскости» («Հայկականության»).

В истории армянского народа, да и не только армянского, это неповторимое явление – основанный Мхитаром Себастаци Армянский монашеский католический Орден, стал маяком духовной культуры древнейшей нации, «обладающей неисчерпаемыми возможностями империей ценностей, к которому с каждым днём растущая армянская диаспора должна относиться серьёзно и с большим пониманием, поскольку он создан не для удовлетворения духовных и интеллектуальных потребностей нескольких десятков монахов, а в соответствии с завещанием великого Себастаци – «Как и я, этот Орден изначально был предназначен для культурного служения армянскому народу и во славу Бога» [5].

Данная формулировка может служить ответом как оставшимся в прошлом критикам Мхитарианцев за их «чрезмерный национализм», так и их новоявленным оппонентам, предлагающим «современные» модели сохранения армянской национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирумян Р.А.* Философско-исторические концепции в армянской философской мысли XIX века: Методологический анализ, Ер.: «Ноян тапан», 2003. С. 58, на арм. яз.

2. *Мирумян Р.А.* Духовное возрождение нации как фактор сохранения армянской национальной идентичности в политической доктрине Мхитара Себастаци (к вопросу о политической концепции культуры) // Вестник РАУ (гуманитарные и общественные науки), Ер.: Изд-во РАУ, 2017, № 1. СС. 87–91.

3. *Архимандрит Габриэл Айвазян*. Очерк духа и бытия венецианского мхитарианского ордена, Константинополь, 1875. СС. 17–18, на арм. яз.

4. *Мирумян Р.А.* Национальный язык как первооснова культурной идентичности наций (политико-философский аспект) // Вестник РАУ (гуманитарные, общественные науки), 2016, № 2. С. 47.

5. *Архимандрит Арутюн Пзтикян.* Вклад Мхитара Себастаци и Мхитарианцев в армянскую культуру, Ер., 2003. СС. 78–79.

КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)[1]

О.Л. Саркисян

Российско-Армянский университет
hovhannes.sargsyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье постулируется тезис о том, что политика идентичности актуальна для Республики Армения. Аргументируется, что формирование модели современной армянской идентичности в раннем средневековье есть результат именно подобной политики, где основным ресурсом нациестроительства был культурный ресурс. Выдвигается идея, что для политики идентичности Республики Армения актуальны два направления: развитие гражданского сознания в Армении и реализация проектов, направленных на обеспечение единства армянской диаспоры и ее мобилизацию вокруг армянской государственности.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, национальная идентичность, гражданская идентичность, культурная модель нации.

В условиях современных социально-политических трансформаций и в контексте тенденций возможных кардинальных изменений в системе международных отношений особое внимание обращается на процесс нациестроительства. Важнейшей составляющей, а по мнению некоторых авторов – инструментом [1], программной реализации данного процесса является политика идентичности. Основным актором данной политики является государство во всем многообразии своих институтов [2]. Но это не означает, что иных акторов данной политики не существует. В зависимости от конкретного исторического контекста могут активизироваться, а иногда – стать определяющими и другие акторы. На примере истории армянского народа, особенно в периоды отсутствия собственной государственности, мы видим, как определяющими факторами становятся негосударственные акторы: церковь, родословная аристократия, культурные и интеллектуальные элиты.

Цели политики идентичности также определяются совокупностью конкретных обстоятельств – внутренними и внешними вызовами, которые могут быть совершенно разнообразными. С этой точки зрения очевидно, что политика идентичности является составной частью общего национально-государственного стратегического проекта.

Примечательно то, что в армянской научной литературе практически не

[1] Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства) при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

фигурирует термин «политика идентичности», что имеет свое объяснение. Во-первых, отсутствие общенационального стратегического проекта развития делает практически невозможным осмысленную долгосрочную политику идентичности. Во-вторых, этническая идентичность, по существу, отождествляется с национальной идентичностью, и, исходя из факта моноэтничности населения Республики Армения (более 97% населения составляют армяне), делается вывод о бессмысленности вышеназванной политики. В-третьих, абсолютизируется наличная культурно-конфессиональная модель армянской идентичности, как нечто неизменное, данное априори вне времени и пространства (подобный антиисторизм в лучшем случае сводит политику идентичности к усилиям сохранить наличную идентичность).

Между тем, очевидно, что национальная идентичность развивается: либо эволюционно, либо революционно трансформируясь. Она меняется либо спонтанно, либо программно-стратегически. Последнее и есть результат продуманной и реализованной политики идентичности. При проектировании политики идентичности особое значение имеет адекватное осмысление прошлого и настоящего. Поэтому, прежде всего, необходимо ответить на вопросы «Кем мы были?» и «Кто мы есть?». Но не менее важно осмыслить свои амбиции будущего, отвечая на вопрос «Кем мы хотим и можем быть?». С одной стороны, ответ на первый вопрос помогает осмыслить второй, тем самым определяя ответ на третий, но, с другой стороны, ответ на последний (формулировка идеала будущего, стратегических целей), в свою очередь ретроспективно влияет на ответы первых двух вопросов.

По нашему мнению, основы современной армянской идентичности были сформированы в IV – VIвв. в результате реализации особой политики идентичности: принятие христианства в качестве государственной религии, процесс суверенизации-национализации Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования и т.д. Эта модель, где нация формируется и развивается даже в условиях отсутствия собственной государственности, где основным ресурсом конструирования идентичности является цивилизационно-культурный ресурс, можно условно назвать «культурно-исторической» моделью национальной идентичности. Данная модель армянской нации легитимизировалась особенно тем обстоятельством, что периоды восстановления армянской государственности сменялись долгими веками отсутствия собственного государства [3].

Культурно-цивилизационная специфика армянской идентичности достаточно освещена. Но, фактически, отсутствуют исследования, посвященные развитию гражданской и политической идентичности армянства. Между тем, осмысление современной армянской государственности, прошедшей путь независимости в четверть века, будет неполным без изучения трансформации этих аспектов идентичности.

Темой отдельного исследования является изучение трансформации армянской идентичности в советский период. Это, безусловно, интересная тема, но необходимо учесть, что речь должна идти только о той части армянства, которая проживала в

СССР. Отдельными вопросами подобного исследования могут быть: проблема соотношения наднациональной тотальной идеологии и этно-национальной идентичности, осмысление размежевания идентичностей «советского армянства» и армянской диаспоры, рассмотрение Армянской ССР как фактора формирования гражданско-государственного сознания веками лишенного государственности армянства, осмысление феномена этнического патриотизма и «мягкого» армянского национализма в позднесоветский период и др.

Казалось, что с провозглашением независимой Республики Армения в 1991г., начнется бурный процесс трансформации гражданской идентичности, обусловленный переходом от имперского советского жизнеустройства к суверенно-национальному, от закрытого общества к открытому. Действительно, начался процесс определенных изменений, но он носил скорее спонтанный характер, а не был результатом особой продуманной политики. Начавшиеся в начале 90-х годов изменения гражданского сознания и политической культуры, вскоре были приостановлены, что можно охарактеризовать как кризис гражданской идентичности. Чем это было обусловлено?

Во-первых, сам процесс демократизации, бурно начавшийся в начале 90-х гг., через несколько лет был, по существу, свернут. Это, в свою очередь, аргументировалось состоянием войны с Азербайджаном и блокадой со стороны Турции и Азербайджана, что требовало концентрации власти в одном месте, создавая почву для формирования авторитарных форм властвования. В подобных условиях необходимость «гражданского просвещения» ушла на второй план.

Во-вторых, развал СССР способствовал расцвету этнонационализма. В отличие от некоторых других постсоветских республик, в Армении национализм не проявился в агрессивной форме. Но в условиях даже «мягкого» армянского национализма развитие гражданского сознания было неперспективным. Неслучайно, к примеру, что в школьных программах была, по существу, абсолютизирована роль «Истории армянского народа». Именно этот предмет до сих пор является стержневым в школьной программе социально-гуманитарного образования.

В-третьих, армянство, по существу, продолжало рассматриваться как культурно-конфессиональное образование. Осмелимся утверждать, что и сегодня наличен определенный «конфликт» между понятиями «армянин» и «гражданин Республики Армения». Идентификация с первым статусом намного важнее для индивида, чем со вторым.

В этом контексте игнорировать значение политики идентичности для Республики Армения по меньшей мере наивно, особенно учитывая, что современная армянская государственность еще находится на стадии становления, сталкиваясь с множеством вызовов, среди которых особое место имеют необходимость развития гражданско-государственного сознания, в частности, и политико-правовой культуры, в целом. Другим фактором, актуализирующим необходимость политики идентичности в Армении, является существование громадной армянской диаспоры, этническое самосознание которой, будучи

фактором стратегического значения, не может быть безразличным для Республики Армения.

Характеризуя армянскую диаспору на современном этапе, мы должны понимать, что она не представляет собой чего-то единого. Существуя в разных государствах и обществах, находящихся на разном уровне экономического и социально-политического развития, с различными цивилизационными ценностями, диаспоральные общины армянства достаточно различны. Где-то они гармонично вписываются в гражданское общество, и возникает угроза ассимиляции, а где-то сохранение собственной самобытности превращают в самоцель, выбирая тактику выживания (модель гетто).

Осознается также, что роль Армянской церкви, как основного актора унифицирующей политики идентичности, сегодня достаточно ослаблена. Следовательно, возникает необходимость новых унифицирующих инструментов. Очевидно также, что наличен своеобразный скрытый «конфликт» между Республикой Арменией и диаспорой, что можно рассматривать как конфликт идентичностей.

Вплоть до недавнего времени политика идентичности Республики Армения сводилась к мероприятиям, направленным на сохранение армянской идентичности, и, в первую очередь, в диаспоре. Так, в «Стратегии национальной безопасности РА» сохранение идентичности армянства объявляется одной из «фундаментальных ценностей» национальной безопасности Республики Армения, а «ослабление национально-культурной идентичности диаспоры» декларируется как одна из внешних угроз национальной безопасности [4].

В 2016 г. руководство Республики Армения в качестве стратегии дальнейшего развития армянства и армянской государственности, предполагающая также элементы политики идентичности, декларировала концепт «нации-армии». Отметим, что в этой модели из всех институтов гражданской, политической и общекультурной социализации однобоко выделялась роль и значение армии, что таило в себе угрозу милитаризации общественной жизни [5].

В условиях, по существу, отсутствия государственной политики идентичности, с развернутой программой политической и гражданской социализации, в Армении общество само стало спонтанно самоорганизовываться, что выразилось в форме разных протестных движений последних лет. Логическим результатом этих процессов стала «бархатная революция» весны 2018 года. В контексте процессов, которые сегодня развертываются в Армении, в условиях легитимизации публичной политики, проблема разработки особой политики идентичности, направленной на развитие гражданской социализации, еще более актуализируется, так как демократические преобразования возможны и эффективны лишь в обществе политически грамотном и с высоким уровнем гражданского сознания.

Мы считаем, что в Армении наличен определенный кризис идентичности, который проявляется в противопоставлении парадигмы армянства как культурно-конфессионального целого парадигме «государственной нации». Это, в свою очередь, обусловлено недостаточно высоким уровнем политической культуры и

гражданского сознания и неразвитостью социальных институтов, в первую очередь, институтов политической системы.

Те, кто утверждает, что в Республике Армения политика идентичности не актуальна, так как это моноэтничное государство, по существу, не осмысливают, что национальная идентичность в современном мире не сводится к этно-национальной, а предполагает также пласт гражданской, политической, государственной идентичности. Более того, мы считаем, что чрезмерное зацикливание на традиционной культурно-цивилизационной сущности армянской нации может даже мешать формированию гражданской и политической идентичности.

Таким образом, политика идентичности Республики Армения, на наш взгляд, предполагает разработку и реализацию стратегий в двух направлениях:

- Первое направление предполагает смягчение этнонационализма в моноэтничной Республике Армения и развитие гражданской идентичности, с целью синтезировать традиционные национально-культурные ценности с гражданскими ценностями. Первостепенное значение здесь приобретает процесс гражданского образования, в частности, и гражданской социализации, в целом.
- Второе направлено на армянскую диаспору. Необходимо учесть тот факт, что армянская диаспора не является чем-то единым – это группы, общины этнических армян достаточно различные по своему укладу жизни, менталитету и т.д., включенные в общества, достаточно различные по уровню развития и цивилизационным ценностям. Следовательно, здесь акцент необходимо поставить на унифицирующие механизмы, которые позволят сохранить единство армянства, а в перспективе – создать глобальную армянскую сеть. Это, во-первых, традиционные механизмы культурного (пассивного) воздействия. Во-вторых, это – проекты активизации участия армянства в становлении армянской государственности (Республика Армения) через различные механизмов: бизнес-проекты, процедура второго гражданства, репатриация и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *См.: Семененко И.С. Политика идентичности* // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 652.

2. *Ачкасов В.А.* Проблемы политики национальной идентичности в современном мире // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: материалы международной научной конференции 3–4 ноября 2017г., Ер.: Изд-во РАУ, 2017. С. 24.

3. *См.: Саркисян О.Л.* Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: материалы международной научной конференции (3–4 ноября 2017г.). Ер.: Изд-во РАУ, 2017. Gabrielyan H., Sargsyan H. Culture as a Strategic Resource for Armenians and the Republic of Armenia // «Вестник» РАУ, № 26 (№ 2 / 2017).

4. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // http://www.mil.am/media/2015/07/829.pdf

5. *См.: Саркисян О.Л.* Концепт «нация-армия» в контексте формирования гражданской идентичности в Республике Армения // Гражданско – патриотическое воспитание молодежи – вопрос национальной безопасности. Материалы Всероссийской национальной научно–практической

конференции (Ростов н/Д, Таганрог, Ставрополь, Симферополь, 25–26 апреля 2018г.). В 2 тт. Т. 2. 284 с. Ростов н/Д – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018.

CULTURAL RESOURCE OF IDENTITY POLICY (ON THE EXAMPLE OF ARMENIA)

H. Sargsyan

ABSTRACT

The article postulates the thesis that identity policy is relevant for the Republic of Armenia. It's argued, that the formation of the model of modern Armenian identity in the early Middle Ages is the result of the policy, where the main resource of nation-building was a cultural resource. It's putting forward, that two directions are relevant for the politics of identity of the Republic of Armenia: the development of civic consciousness in Armenia, and the implementation of projects, aimed at ensuring the unity of the Armenian diaspora and its mobilization around Armenian statehood.
Keywords: identity, identity politics, national identity, civic identity, model of cultural nations.

ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՌԵՍՈՒՐՍԸ (ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)

Հ.Լ. Սարգսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում առաջադրվում է այն դրույթը, որ ինքնության քաղաքականությունը արդիական է Հայաստանի Հանրապետության համար: Փաստարկվում է, որ հայկական ինքնության արդի մոդելի փնավորումը վաղ միջնադարում արդյունք է հենց նման քաղաքականության, որտեղ ազգակերտման հիմնական ռեսուրսը մշակութային ռեսուրսն էր: Առաջադրվում է այն գաղափարը, որ Հայաստանի Հանրապետության ինքնության քաղաքականության համար արդիական է երկու ուղղություն՝ Հայաստանում քաղաքացիական գիտակցության զարգացումը և հայկական սփյուռքի միասնության ապահովումանը և նրա հավաքագրմանը հայկական պետականության շուրջ նպաստող նախագծերի իրականացումը:
Հիմնաբառեր՝ ինքնություն, ինքնության քաղաքականություն, ազգային ինքնություն, քաղաքացիական ինքնություն, ազգի մշակութային մոդել:

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ АРМЕНИИ[1]

Н.А. Дунамалян

Российско-Армянский университет
norayr.dunamalyan@rau.am

Связи с диаспорой необходимо формировать как в рамках государственных программ, так и при помощи богатого инструментария культурной дипломатии, избегая политических категорий взаимоотношений. Отказ от политической составляющей отношений важен с точки зрения корректного восприятия другими государствами налаживания связей между Арменией и общинами только в рамках социокультурного взаимодействия. Говоря о культурной дипломатии Армении, следует рассмотреть как предмет ресурсной базы культурного влияния, так и наличие необходимых институтов. В случае институтов культурного влияния и формирования культурной политики республики вообще можно выделить деятельность министерств культуры, образования, иностранных дел и диаспоры. Основные направления данных ведомств покрывали весь спектр культурной жизни страны по мере возможности и исчерпания бюджетных ресурсов. Кроме того, на протяжении нескольких лет были проведены программы различных направлений: цифровизация литературного наследия армянского народа, создание научно-популярных и образовательных онлайн-ресурсов, проведение фестивалей и ярмарок, работа с зарубежными армянскими общинами [1].

Мы упомянули конкретные формальные структуры, которые наиболее эффективно могут проводить культурную дипломатию в связи с состоявшейся структурой органов, регламентом, статусом деятельности и т.д. В этом контексте важно также отметить роль неформального агента и, одновременно, объекта культурной дипломатии – диаспоры (Спюрка).

Несмотря на то, что ежегодно правительственные ведомства осуществляют ряд программ, связанных с культурной дипломатией, армянские общины по всему миру нуждаются в более тщательном анализе и реагировании на трансформацию современного армянства. К этому надо добавить и деятельность различных фондов (AGBU, фонд Гюльбенкяна и т.д.), работа которых направлена на налаживание социальных и культурных связей армянства по всему миру. Но в рамках работы таких организаций Армения, в большинстве случаев, предстает в качестве объекта деятельности, а не донора.

Почему деятельность правительства и фондов фрагментарна?

На протяжении 30 лет в армянском обществе не было выработано эффективного механизма сотрудничества в связке «армянское государство-диаспора». Проблема

[1]Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства) при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

касалась как противоречий во внутренней политике, так и отсутствия единства диаспоры. К тому же, в армянском научном сообществе не сформировалось какой-либо методологии исследования проблемы армянских общин в мире, касающейся как описания трансформаций, происходящих внутри общин, так и анализа возможностей налаживания связей с Арменией.

Основная проблема деятельности правительственных ведомств заключается в изначальном посыле, связанным с определением диаспоры как единого сообщества армянского народа, находящегося за рамками армянского государства. Отметим, что данная проблема может возникать и при осознании разнообразия общинной жизни армянства по причине малого количества ресурсов и отсутствия системного анализа этого вопроса.

В данном контексте акцент ставится на единстве культуры, языка, конфессиональной общности, приверженности традициям и т.д. То есть дается предпочтение единству этнокультурных особенностей. На правительственном уровне общинные различия и противоречия нивелируются именно с точки зрения культурного влияния через передачу стандартизированной образовательной литературы, ознакомительных визитов и выставок. На практике проводится искусственная дифференциация между «важным» (поддержка армянского языка) и «второстепенным» (работа с общинами на месте). Кроме того, важно понимать, что, наряду с различиями политического характера, существует проблема поколенческого взаимодействия и отношений между новой и старой диаспорой. Например, после распада СССР в Калифорнию переехали многие носители советского менталитета, повлиявшего на сегодняшнюю диаспору. То же самое можно сказать о различиях политической культуры российского и иранского армянства.

Таким образом, мы сталкиваемся с определенным искажением реальности жизни армянских общин. Вместе с тем, отсутствие постоянного культурного участия армянского государства в жизни отдельных общин ведет к формированию подхода, согласно которому армянское государство может рассматриваться как одна из многочисленных общин [2].

Отсутствие долгосрочной стратегии отношений между государством и диаспорой ведет к большим рискам, связанным с ухудшением международного имиджа Армении и проблемами все большего отдаления общинных интересов.

О ресурсах

Основным ресурсов культурной дипломатии остается продвижение языка. К тому же, в случае диаспоры важно сформулировать универсальный подход продвижения армянского языка за рубежом и трансляции некоторых общих смыслов.

Армянский язык является интегрирующим звеном внутренней и внешней культурной политики, вовлекая армянскую диаспору со всего мира в общеармянскую программу развития. Если обращаться к опыту зарубежных стран, то Израиль решил проблему языка для всего еврейства, возродив иврит (который оставался языком религиозных текстов), но опыт развития армянского общества может подсказать более гибкие методы языковой политики реформирования на основе литературного армянского языка (популяризация языка через каналы массовой культуры, переводы

зарубежных фильмов, развитие современной армянской литературы и т.д.). Проблема языка является жизненно важной проблемой для всего армянства. Диаспоральные структуры пытаются привить знание языка молодому поколению, но не во всех местах данные институты работают эффективно. Со многими диаспорами связь вовсе потеряна. Из армянского бюджета не выделяются значительные суммы для развития армянского языка за пределами Армении, поэтому отсутствие понимания стратегической роли языка, во многом, определяет отсутствие институтов.

Будучи матрицей развития армянской нации, язык способен стать инструментом интеграции армянства, а также приобщить других к армянской культуре. Еще одна проблема заключается также в чрезмерной неоднородности армянской диаспоры, проживающей в разных регионах мира, и степени интеграции армянского меньшинства в тот или иной общественный дискурс США, России, европейских государств, Сирии и т.д. Поэтому ставится вопрос необходимости восприятия армянского государства как национального проекта, переосмысления всей истории армянства и структуры развития в различных сферах. Культурная политика и дипломатия, элементы «мягкой силы», национального брендинга являются исходными категориями разработки комплексной программы развития армянского государства как **проекта всего армянства.** Культурные же связи с диаспорой могут стать ключом для решения широкого круга задач, не зацикливаясь на двух основных вопросах. Политическая элита Армении должна осознавать необходимость сопряжения деятельности диаспоральных структур и государственных органов во избежание формирования двойственных подходов, углубляющих кризис взаимопонимания. Но для начала такие диаспоральные структуры должны сформироваться.

Такая же брешь существует в отсутствии престижных образовательных форматов для представителей армянской диаспоры.

Институт культурной дипломатии

Вышеизложенные проблемы требуют адекватной реакции в виде формирования институциональной основы для систематизированной работы между государством и всемирным армянством. Проблема в этом случае касается не только ресурсов как оптимального использования интеллектуального потенциала анализа проблем внешней культурной политики.

В этом отношении можно выделить несколько уровней, направленных на формирование эффективной культурной дипломатии:

1. **Диаспора как объект** – формирование позитивного образа армянского государства через образовательные программы для армянских общин за рубежом. Популяризация армянского языка.
2. **Диаспора как институт** – создание площадки для сетевого взаимодействия различных общин при поддержке Армении как основного центра научного и гуманитарного взаимодействия.
3. **Диаспора как донор** – осуществление культурной дипломатии в государствах проживания посредством армянских общин и армянского государства.

Таким образом, основная деятельность института направлена на выявление

потенциала мирового армянства. После внутриполитических изменений в Армении возникает проблема совмещения «революционных» изменений внутри страны и работы в сфере культурной дипломатии, так как оптимизация правительственных ведомств нуждается в программном обеспечении, включающем цели и задачи нового правительства. Упразднение министерства диаспоры и включение ведомств науки, образования, культуры и спорта в одно большое министерство без определенной проектной аргументации может привести к возможному кризису культурной дипломатии. Исходя из этого, становится еще более актуальным вопрос создания неправительственных структур, отвечающих за формирование положительного имиджа Республики Армения как в армянских диаспоральных общинах, так и, в целом, за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Հաշվետվություն Հայաստան-Սփյուռք գործակցության զարգացման քաղաքականության ուղղությամբ 2017թ. Հայաստանի Հանրապետության պետական կառավարման հանրապետական և տարածքային մարմինների իրականացրած ծրագրերին միջոցառումների մասին: Տեղեկանք 2017 թվականի Մշակույթի նախարարության գործունեության գերակա խնդիրների իրականացման արդյունքների մասին:

2. *Սիմավորյան Ա.* Իսրայելի քաղաքականությունը սփյուռքի նկատմամբ // Իսրայելի, Իրանի, Թուրքիայի, Ադրբեջանի քաղաքականությունը սփյուռքի նկատմամբ/ Ա. Սիմավորյան, Վ. Հովյան, Կ. Վերանյան, Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2017, 7–83 էջ:

ПОЛИТОЛОГИЯ

«ԱԶԳ-ԿՐՈՆ» ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԳԱԲՐԻԵԼ ԱՅՎԱԶՈՎՍԿՈՒ ՊԱՏՄԱՓԻԼԻՍՈՓԱՅԱԿԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԻ ՄԵՋ

Ռ.Ա. Միրումյան[1]

Հայ-Ռուսական համալսարան
rimma.mirumyan@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում հեղինակը ձևակերպում և հիմնավորում է հետևյալ գաղափարը՝ «ազգ-կրոն» հարաբերակցությունը դասական պատմափիլիսոփայական առանցքային հիմնահարցերից է, որի ենթատեքստը միշտ քաղաքականությունն է: Հայ իրականության մեջ ծնունդ առած դեռևս IV դարում (պաշտոնապես քրիստոնեության ընդունման ժամանակահատվածում) «ազգ-կրոն» հարաբերակցության հիմնահարցը հատուկ սրություն է ձեռք բերում XIX դարում, հատկապես Արևմտյան Հայաստանում, որը վերածվել էր արևմտածին գաղափարախոսությունների (ազատականության, կաթոլիկ հարացույցի և բողոքականության) բախման դաշտի: Հայ ազգային ինքնատիպության պահպանմանը սպառնացող արևմտածին այդ գաղափարների տարածման դեմ էր պայքարում, ի թիվս մի շարք հայ ակնառու պահպանողականների, Գ. Այվազովսկին: Հայեցակարգելով «ազգ-կրոն» հարաբերակցության վերաբերյալ մտածողի մտակառույցները՝ հոդվածի հեղինակը կառուցում է այվազյանական հետևյալ մոդելը: «Ազգ-կրոն» հարաբերակցությունը ազգի (ազգերի) կենսագործունեության հաստատունին է, որն իր արտահայտությունն է գտնում ազգի (ազգերի) պատմական ճակատագրում, ազգային ավանդույթում և ազգային մշակույթում: Այսպիսով ամփոփվում է ազգային ինքնագիտակցության մեջ արմատավորված ազգային կեցության խորքային (հոգևոր) շերտը: Հայ հասարակության մեջ գաղափարախոսական իր ընդդիմախոսների նախաձեռնությամբ տարածված «Ազգութիւնն ուրիշ բան է, հաւատքը կամ աստուածպաշտութիւնն ուրիշ բան» գաղափարադրույթը նա մերժում է որպես «ազգութեան» («ազգայնութեան») պահմանմանն ու ազգային միաբանությանը վնասող օտարածին (արևմտածին) քաղաքական նշանաբան:

Հիմնաբառեր՝ «ազգ-կրոն» հարաբերակցություն, ազգային եկեղեցի, ազգապահպանություն, ազգային դավանանք, ազգային արարողակարգ:

---

[1] Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства) при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ.

Քաղաքական արդի իրավիճակը հերթական անգամ վերակենդանացրել է դասական պատմափիլիսոփայության առացքային «ազգ-կրոն» հարաբերակցության հիմնահարցը, որի ենթատեքստը պատմական բոլոր շրջափուլերում եղել է քաղաքականությունը (պետության ներքին քաղաքականությունը, տարածաշրջանային և ապա համաշխարհային):

Վերջին տասնամյակների ընթացքում քաղաքական և գիտական դիսկուրսում տեղ են գտել և անգամ արմատավորվել են «իսլամական արմատականություն», «կրոնական ծայրահեղականություն», «էթնո-կրոնական (էթնո-դավանական) հակամարտություն», «ազգային հարց», «կրոնական հարց», «ազգային գաղափար» և այլ գաղափարադրույթները: Ըստ էության՝ «ազգ-կրոն» հիմնահարցը իր երկու տեսանկյուններով (մեկ ազգին պատկանում են միայն մեկ կրոն դավանող մարդիկ, և մեկ ազգ կարող են կազմել տարբեր կրոններ դավանող մարդիկ) եվրոպական պետությունների ստեղծման ժամանակաշրջանում գլխավորում էին, իհարկե, մի փոքր այլ ձևակերպմամբ, փիլիսոփայական և գիտական լուրջ հետազոտությունների հիմնահարցերի ցուցակը: XIX դարում՝ ազգային-ազատագրական շարժումների շրջափուլում, հիշյալ հարցերը նույն ձևակերպմամբ քննարկվում էին նաև պարբերական մամուլի էջերում: Ուստի արդի միտումների համապատասխան համարժեք վերլուծության, գնահատման ու հեռանկարի կանխորոշման համար անհրաժեշտ է իմաստավորել պատմափիլիսոփայական մտքի պատմությունը, նախորդ դարաշրջանների մտածողների գրավոր ստեղծագործությունները, այդ թվում նաև անցյալի քաղաքական փորձը: Այդ ճանապարհին մեծ ծառայություն կարող է մատուցել հայոց դարավոր պատմությունը, ինչպես նաև XIX դ. հայ մտածողների թողած հարուստ ժառանգությունը:

Հայտնի պատճառներով «ազգ-կրոն» հարաբերակցության հիմնահարցը մեզանում ծնունդ է առել դեռևս IV դարում (պաշտոնապես քրիստոնեության ընդունման ժամանակաշրջանից): Հին աշխարհում սկիզբ առած և հայկանան քրիստոնեական ավանդույթի մեջ վերաիմաստավորված «ազգ» հասկացությունը հայ մշակութային ավանդույթում ըմբռնվում էր նախ որպես էթնոմշակութային հասկացություն: «Ազգ» հասկացության հայկական ավանդական ըմբռնման մեջ մշակութային նախասկիզբը շեշտադրված էր ու բարձրացված՝ ազգային պետականության չգոյության պայմաններում, ազգային քաղաքականության աստիճանի, որի առացքն էր Կրոնն ու Ազգը: Մինչև XXդ. սկիզբը «ազգ» հասկացության նման մեկնաբանումը ընկած էր հայ ժողովրդի ազգային ինքնագիտակցության և հայ ազգային գաղափարաբանության հիմքում [1]: XIXդ. եվրոպական ազատականության ազդեցության ներքո հայ ազատականները, իսկ հետագայում նաև հայ քաղաքական կուսակցությունների գաղափարախոսները «ազգ-կրոն» ավանդական մոդելը փոխարինեցին «ազգ-պետություն» մոդելով: Դարաշրջանի հայ պահպանողականները փորձում էին հաղթահարել այդ միտումը՝ արդիականության պահանջների համատեքստում ավանդական մոդելի վերաիմաստավորմամբ:

Մի քանի տասնամյակներ տևած գաղափարախոսական այդ դիմակայության առանցքը կազմող հիմնահարցերի («ազգութիւն և կրոն», «ազգութիւն և ազգային դաւանանք») քննարկման տրամաբանական վեկտորը ամփոփվում է հոգևոր և աշխարհիկ իշխանությունների հարաբերակցության հիմնախնդրի մեջ: Այն ներգրվում է պատմափիլիսոփայության համընդգրկուն հարցերից մեկի՝ պետություն-հասարակություն անտինոմիայի որոշակի կտրվածքը ներկայացնող պետություն-եկեղեցի (քաղաքականություն-կրոն) հիմնախնդրի մեջ: Խորքային

հարթության վրա այն ընկալելի է որպես աշխարհիկ և հոգևոր, իսկ վերջին հաշվով՝ աշխարհաքաղաքացիական և ազգային մշակութային համակարգերի բախում: Իբրև քաղաքականության և իրավունքի խնդիր այն արտահայտվել է հայ լուսավորիչների՝ Ազգային սահմանադրությամբ (1863թ.) հաստատված Ազգային վարչության կառուցվածքի և Ռուսաստանի «Պոլոժենիե» (1836թ.) պաշտոնագրով սահմանված Հայ եկեղեցու վարչական համակարգի վերաքննության մեջ: Գործնականում լուսավորիչները ձգտում էին սահմանափակել Կ.Պոլսի Հայոց Պատրիարքի և Կրոնական ժողովի իրավասության դաշտը և բարենորոգել Հայ եկեղեցու կառավարման ձևը Օրենքի (ո՞ր Օրենքի ազգային պետականության չգոյության պայմաններում) առջև աշխարհիկ և հոգևոր դասի մարդկանց միջև «հավասարություն» ձեռք բերելու նպատակով:

Բարձր գնահատելով քրիստոնեական կրոնի և Հայ եկեղեցու դերը ազգի պատմական ճակատագիրը կանխորոշելու և տնօրինելու առումով, լուսավորիչները, սակայն, չէին ընդունում այդ իրողությունն ազգի ներկայի և ապագայի վերաբերմամբ: Հերքելով կրոնի և Եկեղեցու հնարավորությունների անսահմանությունը ազգի գոյության և առաջադիմության հարցում՝ նրանք անհրաժեշտ են համարում աշխարհիկ կառավարության առկայությունը, աշխարհիկ մշակույթի և լուսավորության զարգացումը: Միաժամանակ, Եկեղեցուն նրանք հատկացնում են ազգի հոգեբարոյական դաստիարակչի դերը: Լուսավորիչների պնդմամբ, ազգային կեցության աշխարհիկ և հոգևոր դաշտերի առանձնացումը (աշխարհիկ դաշտի գերիշխանության պայմանով) ժամանակի հրամայականն է: Դրա հետ մեկտեղ հաշվի առնելով այն, որ քննարկվող դարաշրջանում ազգի անդամները տարբեր կրոններ էին դավանում, նրանք հաստատում են, որ ազգի իրական միասնությունը հնարավոր է ձեռք բերել զուտ քաղաքական կառույցների (քաղաքական ի՞նչ կառույցներ կարող էր ստեղծել օտար պետությունների գերիշխանության ներքո գտնվող հայությունը) միջոցով: Արևմտահայ լուսավորիչների դիրքորոշման արտահայտությունն էր հենց իրենց կողմից մշակված Ազգային սահմանադրությունը [2]:

Բոլորովին այլ մեկնակերպ են որդեգրել հայ պահպանողականները, որոնց շարքում էին ինչպես Հայ եկեղեցու անվանի գործիչներ, այնպես էլ կրոնական մտածողություն ունեցող աշխարհիկ մարդիկ: Նրանք իրենց առջև դրել են դարաշրջանի հայ հանրույթի համար կենսական նշանակություն ունեցող և, միաժամանակ, միակ իրագործելի նպատակ՝ ազգի հոգեբարոյական միասնության և անկախության ապահովումը: Այդ գաղափարի վրա էր խարսխված պահպանողականների ազգային հայեցակարգը, որը ներառել էր լուսավորիչների մտորումների գլխավոր առարկան՝ «գոյություն և առաջադիմություն ազգի» սկզբունքը: Վերջինս, սակայն, պահպանողականները քննարկում են՝ ելնելով բոլորովին այլ մեկնակետից: Ի տարբերություն լուսավորիչների, որոնց հայացքներում դրսևորվում է հետևյալ միտումը՝ ներկայացնել ազգը պահպանող և զարգացնող գործոնները, պահպանողականները հաստատում են, որ ազգի պահպանման և զարգացման խնդիրը ածանցյալ է ազգի գոյության խնդրից: Այլ կերպ ասած, եթե լուսավորիչների համոզմամբ, մի ժողովրդի մեջ որոշ հատկությունների (և առաջին հերթին քաղաքական կառույցների) առկայության դեպքում է հնարավոր խոսել ազգի գոյության հեռանկարի մասին, ապա պահպանողականների համար խնդիրը գոյություն ունեցող ազգի բնութագրման և առկա կեցության պայմանների համեմատ նրա զարգացման հնարավորությունների որոշման մեջ է:

Այդ մեկնակերպը հատուկ է նաև դարաշրջանի հայ կրոնական մտածող,

հայ ազգային պահպանողականության ակնառու ներկայացուցիչ Գաբրիել Այվազյանին (Այվազովսկուն): Դարաշրջանի պատմափիլիսոփայական մտքի ու քաղաքական պրակտիկայի, ինչպես նաև հայ ազգի համար կենսական նշանակություն ունեցող «ազգութիւն» («ազգայնութիւն») գաղափարը մտածողը իմաստավորում է՝ շաղկապելով այն ազգային կեցության համար նշանակալի կրոնական գործոնին: Բացի այս, «ազգութիւն-կրոն» շաղկապումը նա դուրս է բերում իր ժամանակաշրջանից՝ դրանով իսկ հաղորդելով այդ հարաբերակցությանը համապարփակություն:

Հայեցակարգելով «ազգութիւն-կրոն» հարաբերակցության վերաբերյալ մտածողի դատողությունները՝ հնարավոր է կառուցել այվազյանական հետևյալ մոդելը: «Ազգ-կրոն» հարաբերակցությունը ազգի (ազգերի) կենսագործունեության հաստատունին է, որն իր արտահայտություն է գտնում ազգի (ազգերի) պատմական ճակատագրում, ազգային ավանդույթում ու ազգային մշակույթում: Այսպիսով շոշափվում է ազգային ինքնագիտակցության մեջ արմատավորված ազգային կեցության խորքային (հոգևոր) շերտը: Հայ հասարակության մեջ գաղափարախոսական իր ընդդիմախոսների նախաձեռնությամբ տարածվող «Ազգութիւնն ուրիշ բան է, հաւատքը կամ աստուածպաշտութիւնն ուրիշ բան» գաղափարադրույթը նա մերժում է որպես «ազգութեան» («ազգայնութեան») պահմանմանն ու ազգային միաբանությանը վնասող օտարածին (արևմտածին) նշանաբան:

Ավելին, այդ գաղափարադրույթը անընդունելի է նաև արևելյան ազգերի կողմից: «Արևելեան ազգաց մեջ, մանաւանդ քանի որ մահմէտականք զօրացան ու տիրեցին Ասիոյ մէկ մասին, այլ և այլ ժողովրդոց ազգութիւնն ու կրօնը գրեթէ մի և նոյն բանը սեպուած են. և սովորութիւն եղեր է այս ազգը այն ազգէն իր հաւատքովը զանազանել՛ քան թէ լեզուով և ուրիշ նշաններով: Իրաւ է որ Տաճկաստանի քաղաքակրթութեանը հիմնադիր սուլդան Մահմուտ արքայն ըսեր էր յայտնապէս թէ ինքը իր ամէն հպատակներն ալ ամէն իրաւանց և ամէն բանի կողմանէ հաւասար կըհամարի, և մեկուն տաճիկ ըլլալը մզկթին մեջ միայն կուզէ հասկընալ, մէկալին քրիստոնէութիւնը եկեղեցւոյն մէջ, երրորդին հրէութիւնը ժողովարանին (սինովային) մեջ. իրաւ է որ իր վեհափառ յաջորդն ու որդին ալ իւր հօրը փափաքը կատարել կըջանայ խոհական օրէնսդրութիւններով. բայց այնպիսի հնացեալ և արմատացեալ սովորութեանց դէմ կռուիլը ամենագովելի քաջութիւն ճանչնալով ալ և վերջապէս արդարութեան յաղթող գտնուելուն հաստատուն յոյս ունենալով հանդերձ ալ, կրնանք ըսել թէ երկար ժամանակի կարօտ է արևելեան ազգաց հասկըցնելը թէ ազգութիւնն ուրիշ բան է, հաւատքը ուրիշ բան: Ուստի մեզի կերևնայ թէ տակաւին շատ տարիներ, նոյն իսկ Տաճկըները՛ ա՞զգով կամ սերնդեամբ ի՞նչ ալ ըլլան՛ ի՞րենք զիրենք ու մէկզմէկ միւսլիման կամ միւսիւլման պիտի անուանեն, այսինքն ուղղահաւատ, թէ՞ Թուրք ըլլան թէ Թաթար, թէ՞ Արաբացի թէ Պարսիկ, թէ՞ Քիւրտ և թէ Թիւրքմէն» [3]: Նմանապես շատ հույներ, ռուսներ, բուլղարացիներ իրենք իրենց անվանում են քրիստոնյա կամ «օրթօտօքսոս» (ուղղադավան): Հայ հասարակության մեջ «շատ մարդիկ պիտի գտնուին որ կարծելով թէ հայ անունը հաւատքին անունն է, օտարազգի մարդու մը քրիստոնեայ ըլլալը իմանալու համար պիտի հարցընեն թէ հա՞յ է» [4]:

Այդ միտումը «օրինականացնում» է Օսմանյան պետության վարած քաղաքականությունը, ըստ որի՝ «մէկ ազգի գլուխ՝ իր կրօնական առաջնորդը միայն ճանաչցուած է»: Խնդիրն այն է, որ Արևելքում «ազգութիւնն ու դաւանանքը սովորաբար բոլորովին իրարու տեղ կդրուին.., մահմէտական տէրութիւնները իւրաքանչիւր ազգը անոր դաւանանքովը կճանչնան» [5]:

Այս տեսակետից նա մերժում է եվրոպածին այն մտակաղապարը, ըստ որի՝ «ազգայնութիւնը» որոշող գործոններն են ազգային լեզուն, ազգային օրենքներն ու ազգային կառավարությունը: Նրա կարծիքով հայ ժողովրդի բազմադարյան «փորձառութիւնը հակառակն է ապացուցում». «մեր Հայոց ազգը ատենով տասնըհինգ միլիոն է եղեր, և յետոյ անթիւ և անհամար փորձանքներ, կոտորածներ, գաղթականութիւններ, գերութիւններ կրելով ալ գոնէ չորս միլիոն մնացեր է. այս չորս միլիոն Հայոց ալ ազգութիւնը ինչո՞վ պահուեր է: Լեզուո՞վն արդեօք. – բայց ամէն մարդ ալ գիտէ որ գէթ մէկ միլիոնին լեզուն տաճկերէն է, կէս միլիոնինն ալ գրեթէ ուրիշ ամեն լեզու՛ բաց ի հայերենէնէ: Սեպհական օրէնքներո՞վ. – բայց այնպիսի հայկական օրէնքներ տեղ մը տեսնուած չեն: Ինքնիշխան կառավարութեամ՞բ արդեօք. – բայց ինքնիշխանութեան շուքը անգամ մնացե՞ր է մեր ազգին վրայ՛ հինգ վեզ հարիւր տարիէ ի վեր: Ապա ուրեմնու հաւատոյ ձևնու արարողութիւննենն են որ Հայոց ազգութիւնը ամբողջ ալ չըլլայ նէ գոնէ անկորուստ պահեր են մինչև հիմա: Իսկ ու՛ր որ ասոնցմէ հեռանալով Հայք օտար ազգաց արարողութիւններուն հետևեր են՛ ազգութիւննին ալ բոլորովին կորսուեր է, թերևս առանց իսկ իրենց ուզելուն. ինչպէս փոքր Ասիոյ Հայ-հոռոմ ըսուածները, Զմիւռնիոյ Ջահկեցիները, նմանապէս Լեհաստանի, Մաճառստանի, Իտալիոյ և ուրիշ երկիրներու Հայերը» [6]: Այվազյանի համոզմամբ այդ խնդիրը արդիական է հայ ազգի համար նաև նոր ժամանակաշրջանում, քանզի «մեր ազգը հիմնակուան ժամանակս իր հաւատքին ու աստուածպաշտութեանը արարողութիւններէն ի զատ ազգային հոգւոյ նեցուկ մը և ներքին միութեան կապ մը չունի, ամենավնասակար բան է՛ իրեն այս նեցուկը՛ այս ներքին միութեան կապը վերցընելը: – Այս կարևոր նիւթը, թէ որ հարկ ըլլայ, պատրաստ ենք աւելի ընդարձակ ապացոյցներով ու տեղեկութեամբք հաստատելու» [7]:

Այսպիսով՝ «ազգութեան» («ազգայնութեան») սկզբունքի ներիմաստը պահպանողականը կրոնով է պայմանավորում: «Ազգութիւնը» («ազգայնութիւնը») որոշող գործոնը կրոնն է» բանաձևը բնորոշելի է որպես մեթոդաբանական այն բանալին, որի կիրառմամբ հնարավոր է կառուցել մտածողի ազգային հայեցակարգը: Այս պնդումը արդարացի է նաև դարաշրջանի մի շարք հայ պահպանողականների, և ի մասնավորի՝ Խորեն Աշըգյանի վերաբերմամբ:

«Կրոն» հասկացության իմաստային բովանդակության մեջ Այվազյանը ներգրում է ոչ միայն ազգային դավանանքը, այլև այդ դավանանքը «յայտնելու» ձևերը, այսինքն՝ արարողակարգը: «Արարողութիւն կըսաին այն ամենայն ձևերը, շարժմունքները, սովորութիւնները՝ որով մարդիկ իրենց սրտին զգացմունք կերևցընեն, մանաւանդ իրենց աստուածպաշտութիւնը: Չկայն մէկ ներքին զգացմունք մը, և ոչ մէկ կրօնական ջերմեռանդութիւն մը որ իրեն համար այսպիսի արարողութիւն կամ դրսի ձևեր ու նշաններ չունենայ: Հաւատք ըսածդ ո՛րքան հնութիւն որ ունի՝ նոյնքան է նաև արարողութեանց հնութիւնը. ըսել է թէ աշխարհիս սկիզբէն իվեր մարդիկ իրենց հաւատքի և ամենայն ներքին զգացմունքները զանազան արարողութիւններով հայտնելու սովրած են» [8]:

Ազգային արարողությունները ազգությունն ու ազգային հոգին «կենդանի պահելու» կարևորագույն կառուցակարգերն են: Այդ ճշմարտությունը հատկապես «աշխատում» է հայ ժողովրդի՝ որպես «կրօնական ժողովրդի» կյանքում. «Կրօնական ժողովուրդ կըսեմք մեր ազգին՝ իւր այժմու վիճակին նայելով, յորում (ինչպէս որ շատ անգամ ըսուած է) Հայուն ազգութեանը մի միայն հաստատուն և աներկբայ նշան մնացած է իւր ազգային լուսաւորչական կրօնն ու դաւանանքը. և որովհետև արարողութիւնները այս դաւանանքին գրեթէ մարմինն ու կերպարանքն են, եթէ արարողութիւնները չպահուին՛ տարակոյս չկայ որ

դաւանանքն ալ գրեթէ աներևոյթ կլինի, և Հայուն ինչ ազգէ լինելը անյայտ կմնայ» [9]:

Հայ ազգային արարողությունները անցել են ժամանակի և փիլիսոփայական ու աստվածաբանական բոլոր քննությունները: Այդ պատվավոր ու պատկառելի հնության դեմ «նորասիրության» եռանդով լի հայ երիտասարդության պայքարը ազգասիրությանը (մտածողի եզրութաբանությամբ՝ «վսեմ առաքինութեանը») սպառնացող միտում է. «Հա՛յ եմ, ի՛սկ Հայ եմ, բու՛ն Հայ եմ, Լուսաւորչակա՛ն Հայ եմ» ըսելով իրաւամբ պարծեցող մարդուն եթէ հարցընեմք՛ թէ ի՛նչ բանի վրայ է քու հայութիւնդ, անշուշտ պատասխան պիտի տայ թէ սուրբ հաւատքիս ու դաւանանքիս անխառն պահպանութեանը վրայ. վասն զիս եթէ ըսէր թէ հայերէն խօսելուս վրայ, կարելի կլինէր հարցընել իրեն թէ ուրեմն ինչու՞ համար ի՛սկ հայու տեղ չես դներ զանոնք որ հռոմէական կամ բողոքական են և հայերէն կխօսին: Արդ եթէ իսկական հայութեան նշան՛ լուսաւորչական դաւանանքն է, այս դաւանանքը ինչէ՞ն պիտի երևնայ՛ եթէ ոչ աստւածպաշտութեան դրսի արարողութիւններով... Ապա ուրեմն քու հայութիւնը ալ պիտի երևնայ գլխաւորապէս քու եկեղեցւոյդ մեջ» [10]: Հետևապես, բուն ազգային «հոգւոյն» դավանանքը ազգասիրաբար «ցուցընելու» մերժումը հղի է ազգուրացությամբ և ազգատյացությամբ: Հայ կոչվելու իրավունքից զրկվում են նաև հայ հասարակության այն անդամները, որոնց «ազգային արարողութիւններից» իրենց հեռանալը պատճառաբանում են իրենց կրթվածությամբ («լուսաւորածութեամբ»): Այդ հայերը դասվում են «հռոմէականութեան կամ բողոքականութեան» դավանանքի ավանդույթը ընդունած մարդկանց շարքին: Խնդիրն այն է, որ աշխարհում «մէկ դաւանանք մը՛ մէկ կրօն մը չկայ ու չկրնար գտնուիլ՛ որ իրեն համար արարողութիւններ չունենայ... Ամէն ազգ ընդհանրապէս իրեն բնաւորութեանը յարմար արարողութիւններ ունի կամ ընդուներ է իր առաքեալներէն ու հայրապետներէն. ուստի և մեծ տմարդութիւն է ուրիշի արարողութեանցը մեղադրանք ընելը. հապա ի՞նչ ըսելու է այն մարդուն որ բուն իր սեպհական գովելի արարողութիւնները կարհամարհէ և օտարինին կհաւնի ու կհետևի, բայց եթէ ազգուրաց և թեթևամիտ մարդ» [11]:

Այս ամենը ըմբռնելով՝ «հռոմէական» հայերն անգամ սկսել են պահանջել իրենց եկեղեցականներից նորից ընդունել հայ ազգային արարողությունները: Վերոհիշյալի հիման վրա արդարացի է թվում հայ կրոնական այն պնդումը, թե «... միա՛յն ազգային դաւանանքին անկորուստ պահպանութեամբն է որ անկորուստ կմնայ այժմու ժամանակս Հայոց ազգիս ազգութիւնը. և ոչ միայն խօսքով ու մտքով իրաւունք տայ, այլ և գործով ետևէ լինի զուզընելու թէ ինքը իր սրբազան նախնեացը աւանդած գեղեցիկ և վսեմ արարողութիւնները ճիշդ և անխառն պահելը փառք ու պարծանք կհամարի իրեն, և ոչ թէ ամօթ և տմարդութիւն. ընդ հակառակն՛ անամօթ ու տմարդի կհամարի զանոնք որ իրենց ազգութեանը նշաններէն ամըչնալ կցուցընեն» [12]:

Հատկանշական է, որ «ազգային դավանանք – ազգային արարողակարգ» հիմնահարցի նկատմամբ համանման վերաբերմունք են դրսևորել ոչ միայն դարաշրջանի հայ պահպանողականները, այլև որոշ հայ ազատականներ: Այսպես, հայ կրոնական մտածող Հովհաննես Տերոյենցի տրամաբանությամբ ազգությունը պահող գլխավոր կապը կրոնն է. «... կրօնք ըսելով՝ հաւատքը առ արտաքս յայտնող նշանները կը հասկընամք»: Հավատը նա համարում է անփոխարինելի, քանզի դրա էությունը Աստծո ճանաչումն է, որչափ և ինչպես նա ցանկացել է ճանաչվել գերբնական հայտնությամբ: Հավատի էության հետ սերտորեն կապվում է Աստծուն պաշտելը, այսինքն՝ «անոր յարգութիւն մատուցանել արտաքին կերպով, անանկ յարգութիւն մը՝ որ մարդոց չըտըրուի, որպէս զի

զԱստուած մարդոցմէն գերազանց առաքելութիւն ունեցող էակ մը ըլլալուն խոստովանութիւն մը եղած ըլլայ, որ զԱստուած ճանչնալու, այսինքն հաւատքին արտաքին նշանն է»[13]: Կոստանդնուպոլսի Հայոց պատրիարք (1888–1894) Խորեն Աշըգյանի հաստատմամբ. «Իւրաքանչիւր ազգ՝ անյիշատակ ժամանակներ է՛ ի վեր՝ զինքը բաղկացնող անդամներուն որոշեալ կերպ մը աւանդեր է, որով իրենց մեծերը յարգելնին առ արտաքս ալ կցուցնեն… Աստուածպաշտութիւնն ալ այս ամենամեծ յարգանօք կըլլայ, որովհետև անկէց գերազանցը գտնելու անկարող է մարդս. և այս յարգանքը այլ և այլ ազգաց մէջ տեսակ տեսակ է…» [14]: Այսպիսով, յուրաքանչյուր ազգի մեջ նկատելի ծեսերի և աստվածապաշտության եղանակների տարբերությունները ազգերի տարբերության հիմքն են կազմում: Այդ իսկ պատճառով եկեղեցական արարողակարգերի մեջ առկա տարբերությունների «հաղթահարման» ջատագովները ազգերի կրոնական «նուրիապետութիւնն ալ'ի մի վերածել կխորհին, ազգերն իրարու հետ խառնելու և ազգութիւնը վերցնելու միտումն ունին» [15]:

Հայ ազատական մտածող Ստեփանոս Պալասանյանն իր հերթին գտնում է, որ կրոնը անկարելի է համարել ազգը բնորոշող հատկանիշ, քանզի կրոնի տարածման սահմանները ոչ միշտ են «տեղավորվում» ազգային (էթնիկ) սահմանների մեջ. կրոնը հաճախ «ձգտում է դուրս գալ այն ազգի սահմաններից, որի մեջ ծնունդ է առել և տարածուիլ ուրիշ ազգերի վրայ»: Այս դեպքում կրոնը աստիճանաբար համահարթում է իրեն ազդեցության դաշտում գտնվող ազգերի առանձնահատկությունները[16]: Պատկանելով մեկ ազգին՝ կրոնը «աւելի զօրաւոր կերպով է անջատում ժողովուրդներին՝ քան մարմնաւոր ծագումը կամ քաղաքական առանձնութիւնը»: Նշված հանգամանքը առանձնակի նշանակություն է ձեռք բերում հատկապես այն ազգերի պատմական ճակատագրում, «ուր մանաւանդ ազգի գոյութեան համար քաղաքակն ապահովութիւն չկայ, կրօնը ամենաազդու միջոց է ազգայնութեան պահպանութեան համար: Այս պայմանի մէջ է գտնվում տակաւին և Հայոց ազգը» [17]:

Այս համատեքստում անհրաժեշտ է քննել հայ ազգային կեցության համար ավանդական դարձած, իսկ XIXդ. հատուկ սրություն ձեռք բերած կրոնական վեճերի հիմնախնդրի Այվազյանի մեկնաբանումը: Կրոնական վեճերը (մտածողի արտահայտմամբ՝ «աշխարհաւեր վեճերն ու հոգեսպան կռիւները») նա բնորոշում է որպես հայազգի միասնությունը խախտող ու նրա զարգացումը խոչընդոտող երևույթ: Պատմականորեն կրոնական վեճերի ծագումը կապվում է Հունական ու Հռոմեական եկեղեցիների պատրիարքների միջև առաջացած բանավեճից, որի նպատակն էր որոշելու, թե «Ո՞վ ի նոցանէ համարիցի մեծ»: Դարեր անց Մարթին Լյութերի և Ժան Կալվինի նախաձեռնությամբ տեղի ունեցած Հռոմեական եկեղեցու մասնատման հետևանքով «այնչափ և այնպիսի թշնամութիւն ու արիւնհեղութիւն եղաւ, պատճառը քանի մը հոգւոյ կրօնամոլութիւն, փառասիրութիւնն ու շահասիրութիւնն էր» [18]:

Քննարկվող հարցի վերաբերյալ համանման կարծիք հայտնում է նաև Խ. Աշըգյանը: Նրա համոզմամբ «հանուն ուղղափառ հավատի Արևմտյան և Արևելյան քրիստոնեական եկեղեցիների վարած քաղաքականությունը՝ սկսած Քաղկեդոնի ժողովից (Vդ.), մեծապես վնասել է Հայ Առաքելական եկեղեցու գործունեությանը և հայ ժողովրդին: «Տիեզերական պատրիարք» կոչվելու Հռոմեական եպիսկոպոսների ցանկությունը «արևմտեան եկեղեցեաց մէջ՝ Հռովմայ եկեղեցին՝ յԱռաքելոց հիմնեալ և Կաթուղիկե Եկեղեցւոյ մէկ արմատն ու մայր եկեղեցի մը ըլլալէն համարձակութիւն առնելով. չյիշեցին որ բոլոր Առաքելական եկեղեցիք ալ մայր և նախատիպ են, այսինքն, մայր և հեղինակ միւս եկեղեցեաց ծագման» [19]:

Դարեր շարունակ հայ ազգի ողջ կենսագործունեության վրա մեծապես ազդած կրոնական վեճերը ծագել են բոլորովին այլ պատճառով, ինչը պայմանավորված է հային հատուկ հոգեկերտվածքով. «…մեր ազգին մէջ տիրած կրօնական վէճերուն գլխաւոր պատճառը նոյն մարդկային կիրքերն են ըսելու կարծեմ թէ իրաւունք չունինք. վասն զի ոչ կրօնամոլութեան սոսկալի կատաղութիւնը այնչափ սաստիկ է մերոնց մէջ որ հաւատոյ համար կոյր ատելութեամբ մէկզմէկ ջարդել ուզեն, անով արքայութեան արժանի կըլլանք ըսելով, ոչ փառասիրութիւնը այնչափ տիրած է որ իրարու վրայ ճոխանալ կարենալու յոյս մը անգամ ունենան, և ոչ իսկ շահասիրութիւնը այնչափ կուրուցած է մէկ կամ մէկալ կողմն որ չտեսնեն թէ ընդհակառակն՝ կրօնական վէճերով ազգերնիս միշտ և օրէ օր աւելի աղքըտցեր ու տկարացեր է»: Հատկանշական է, որ հայ ազգի բարոյական վսեմ կերպարը գլխավորապես նկարագրում են հայ կրոնական մտածողները և, ի մասնավորի, Այվազյանը: Նրա հավաստմամբ, հայ հասարակության մեջ կրոնական հակասությունների առաջանալու և արմատավորվելու գլխավոր պատճառն այն է, որ հայ ազգի մշակութային ավանդույթում կրոնն ու ազգությունը «իրարմէ զատելու սովորութիւնը չէ մտած, և հայութիւն ըսելով՝ խիստ շատ մարդիկ աւելի կըհասկընան Հայաստանեայց եկեղեցւոյ հարազատ զաւակ ըլլալը…» [20]:

Խնդիրն այն է, որ իբրև ազգ հայությունը պահպանվել է ոչ ի շնորհիվ սեփական օրենքների ու կառավարության, «իր հին հայրենեաց ինքնիշխանութեանը» [21], իր նախնիների ժառանգած ազգային լեզվի: Հայի Հայրենիքը՝ Հայաստան աշխարհը, բաժանված է երեք հզոր պետությունների միջև: Ստեղծված իրավիճակում հայի հայությունը հնարավոր է բնորոշել ու պահպանել միմիայն իր դավանած կրոնով և ազգային արարողակարգով: Այդ իսկ պատճառով «թէ Հայոց ազգութիւնը իրենց հաւատքին վրայ միայն մնացեր է հիմա, այնպէս խորունկ տպաւորուած է մեր ազգին սրտին մէջ որ ո՛վ Հայու մը կրօնին դիպչի՛ ազգութեանը դպած կըսեպուի, և ո՛վ որ ուզէ կրօնը անոր ձեռքեն առնուլ՛ կեանքը առնողի պէս կերևնայ աչքին. այս է ահա պատճառն որ կրօնական վէճ, հակառակութիւն, պատերազմ, կռիւ, հալածանք՛ պակաս չեն մեր ազգին մէջ. և զարմանք չէ որ քանի որ իր կրօնին դպչողները շատնան՛ այս կռիւներն ալ պիտի շատնան. ասոր տարակոյս չկայ, և փորձը աչքերնուս առջևն է: Դարձեալ կըսեմ, հայութիւնը (այսինքն հայկական կրօնը կամ աստուածպաշտութիւնը) մեր ազգին հոգին է. դուն կուզես իր հոգին հանել, կամ թէ ինքը այնպէս կըկարծէ, բնական է որ բոլոր ուժովը հակառակի՛ դէմ կենայ քու բռնութեանդ և ինքզինքը պաշտպանէ» [22]:

Նշվածի լույսի ներքո նա քննարկում է հայ «ազգին հայութեանը դիպչող» թշնամիների հարցը և գտնում, որ Օսմանյան Թուրքիայի և Ցարական Ռուսաստանի կառավարությունների կողմից հայ ազգային կրոնին ոչ մի վտանգ չի սպառնում: Մտածողի համոզմամբ հայ ազգի կրոնական միասնությանը, հետևապես՝ նաև ազգի միասնությանը սպառնում է Օսմանյան Թուրքիայում կաթոլիկ և բողոքական քարոզիչների երկարամյա քարոզչական գործունեությունը: Ըստ իրենց նպատակային դիրքորոշման քարոզիչները հավասարապես վտանգավոր են հայ ազգային/կրոնական միասնության համար: Մինչդեռ իրենց նպատակին հասնելու համար կաթոլիկ և բողոքական քարոզիչները տարբեր ձևեր են կիրառում: Այսպես, կաթոլիկ «միսիոնարները, և անոնց ճամբան բռնող հայ քարոզիչները ունիթոռաց ժամանակէն (XIV դարից. – Ռ.Մ.) մինչև մեր օրերը մեծամեծ երկպառակութեանց ու շփոթութեանց պատճառ եղեր են մեր ազգին մէջ: Անոնց ըրած քանդմունքներուն տխուր աւերակներն են Զմիւռնիոյ Զահկեցիները, Լեհաստանի ու Մաճառստանի ազգամոռաց Հայերը, Իտալիոյ անհետացեալ հայ ժողովուրդները, և այլն և այլն: Անոնց պատճառաւ է նաև մեր ազգին անչափ

ատելութիւն ունենալը ընդդէմ Ֆռանկաց և ամենայն ֆռանկութեան, այնպէս որ երկար ատեն նոյն իսկ Ֆռանկաց քաղաքակրթութիւնը, գիտութիւնները, լեզուները, արհեստները զզուելի և խորշելի երևաց են մերազնեայց: Թող որ ազգին մէջէն անոնց կրօնին ու սովորութեանցը հետևող մասը, շատ անգամ սոսկալի հալածանքներ ալ կրեր է մինչև մեր օրերը, այսինքն մինչև որ այն մասը ստիպուեցաւ կերպով մը ինքնագլուխ ըլլալու, – որ միշտ պտուղ է հալածանաց, – և լատին ու լատինասէր առաջնորդաց ձեռքը մնալու բոլորովին: Լատինացւոց կողմանէ ասանկ» [23]:

Բողոքականները, իրենց հեթին, «հին ատենի լատին միսիոնարաց ճամբան բռներ են, և ազգին՛ իր հայութեանը սաստիկ յարեալ մասին ետևէն ընկած՛ իրենց կողմը կուզեն ձգել: Շփոթեցաւ խեղճ ազգը առջի բերան, բայց այս նոր տեսակ ֆռանկութեան մէկէն ի մէկ դէմ չկեցաւ. վասն զի կըտեսնէր որ մէկ կողմանէ բողոքականները ծանրաբարոյ և ուսումնական մարդիկ են. անկէց ի զատ՛ Լատինացւոց հակառակութիւն կըցուցընեն. մէկալ կողմանէ լատին միսիոնարաց ու լատինասէր Հայոց բռնած լեզուէն ալ տարբեր լեզու մը կըբանեցընեն, այսինքն ձեր ազգութեանը չենք ուզեր դպչիլ կըսեն Հայոց, մանաւանդ թէ հայերէն աշխարհաբառ լեզուն իրենք կըսովրին ու անով զանազան գրքեր կըհրատարակեն: Սակայն տասը տարի մը եղաւ չեղաւ, տեսան ազգայինք որ բողոքականաց հետ շատ ընտանեբար տեսնուողները իրենց Եկեղեցւոյն աւանդութիւններէն ու արարողութիւններէն, որով և ազգութենէն, քանի կերթան կըպաղին ու կըհեռանան. ասով վախը տիրեց մէջերնին, նախանձայուզութիւննին վառուեցաւ, խւստութեան. ձեռք զարկին, պատառումը փութացուցին, և բողոքական հայ ժողովրդեան բանակ մըն ալ կանգնեցաւ ձախ դին, ինչպէս որ հռովմէական Հայոց բանակ մը կանգնուած էր աջ դին» [24]:

Հայ հասարակության մեջ այս երկու բանակների գործունեության նշանաբանն էր «Ազգութիւնն ուրիշ բան է, հաւատքը ուրիշ բան»: Մտածողի համոզմամբ Օսմանյան Թուրքիայում բնակվող հայերի համար այդ նշանաբանը խիստ վտանգավոր է, քանզի այն «համարձակ դուռ մը կըբանայ մեր խեղճ ազգին մէջ ամէն տեսակ հաւատքի մտնելուն: Իսկ արդ հաւատք հաւատքի հակառակ է, և օր մը չէ նէ օր մը կռիւ կըբացուի մէջերնին, ու իբրև այն կռիւը դադրեցընելու հնարք՛ նոր նոր ազգապետներով ժողովուրդներ կըզատուին կելլեն ազգէն, – ինչպէս որ երկուքը ահա կըտեսնենք, – ըսել է թէ ատեն պիտի գայ որ հայութիւն պիտի չմնայ աշխարհիս երեսը: Ուրիշ բան էր թէ որ մեր Հայոց ազգը իր ազգութիւնը անխառն պահելու համար՛ հաւատքէն ի զատ ուրիշ ապահով ապաստարան մը ունենար. խօսքի համար՛ Եւրոպացի ազգաց պէս առանձին ազգային օրէնսդրութիւն, սեպհական հայրենիք, և ինքնիշխան կառավարութիւն՛ որ մեր ազգին այժմու հանգամանքը նայելով մտածելու բան ալ չէ» [25]:

Գ. Այվազյանի այս դատողությունները վերաբերում են այն ժամանակաշրջանին, երբ Արևմտյան Հայաստանը վերածված էր արևմտյան ծագում ունեցող տարբեր գաղափարախոսությունների բախման դաշտի: Եթե դրա հետ մեկտեղ հաշվի առնել Հայաստանի տարածքային ամբողջականության բացակայությունը և հայ ազգի քաղաքական մասնատվածությունը, ինչպես նաև ազգային պետականության չգոյությունը, ապա հազիվ թե հնարավոր լինի գերագնահատել հայ պահպանողականի հոգեբարոյական հակազդեցության նշանակությունը հայ հասարակության մեջ արևմտյան աղետաբեր գաղափարների տարածմանը:

Գ. Այվազյանը՝ ինքը, հստակ գիտակցում է վերոհիշյալ բանաձևի ողջ վնասակարությունը ինչպես ազգի առկա կեցության, այնպես էլ նրա

պատմական հեռանկարի համար: Ընդունելով հայ ազգի կրոնական միության անհրաժեշտությունը, նա, այնուամենայնիվ, գտնում է, որ «կարելի չէ արգիլելն որ մէջը այլ և այլ դաւանանքներ չմտնեն. և ոչ միայն կարելի չէ, այլ և ոչ օրինաւոր և օգտակար բան է այնպիսի արգելքը բռնութեամբ առաջ տանիլը. վասն զի բռնութիւն ըսածդ միաբանող չէ, ինչպէս որ կըկարծուի սովորաբար, հապա բաժանող ու ցրուող է» [26]:

Փաստորեն, հայ պահպանողականը ընդգծում է կրոնի (հայ ազգային դավանանքի ու ազգային արարողակարգի) առանձնահատուկ դերակատարությունը հայ ազգի հոգևոր (ներքին) կյանքում, որի շնորհիվ նրան հաջողվել է պահպանել իր ազգային ինքնատիպությունը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Տես՝ Мирумян Р.А.*, Национальный язык как первооснова культурной идентичности нации (политико-философский аспект) // Вестник Российско-Армянского университета (сер.: гуманитарные и общественные науки), Ер.: Изд-во РАУ, 2016, № 2, էջ 50: Տես նաև նույնի՝ Армянская Апостольская церковь как фактор сохранения идентичности армянской нации // Социальные технологии, исследования (Сотис), М., 2017, № 1, էջ 85:

2. *Տես՝ Միրումյան Ռ.*, Հովհաննես Տերոյենց («Իմաստասէրք hայոց» մատենաշարից), Եր., Սարվարդ, 2011, էջ 156-158. տես նաև նույնի՝ Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ. մեթոդաբանական վերլուծություն, Եր., Նոյյան տապան, 2003, էջ 184:

3. *Այվազեան Գ.*, Ազգութիւն և հաւատք // «Մասեաց աղաւնի», Փարիզ, 1856, № 4, էջ 82:

4. Նույն տեղում:

5. *Այվազեան Գ.*, Ազգութիւն և ազգային դաւանանք // «Մասեաց աղաւնի», Թեոդոսիա, 1862, № 2, էջ 14:

6. *Այվազեան Գ.*, Ազգութիւն և հաւատք // «Մասեաց աղաւնի», էջ 83:

7. Նույն տեղում:

8. *Տես՝* Միրումյան Ռ., Խորեն Աշըգյան («Իմաստասէրք Հայոց» մատենաշարից), Եր., ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015, էջ 112:

9. *Այվազեան Գ.*, Ազգային արարողութեանց վրայ//«Մասեաց աղաւնի», Թեոդոսիա, 1862, № 2, էջ 97:

10 Նույն տեղում, էջ 98:

11. Նույն տեղում, էջ. 98–99: Նույն տեղում, էջ 100:

12. Նույն տեղում:

13. *Տերոյենց Յ.,* Ազգայնութեան վրայ ընդհանուր տեսութիւն // «Երևակ», Կ. Պոլիս, 1864, № 33, էջ. 257–258:

14. *Աշըխեանց Խ.*, Ազգութիւն //«Յոյս» (Յարմաշ), 1869, № 38, էջ. 314–315:

15. Նույն տեղում, էջ 315:

16. *Միրումյան Ռ.,* Ստեփանոս Պալասանյան («Իմաստասէրք Հայոց» մատենաշարից), Երևան, Լուսաբաց, 2009, էջ. 131–132:

17. *Պալասանեան Ստ.*, Տասնևիններորդ դարու նշանաբանը // «Փորձ», Թիֆլիս, 1877/78, № 1, էջ 149:

18. *Այվազեան Գ.,* Կրօնական վէճեր // «Մասեաց աղաւնի», Փարիզ, 1856, № 6, էջ 138:

19. *Աշըխեանց Խ.,* Միրութիւն Եկեղեցիոյ Հայաստանեայց // «Յոյս» (Յարմաշ), 1875, №11, էջ 643:

20. *Այվազեան Գ.*, Կրօնական վէճեր, էջ 138:

21. Նույն տեղում:

22. Նույն տեղում, էջ 139:

23. Նույն տեղում:

24. Նույն տեղում:

25. Նույն տեղում, էջ 140:

26. Նույն տեղում, էջ 141:

СООТНОШЕНИЕ «НАЦИЯ-РЕЛИГИЯ» В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГАБРИЭЛА АЙВАЗОВСКОГО

Р.А. Мирумян

АННОТАЦИЯ

В статье автор формулирует и обосновывает следующую идею: соотношение «нация-религия» является одним из стержневых вопросов классической философии истории, подтекстом которого всегда выступает политика. В армянской действительности вопрос соотношении «нация-религия», возникший еще в IV веке (со времени официального принятия христианства), приобрел особую остроту в XIX веке, особенно в Западной Армении, которая превратилась в поле столкновения западных идеологий (либерализма, католической парадигмы и протестантизма). Против распространения в армянской действительности западных идеологий, угрожающих сохранению армянской национальной самобытности, в числе ряда выдающихся армянских консерваторов боролся и Габриэль Айвазовский. Концептуализировав мыслительные конструкции философа о соотношении «нация-религия», автор статьи сконструировал айвазяновскую модель. «Нация-религия» является константой жизнедеятельности нации (наций), которая проявляется в исторической судьбе, национальной традиции и национальной культуре. Таким образом затрагивается укорененный в национальном самосознании глубинный (духовный) пласт национального бытия. Габриэль Айвазовский отрицает распространяемую в армянской действительности его идеологическими противниками идеологему «национальность – это одно, а религия – другое» как опасный для сохранения армянской национальности и армянского национального единства политический лозунг Запада.

Ключевые слова: соотношение «нация-религия», национальная церковь, сохранение национальности, национальное вероучение, национальный церковный обряд.

THE CORRELATION BETWEEN NATION AND RELIGION IN THE PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL CONCEPT OF GABRIEL AYVAZOVSKI

R. Mirumyan

ABSTRACT

In the article the author formulates and justifies the following idea: the correlation between nation and religion is one of the core issues of the classical philosophy of history, which always has a political subtext. In the Armenian reality the issue of the correlation between nation and religion arose back in the IV century (since the official adoption of Christianity) and acquired particular urgency in the XIX century especially in Western Armenia, which was turned into a field of collision for Western ideologies (liberalism, Catholic paradigm and Protestantism). Against the proliferation of Western ideologies in the

Armenian reality, threatening the preservation of the Armenian national identity, amongst a number of prominent Armenian conservatives also fought Gabriel Aivazovsky. Having conceptualized the mental constructs of the philosopher about the correlation between nation and religion, the author of the article has constructed the Aivazyan model. Nation and religion are a constant of the vital activity of the nation (nations), which manifests itself in historical destiny, national traditions and national culture. Thereby, a deep (spiritual) stratum of national existence, rooted in the national self-consciousness is touched upon. Gabriel Aivazovski denies the ideologeme that had been actively propagated by his ideological opponents in the Armenian reality "nationality is one thing, religion - another" as a dangerous political slogan of the West, threatening the preservation of Armenian identity and Armenian national unity.

Keywords: correlation between nation and religion, national church, preservation nationality, national creed, national church rite.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ХАРАКТЕР ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И ЮРИСДИКЦИИ

М.В. Кауракова

СИЭС КОНСТРАКШИН СОЛЮШИНС (ЮК) ЛИМИТЕД
m.kaurakova.mos@csconstructionsolutions.com

АННОТАЦИЯ

Перед автором данной научной статьи поставлена цель отразить характер законотворческой деятельности в отдельной сфере системы частного права – в сфере международного частного права. Для ее достижения необходимо: 1) раскрыть содержание понятия законотворчества; 2) отразить его специфику в данной сфере; 3) раскрыть содержание системы международного частного права; 4) отразить результаты правоприменения в зависимости от избранного правопорядка; 5) решить вопрос о необходимости приведении законотворческой деятельности к репродуктивной или инструментальной интеллектуальной деятельности.

В результате последовательного изложения указанных выше вопросов, автор данного исследования приходит к выводу об особом характере законотворческой деятельности в сфере международного частного права. Такая деятельность приобретает вид созидательного интеллектуального труда, направленного на разработку и внедрение в национально-правовую среду отдельных разновидностей норм, призванных разрешить конфликт интересов двух и более государств при разрешении частноправовых споров трансграничного характера.

Ключевые слова: международное частное право, коллизия законов, иностранный элемент, выбор права и юрисдикции, коллизионные нормы, публичные интересы, законотворчество, интеллектуальная деятельность, унификация, гармонизация.

Проблемы применимого права и юрисдикции возникают при неэффективном осуществлении трансграничной частноправовой деятельности, когда достижение ее цели опосредуется судебным или арбитражным разрешением недоразумений, возникающих в ходе ее реализации. При этом сама реализация такой деятельности на условиях, первоначально согласованных ее участниками, утрачивает свою актуальность и переносится в плоскость необходимости разрешения конкретного спора на условиях, предлагаемых правоприменителем. Позитивный либо негативный эффект от такого разрешения во многом зависит от места рассмотрения соответствующего спора.

Что же это за проблемы и как с ними бороться? Проблемы коллизии законов и столкновения юрисдикций по вопросам регулирования отношений, в силу своей особой природы либо характера подчиняющихся сразу нескольким правовым системам, известны доктрине международного частного права, начиная со Средневековья [1, 2, 3]. Их возникновение связано с естественным развитием торговой и иной деятельности на трансграничной основе, то есть за пределами собственного правопорядка. Над решением данных проблем на протяжении многих столетий трудились самые лучшие умы. В результате подобной деятельности были созданы и восприняты национально-правовыми системами отдельные блоки норм, регулирующих данную разновидность частных правоотношений.

Что это за отношения и почему их регулированию уделяют особое внимание в национальных системах права? Прежде всего, это – общественные отношения, возникающие между физическими лицами, действующими в своем собственном качестве, либо в составе соответствующего частноправового либо публичноправового объединения, наделенного правовым статусом субъекта права, по приобретению товаров, работ, услуг, технологий, либо иной реализации прав, закрепленных национальными правопорядками, за их пределами. При этом под национальным правопорядком в самом широком значении данного термина понимается государство, с которым такое физическое лицо, либо – объединение физических лиц, либо юридически тесно связаны. В таких случаях юридическая связь опосредуется через гражданство физического лица либо регистрацию юридического лица, в то время как реальная – через постоянное место жительство, нахождение органов управления и пр.

Специфика регулирования данных отношений связана с тем, что они подпадают под действие сразу двух и более правовых систем, приводящее к их столкновению[1]. Речь идет о столкновении публичных интересов соответствующих суверенных образований. Оно выражается в необходимости регулирования отношений, одним из субъектов которых является физическое либо юридическое лицо, подчиненное иностранному правопорядку, либо объект которых расположен в данном правопорядке и режим использования которого невозможно установить посредством обращения к другой правовой системе без нарушения суверенных прав соответствующего государства. Содержание публичных интересов раскрывается в каждом правопорядке самостоятельно, исходя из собственного понимания важного и необходимого для его нормального существования, удовлетворяющего запросам места и времени.

Безусловно, такая коллизия законов (или публичных интересов, если рассматривать ее в широком значении) не принимается в качестве абсолютной. Тем не менее, она является основанием для разработки и принятия отдельной

---

[1] Вопросы причины, характера и последствий такого столкновения в зарубежной доктрине более детально освещаются в следующих трудах, требующих внимательного ознакомления: Juenger F.K. General Course on Private International Law // Recueil des cours, 1986, 269 p., Laine A. La redaction du Code civil et le droit international prive // Revue de droit international prive, 1905. V. 1, 22 p., M. Mahmoud Mohamed Salah. Droit Economiqueet Droit International Privé // Revue internationale de droitéconomique, 2010. PP. 9–36.

разновидности норм, позволяющих снять ее и разрешить конкретный спор из частных правоотношений, осложненных иностранным элементом (субъектом либо объектом в структуре соответствующего правоотношения). Прежде всего, это – нормы о выборе права и юрисдикции по спорам из частных правоотношений, осложненных иностранным элементом, подчиняющимся своему собственному правопорядку [4, 5]. Помимо данных норм, в систему норм международного частного права входят сверхимперативные нормы, а также унифицированные материально-правовые нормы, вне зависимости от природы данных норм, непосредственно регулирующие такие отношения.

Итак, принимая во внимание частноправовую природу таких отношений, их регулирование строится на основе норм опосредованного и прямого действия национального (строго территориального) права. Помимо прочего, как видно из данного изложения, особенность реализации международных частноправовых норм заключается в том, что они не применяются до тех пор, пока участники соответствующих правоотношений не решат, что они более не могут договориться об условиях реализации данных отношений, и передают возникший между ними спор суду либо арбитражу. В некоторых случаях их применение является основанием либо разрешением на подчинение отношений праву иностранного государства, которое необходимо применять так, как это характерно для соответствующего иностранного правопорядка.

Специфике такого разрешения необходимо уделить отдельное внимание. Исследователю теории государства и права хорошо известно, что у правоприменителя нет и не может быть никакой тесной связи с иностранным законодателем, являющейся основанием для реализации норм иностранного правопорядка. Однако существует неразрывная связь с собственным законодателем. Эта связь обеспечивает единство правовой системы. Функционирование данной системы осуществляется на различных уровнях власти, которая в рамках отдельно взятого суверенного образования реализуется через законодательные, исполнительные и судебные органы. Особенность же международного частного права как отдельной отрасли права и отрасли законодательства состоит в том, что посредством его коллизионно-правовых норм устанавливается связь национального правоприменителя с иностранным законодателем. Данная связь реализуется исключительно на национальном уровне национально-правовыми средствами, не имеет устойчивого характера и устанавливается применительно к каждому конкретному случаю. Речь идет об отдельно рассматриваемом международном частноправовом споре, разрешение которого требует выбора применимого права. Данный выбор осуществляется посредством действия коллизионно-правовой нормы, в структуре которой содержится отсылка к иностранному правопорядку как наиболее тесно связанному со спорным правоотношением.

В связи с этим возникает вопрос, в какой суд обратиться сторонам? Ответ на данный вопрос может быть дан самими сторонами посредством закрепления практически во всех правопорядках права выбора места разрешения спора из трансграничных частноправовых отношений, когда такой выбор не нарушает

публичные интересы государства, с которым данный спор связан наиболее тесным образом. При этом, тесная связь – это не некая субъективная категория, раскрываемая правоприменителем на основе его собственного понимания, а категория позитивного права, которая находит свое отражение в применимых национально-правовых и международно-правовых актах, нормы которых инкорпорируются в национально-правовую среду с целью их последующего применения в соответствующем правопорядке.

В противном случае ответ на данный вопрос дает законодатель по месту предъявления соответствующего требования в суд. В ходе правоприменения суд или иной полномочный орган по снятию соответствующей коллизии, возникающей в рамках частных правоотношений на трансграничной основе, не выходит за пределы, четко очерченные в ходе законотворчества. Применительно к сфере международного частного права под законотворчеством принято понимать деятельность органов государственной власти по созданию четырех разновидностей норм, указанных нами ранее: 1) по снятию коллизии законов; 2) по снятию коллизии юрисдикций; 3) сверхимперативные нормы; 4) унифицированные материально-правовые нормы.

Как известно, в основе любого законотворческого процесса – своя уникальная идея, получающая воплощение в соответствующих материально-правовых, коллизионных, процессуальных, процедурных, технических и прочих нормах. Что это за идея? Прежде всего, это – обеспечение и защита национальных интересов вне зависимости от сферы применения таких норм (частноправовая либо публичноправовая). В первом случае, национальные интересы обеспечиваются в ходе закрепления пределов реализации гражданских прав и обязанностей, возложения ответственности. Применительно к отдельной отрасли частного права (международное частное право) обеспечение и защита данных интересов имеют место при самостоятельной разработке всех указанных выше норм, входящих в систему данной отрасли.

Эта уникальная идея как форма выражения определенной мысли является результатом интенсивной интеллектуальной деятельности. Мы знаем три основных проявления такой деятельности: это – созидательная, репродуктивная и инструментальная деятельность. Итак, в ходе создания всех четырех типов норм, характеризующих систему международного частного права, имеет место именно созидательная деятельность, а не воспроизводительная либо инструментальная. Это – деятельность по разработке норм, отражающих публичные интересы конкретного законодателя в частноправовой сфере при регулировании деятельности, подпадающей под действие двух и более правовых систем.

Такое создание норм в сфере международного частного права сопровождается: 1) определением круга публичных интересов, в сфере действия которых ни при каких условиях не могут применяться нормы иного права к отношениям, связанным с другим правопорядком (сверхимперативные нормы, односторонние коллизионно-правовые привязки, нормы об исключительной подсудности); 2) закреплением общих принципов и подходов к вопросу выбора права и юрисдикции как двум основным вопросам, решение которых должна предлагать эта отрасль права и

отрасль законодательства (публичный порядок, взаимность, реторсии, автономия воли и пр.); 3) анализом иностранного законодательства, норм и принципов, закрепленных в иностранных правопорядках, с целью прогнозирования результата действия отсылки к иностранному праву; 4) приведением материально-правовых норм в соответствие с новыми требованиями места и времени.

При создании норм международного частного права принимаются во внимание регулярный характер и общий набор признаков общественных отношений, реализуемых на трансграничной основе. При этом в нормах международного частного права, как и в иных национально-правовых нормах, четко прослеживается уникальная юридическая мысль, отражающая традиции и подходы, присущие определенному месту и времени принятия соответствующих норм. Самым ярким примером являются сверхимперативные нормы, а также коллизионные нормы и принципы в сфере брачно-семейных отношений, имеющих свою специфику в зависимости от правопорядка применительно к условиям вступления в брак и решению иных вопросов. При этом, основным побудительным стимулом реализации такой разновидности интеллектуальной деятельности является необходимость достижения порядка и гармонии в отношениях, тесно связанных с двумя и более правопорядками. Только в условиях упорядоченной и гармоничной реализации частноправовой деятельности возможна полноценная защита и обеспечение прав участвующих в ней лиц.

Также для данной отрасли права и законодательства характерным является следование определенным теориям и концепциям, будь то теории и концепции материального, коллизионного или процессуального права. Наиболее ярким примером такой приверженности является совокупность норм международного частного права, регулирующих отношения по созданию, изменению и прекращению корпоративной и иной связанной с ней деятельности, когда такая деятельность связана с двумя и более правопорядками. При создании норм о выборе права и юрисдикции при разрешении соответствующих коллизий, возникающих из международных частноправовых отношений сторон, законодатель следует требованиям теории корпораций, в частности, не допускающей решение вопросов правового статуса корпорации иным правопорядком, кроме личного.

Итак, законотворчество в сфере разрешения проблем применимого права и юрисдикции, возникающих при трансграничной частноправовой деятельности ее субъектов, представляет собой своеобразный процесс интеллектуального труда, направленный на создание правовых норм, позволяющих осуществить эффективный выбор применимого права и юрисдикции к спорам из частноправовой деятельности физических лиц и их частноправовых и публичноправовых объединений, подчиняющейся двум и более правопорядкам. В силу особого характера создаваемых норм и специфики отношений, к которым они применяются, данные нормы занимают обособленное место в системе норм частного права. Это связано с необходимостью выбора применимого права и юрисдикции к спорам из международных частноправовых отношений, что исключает применение иных видов норм к таким отношениям до осуществления такого выбора.

Эффективным такой выбор права и юрисдикции будет только тогда, когда частные интересы спорящих сторон получат полную защиту в правопорядке, наиболее тесно связанном с отношениями. Обращая внимание на то, что данные интересы субъектов из различных правовых систем по своей природе не могут быть приведены в полное соответствие, нормы, обеспечивающие их представление и защиту, также не могут быть сведены к единому знаменателю. Этим были бы нарушены как публичные, так и частные права и интересы.

Такая аргументация должна наводить на мысль о недопустимости рассмотрения международного частного права как унифицированного права, источником которого являются международно-правовые акты. Для международного права, как отдельной системы права, действительно характерна некоторая гомогенность, она обеспечивает предсказуемое развитие межгосударственных отношений. Однако там, где имеет место регулирование частноправовой деятельности, ни о какой гомогенности речи быть не может. Это отдельные системы частного права, в которых выделяется международное частное право, как самостоятельная отрасль национального права.

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит отметить следующее:

1. Законотворчество – это особая разновидность интеллектуальной деятельности, основным стимулом которой является необходимость упорядочения и гармонизации отношений, реализуемых в соответствующем правопорядке.

2. В сфере международного частного права законотворчество принимает вид созидательного интеллектуального труда, направленного на разработку и внедрение в национально-правовую среду отдельных разновидностей норм, призванных разрешить конфликт интересов двух и более государств при разрешении частноправовых споров трансграничного характера.

3. Под нормами, входящими в систему международного частного права, понимают четыре разновидности норм: 1) по снятию коллизии законов; 2) по снятию коллизии юрисдикций; 3) сверхимперативные нормы; 4) унифицированные материально-правовые нормы.

4. Результат разрешения международного частноправового спора зависит от места его рассмотрения и может меняться для спорящих сторон в зависимости от избранного либо применимого правопорядка.

5. Унификация международных частноправовых норм, подразумевающая репродуктивную либо инструментальную интеллектуальную деятельность законодателей, приводящая к отказу от собственных публичных интересов в пользу интересов отдельного государства либо группы государств – недопустима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bar L.V.* The Theory and Practice of Private International Law. Edinburgh // William Green & Sons Law Publishers, 1892, 867 p. P. 5.

2. *Beale J.H.* A treatise on the Conflict of Laws of Private International Law // Harvard University Press, Cambridge, 1916. Vol. 1. Part. 1, 189 p.

3. *Story J.* Commentaries on the Conflict of Laws, Foreign and Domestic, Boston, 1834, 559 p.

4. *Laine A.* La redaction du Code civil et le droit international prive // Revue de droit international prive, 1905. V. 1.

5. *Llewelyn Davies.* The Influence of Huber's De ConflictuLegum on English Private International Law // British Yearbook of International Law, 1937. Vol. 18.

ON THE CHARACTER OF LAWMAKING WHEN DEALING WITH LEGAL AND JURISDICTIONAL PROBLEMS

M. Kaurakova

ABSTRACT

The critical point of the present paper is to show the character of lawmaking in a distinct sphere of the private law system, which is private international law. To meet this point it is necessary 1) to uncover the content of the notion "lawmaking" and show particulars of lawmaking in this sphere; 3) to uncover the content of a private international law system; 4) to show results of law enforcement depending on the chosen legal order; 5) to decide over the issue whether lawmaking in a private international law sphere should be reduced to reproductive or instrumental intellectual activity.

To sum up the above-mentioned observations it becomes evident that lawmaking in a private international law sphere is particularly featured. It takes form of the constructive intellectual activity aimed at elaboration and incorporation into a national law sphere of separate types of rules to deal with a conflict of interests of more than two states when settling private international law disputes.

Keywords: private international law, conflict of laws, foreign element, choice of law and jurisdiction, conflict of law rules, public interests, lawmaking, intellectual activity, unification, harmonization.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

И.В. Рукавишникова

Ростовский государственный экономический университет
sde19@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматриваются актуальные проблемы применения регионального законодательства об административных правонарушениях в контексте существующего разграничения предметов ведения и полномочий. Приводятся примеры из судебной практики, свидетельствующие о сужении сферы административно-деликтных нормотворческих полномочий регионов. Так, суды признают противоречащими действующему КоАП РФ региональные нормы, принятые в порядке опережающего регулирования, либо устанавливающие административную ответственность за нарушение региональных или муниципальных нормативных правовых актов, в случае, если предмет их регулирования носит комплексный характер. Указанные проблемы являются следствием неясности и неточности разграничения предметов ведения и полномочий в области законодательства об административных правонарушениях. Следствием этого является также и существующая проблема составления протоколов сотрудниками полиции по тем составам административных правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности, которые установлены региональными законами. Действующей редакцией статьи 28.3 КоАП РФ установлено, что указанные протоколы составляются должностными лицами органов внутренних дел (полиции) только в случае наличия соответствующего соглашения между МВД России и органами исполнительной власти субъектов РФ. Однако работа по их заключению движется медленными темпами. В подавляющем большинстве субъектов они не заключены. Вместе с тем, с момента, когда данные правонарушения перешли под юрисдикцию должностных лиц административных инспекций и органов местного самоуправления, количество протоколов по таким составам снизилось в разы. В результате, целый ряд административных правонарушений не пресекается и не

наказывается. В связи с этим, в обществе растет социальная напряженность, формируется атмосфера безнаказанности и принцип неотвратимости ответственности правонарушителя не действует. Таким образом, в настоящее время в правотворческой и правоприменительной практике законодательства об административных правонарушениях наблюдается две тенденции: расширительное толкование административно-деликтных полномочий федерального законодателя в различных сферах общественных отношений – с одной стороны, и тенденция отстранения федерального законодателя от административно-правовой защиты сферы общественного порядка и общественной безопасности – с другой. В заключении статьи даны предложения по совершенствованию действующего Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Ключевые слова: региональное законодательство об административных правонарушениях, общественный порядок, общественная безопасность, протоколы об административных правонарушениях, соглашения с МВД России.

Серьезной проблемой в настоящее время является несоответствие существующего принципа разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства об административных правонарушениях потребностям общества, в том числе в сфере защиты общественного порядка и общественной безопасности.

В соответствии с действующими положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), к полномочиям Российской Федерации относится установление административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе ответственности за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а к полномочиям регионов – установление административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также муниципальных нормативных правовых актов.

При этом надо учитывать, что существует сфера совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. И в соответствии с конституционными принципами, субъекты Российской Федерации вправе устанавливать административную ответственность за нарушение региональных законов, если на федеральном уровне такой ответственности не предусмотрено, то есть использовать полномочие опережающего правового регулирования.

Однако на практике в большинстве субъектов РФ нормы региональных законов, предусматривающие административную ответственность за нарушения, находящиеся в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, становятся предметом прокурорского реагирования, как несоответствующие

федеральному законодательству. При этом суды, в подавляющем большинстве, случаев занимают сторону прокуратуры.

Если в отраслевом федеральном законодательстве, принятом по предметам совместного ведения, предусмотрено, что ответственность наступает в соответствии с законодательством Российской Федерации, то данный вопрос может иметь только федеральное значение. И, несмотря на отсутствие в КоАП РФ соответствующих норм, региональный закон признается противоречащим данному Кодексу .

Таким образом, можно сделать вывод, что при решении вопросов о соответствии регионального законодательства об административной ответственности Кодексу РФ об административных правонарушениях суды излишне широко трактуют полномочия Российской Федерации по установлению административной ответственности.

Например, во многих субъектах РФ признаны незаконными региональные нормы, устанавливающие административную ответственность за стоянку транспортных средств на тротуарах, газонах, детских и спортивных площадках, поскольку эти сферы урегулированы федеральным законодательством .

Такое же расширительное толкование полномочий Российской Федерации суды применяют и при оценке вопросов установления административной ответственности за нарушение региональных или муниципальных нормативных правовых актов в случае, если предмет их правового регулирования носит комплексный характер.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, за нарушение сформулированных в муниципальных актах многочисленных обязанностей граждан и юридических лиц, а также запретов (к примеру, складировать мусор, загрязнять газоны, портить скульптуры, скамейки, ограды, мыть транспортные средства на газонах и детских площадках, расклеивать афиши, объявления и другие информационные материалы на стенах, и т.д.) административная ответственность предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. А все муниципальные правила благоустройства – это лишь компиляция и воспроизведение технических, градостроительных, экологических, санитарно-эпидемиологических и иных требований, предусмотренных федеральным законодательством. Таким образом, по мнению суда, региональные составы поглощаются федеральными. Так, например, нарушение правил содержания домашних животных и птицы – это статья 6.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения», оставление бытовых отходов и иного мусора вне мусорных контейнеров – статья 8.2 КоАП РФ «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами», выжигание сухой растительности – это статья 20.4 КоАП РФ «Нарушение требований пожарной безопасности».

С формально-юридических позиций доводы суда верны.

Однако почему субъекты Федерации вынуждены «дробить» федеральные составы?

Во-первых, потому, что эти составы неконкретны, слишком обширны. Например, это очень актуально для нарушений санитарных правил, которые представлены множеством СанПиН.

Во-вторых, в них обычному гражданину трудно увидеть свою «зону ответственности», понять, что конкретно запрещено. Законы должны быть написаны так, чтобы их понимал каждый.

В-третьих, устанавливая ответственность в региональном акте, законодатель возлагает юрисдикционные полномочия по данным составам на свои региональные и муниципальные органы, делая правоприменение более эффективным. Ведь всем понятно, что должностные лица федеральных надзорных органов не уследят за каждым сельским поселением. В лучшем случае, протокол будет составлен по жалобе какого-то неравнодушного жителя. В худшем – такие нарушения не будут наказаны и предупреждены в дальнейшем.

Таким образом, в силу неясности и неточности разграничения предметов ведения и полномочий в области административной ответственности, создаются ситуации конкуренции, правовых коллизий и несогласованности региональных и федеральных норм. Более того, с учетом увеличивающейся судебной практики регионы все больше понимают, что их компетенция в материальной части административно-деликтного законодательства, минимизирована.

Вторая актуальная проблема регионального значения, которая, по-сути, также является следствием несовершенства действующего КоАП РФ, – это проблема составления протоколов сотрудниками полиции по тем составам административных правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности, которые установлены региональными законами. А к таким правонарушениям относятся, например, нарушение тишины и покоя граждан, торговля в неустановленных местах, занятие попрошайничеством и ряд других. Всего порядка 15 составов, установленных субъектами РФ, в том числе с учетом их экономических, географических, исторических и иных особенностей. К ним относятся, например, нарушение правил охраны жизни людей на водных объектах, нарушение допустимых нормативов нагрузки на пастбища, которые актуальны для ряда субъектов Российской Федерации.

Очевидно, что составление протоколов по правонарушениям, посягающим на общественную безопасность и общественный порядок, – это прерогатива сотрудников полиции. Они наделены правом применять весь комплекс мер обеспечения производства по делу, в том числе задерживать правонарушителя, проверять документы, применять в необходимых случаях силовое воздействие.

Однако уже больше двух лет назад, 21 июля 2014 года, в статью 28.3 КоАП РФ была введена норма, устанавливающая, что протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, составляются должностными лицами органов внутренних дел (полиции) только в том случае, если передача этих полномочий предусмотрена соответствующими соглашениями между Министерством внутренних дел Российской Федерации и

региональными органами исполнительной власти. Что произошло в субъектах России в результате этих нововведений?

С момента, когда данные правонарушения перешли под юрисдикцию должностных лиц административных инспекций и органов местного самоуправления, количество протоколов по таким составам значительно снизилось. Так, уже в 2015 году в Ростовской области в 1,6 раза уменьшилось их количество по составу «нарушение тишины и покоя граждан», в 1,5 раза по составу «торговля в неустановленных местах». Практически бездействуют такие составы, как «занятие попрошайничеством» и «попустительство нахождению несовершеннолетних в игорных заведениях» Областного закона от 25.10.2002 № 273-ЗС «Об административных правонарушениях».

Понятно, что такие статистические показатели обусловлены, прежде всего, тем, что так называемые «гражданские» служащие не обладают полномочиями правоохранителей, не смогут для составления протокола задержать, проверить документы, применять иные специальные меры обеспечения производства по делу.

Уже больше трех лет во всех субъектах РФ ведется серьезная работа по составлению и согласованию таких соглашений с МВД России. Во-первых, с трудом согласовываются перечни составов, по которым полицейские будут составлять протоколы. При этом не все составы, которые, по мнению региональных законодателей, посягают на общественный порядок и общественную безопасность, могут попасть под юрисдикцию полиции. МВД России подготовило свой перечень из семи составов: 1) совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан, в том числе в ночное время; 2) навязчивое обращение к гражданам с целью попрошайничества, гадания; 3) нарушение правил проведения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий; 4) изготовление и сбыт алкогольной и спиртосодержащей продукции домашней выработки; 5) допуск несовершеннолетних в общественные места, осуществляющие деятельность в сфере отдыха и развлечения в ночное время, а также нахождение несовершеннолетних на улицах без сопровождения родителей или иных законных представителей в ночное время; 6) нанесение надписей, рисунков в общественных местах; 7) выгул собак без поводка и (или) намордника (за исключением комнатных декоративных пород собак) в общественных местах. По всем остальным составам – либо отменяются региональные нормы об ответственности, либо – составляются протоколы силами должностных лиц административных инспекций и муниципальных служащих.

С еще большими усилиями согласовываются объемы материального и финансового обеспечения услуг полицейских. А это: и подсчет расходов на бумагу, канцелярию, средства связи, оргтехники, на транспорт, горюче-смазочные материалы и многие другие.

И все ли субъекты России выходят в судеюную практику и когда договорятся с МВД России о материальном и финансовом обеспечении передаваемых полномочий? Не будет ли эта цена финансово-обременительной для регионов?

В первой части статьи речь шла о проблеме расширительного толкования административно-деликтных полномочий федерального законодателя в отдельных

сферах общественных отношений. А в сфере общественного порядка и общественной безопасности мы наблюдаем обратное – федеральный законодатель отдает право установления административной ответственности даже по типичным составам, не имеющим региональной специфики, субъектам Российской Федерации.

И теперь о тех предложениях, которые бы могли решить столь важные для регионов проблемы в сфере законодательства об административной ответственности.

Первый вариант законодательного регулирования: отнести вопросы установления административной ответственности за совершение любых административных правонарушений к исключительной компетенции Российской Федерации. А в компетенции субъектов Российской Федерации оставить только вопросы, связанные с определением в необходимых случаях подведомственности дел об административных правонарушениях, определением лиц, уполномоченных на составление протоколов об административных правонарушениях, созданием комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, административных комиссий и другие вопросы собственно административного права.

Второй вариант: четко и недвусмысленно сформулировать в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях пределы нормотворческих полномочий субъектов Российской Федерации при установлении административной ответственности. При этом включить в КоАП РФ составы административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, ответственность за которые в настоящее время предусмотрена региональными законами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирин А.В*. Административно-деликтное право: теория и законодательные основы. М.: Норма, Инфра-М. 2012. 464 с.

2. *Кирин А.В., Побежимова Н.И.* Новой редакции КоАП РФ нужна новая Общая часть // Административное право и процесс. 2014. № 12. СС. 7–13.

3. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А.Г. Авдейко, С.Н. Антонов, И. Л. Бачило и др.; под общ. ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М.: Проспект. 2011. 1296 с.

4. *Науменко А.М.* Практика осуществления правового мониторинга законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 5. СС. 90–94.

5. *Покачалова Е.В., Разгильдиева М.Б.* Институт ответственности за нарушения бюджетного законодательства РФ: проблемы правоприменения и толкования // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 2. СС. 157–167.

6. *Россинский Б.В.* О полномочиях Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности // Административное право и процесс. 2015. № 6. СС. 26–31.

7. *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права. Т. I. История наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М.: Норма. 2002. 728 с.

8. *Рукавишникова И.В.* Современная правовая политики Ростовской области // Правовая политика Ростовской области в современных социально-экономических условиях. Сборник

научно-практических материалов первого Донского юридического форума, Ростов н/Д. 28 мая 2014г. Азов. Изд-во ООО «АзовПечать». 2014. СС. 30–38.

9. *Рукавишникова И.В.* Комфортная правовая среда как условие формирования эффективного регионального управления // Комфортная правовая среда Ростовской области. Сборник научно-практических материалов II Донского юридического форума. Ростов н/Д. 18 июня 2015г. Азов. Изд-во ООО «Азов Печать». 2015. СС. 14–18.

10. Р*укавишникова И.В.* Мониторинг правоприменения как инструмент модернизации действующего законодательства // Современные тенденции развития действующего законодательства и приоритеты правоприменительной практики. Сборник научно-практических материалов III Донского юридического форума, Ростов н/Д. 27 мая 2016г. Азов. Изд-во ООО «Азов Печать». 2016. СС. 21–25.

11. *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М. 2012. 480 с.

12. *Соколова Ю.А.* Общественный порядок и общественная безопасность как объекты административно-правовой защиты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 6. СС. 105–109.

13. *Соколова Ю.А.* О правовых проблемах заключения соглашений между МВД России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях // Пробелы в российском законодательстве. 2017. Вып. № 3. СС. 276–278.

14. *Старостин С.А.* О необходимости и путях совершенствования законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2014. № 3. СС. 72–75.

15. *Студеникина М.С.* Кодификация законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: история, современность, перспективы развития // Административное право и процесс. 2014. № 9. СС. 39–44.

16. *Сухаревский И.А.* О компетенции субъектов Российской Федерации в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 5. СС. 57–60.

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԻՐԱՎԱԽԱԽՏՈՒՄՆԵՐԻ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ՕՐԵՆՍԴՐՈՒԹՅԱՆ ՈԼՈՐՏՈՒՄ ԵՒ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ՍՈՒԲՅԵԿՏՆԵՐԻ ԻՐԱՎԱՍՈՒԹՅԱՆ ՈԼՈՐՏՆԵՐԻ ՏԱՐԲԵՐԱԿՄԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ԲԱՐԵԼԱՎՄԱՆ ՄԱՍԻՆ

Ի.Վ. Ռուկավիշնկովա

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ տարածքային օրենսդրության կիրառման արդիական հիմնախնդիրները՝ վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ օրենսդրության իրավասության և լիազորությունների ոլորտների առկա տարբերակման համատեքստում: Ներկայացված են դատարանի պրակտիկայից ստացված օրինակները մարզերի վարչական և օրենսդիր իրավասու մարմինների ոլորտի նեղացման մասին:
Դատարանները տարածաշրջանային կամ քաղաքային նորմատիվ իրավական ակտերի խախտման դեպքում ճանաչում են, որ «առաջադեմ» հսկողության կարգով ընդունված տարածաշրջանային կամ վարչական պատասխանատվությունը հաստատող նորմերը, հակասում են Վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ

Ռուսաստանի Դաշնության գործող օրենսգրքին, եթե դրանց կարգավորման առարկան համապարփակ է: Նշված խնդիրները վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ օրենսդրության բնագավառում իրավասության և լիազորությունների ոլորտների տարբերակման անճանաչելիության և անճշտությանհի ետևանք են: Դրա հետևանքն է նաև հասարակական կարգի և հասարակական անվտանգության բնագավառում վարչական իրավախախտումների ոստիկանության համարար ձայնագրությունների կազմման առկախ նդիրը, որը սահմանվում է տարածաշրջանային օրենքներով: Ռուսաստանի Դաշնության վարչական օրենսգրքի 28.3-րդ հոդվածի ընթացիկ տարբերակը պարզել է, որ այդ զեկույցները կազմված են Ներքին գործերի (ոստիկանության) աշխատակիցների կողմից միայն այն դեպքում, եթե կա համաձայնություն Ռուսաստանի ներքին գործերի նախարարության և Ռուսաստանի Դաշնություն տարածքային գործադիր մարմինների միջև: Այնուամենայնիվ, համաձայնագրի վերաբերյալ աշխատանքը դանդաղ տեմպերով շարժվում է: Սուբյեկտների մեծամասնությունում նման համաձայնագրեր չկան: Միևնույն ժամանակ, երբ այդ Վարչական իրավախախտումները անցել են վարչական ստուգումների և տեղական ինքնակառավարման մարմինների պաշտոնատար անձանց իրավասության տակ, այդպիսի արձանագրությունների թիվը զգալիորեն նվազել է: Արդյունքում մի շարք վարչական իրավախախտումներ չեն կանխվում և չեն պատժվում: Այս առումով հասարակության մեջ աճում է սոցիալական լարվածությունը, ձևավորվում է անպատժելիության մթնոլորտ և իրավախախտի պատասխանատվության անխուսափելիության սկզբունքը չի գործում:
Այսպիսով, ներկայումս վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ օրենսդրության օրենսդրական դաշտում և իրավապահ ոլորտում նկատվում են երկու միտումներ: Մի կողմից, հասարակայնության հետ կապերի տարբեր ոլորտներում դաշնային օրենսդիր մարմնի վարչական տուգանքի իրավունքի լայն մեկնաբանումը, և մյուս կողմից, դաշնային օրենսդիրի՝ հասարակական կարգի վարչական և իրավական պաշտպանությունից և հասարակական անվտանգությունից հեռացնելու միտումը:
Հոդվածի եզրակացության մեջ ներկայացվում են առաջարկություններ Ռուսաստանի Դաշնության վարչական իրավախախտումների գործող օրենսգրքի կատարելագործման ուղղությամբ:
Հիմնաբառեր՝ վարչականի րավախախտումների վերաբերյալ տարածքային օրենսդրություն, հասարակական կարգ, հասարակական անվտանգություն, վարչական իրավախախտումների մասին արձանագրություններ, Ռուսաստանի ներքին գործերի նախարարության հետ համաձայնագրեր:

ABOUT IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF DIFFERENTIATION OF AREAS OF JURISDICTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF THE LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

I. Rukavishnikova

ABSTRACT

Urgent problems of application of the regional legislation on administrative offenses in the context of the existing differentiation of areas of jurisdiction and powers in the legislation

on administrative offenses are considered in the article. The examples from court practice, indicating of narrowing of the sphere of administrative and tort law-making powers of regions, are given. Thus, contradicting the existing Code of the Russian Federation on Administrative Offences the regional standards adopted in the order of “advanced” control are recognized, or establishing the administrative responsibility for violation of regional or municipal regulatory legal acts if the subject of their regulation is comprehensive. The specified problems are a consequence of an ambiguity and inaccuracy of differentiation of areas of jurisdiction and powers in the field of the legislation on administrative offenses. The consequence of this is also the current problem of drawing up protocols for the police of an administrative offense in the field of public order and public safety, which are established by regional laws. The current version of Article 28.3 of the Administrative Code of the Russian Federation found that these reports are drawn up by officials of the Interior (police) only if there is an agreement between the Ministry of Internal Affairs of Russia and executive bodies of territorial subjects of the Russian Federation. However, the work on their conclusion is moving at slow rates. In the majority of subjects they aren’t imprisoned. At the same time, since the moment when these offenses passed under jurisdiction of officials of administrative inspections and local government bodies, the number of protocols on such structures decreased significantly. As a result, a number of administrative offenses is not stopped and not punished. In this regard, social tension grows in society, the atmosphere of impunity is created and the principle of inevitability of responsibility of the offender is humiliated. Thus, now in law-making and law-enforcement practice of the legislation on administrative offenses two tendencies are observed: extensive interpretation of administrative tort powers of the federal legislator in various spheres of the public relations – on the one hand, and a discharge tendency from administrative legal protection of the sphere of public order and public safety – on the other. In conclusion, the article gives suggestions for improvement of the current Code of the Russian Federation on Administrative Offences.

Keywords: the regional legislation on administrative offenses; public safety; protocols on administrative offenses; agreements with the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ЭКОНОМИКА

ПЛАТЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ «МИР» и “ArCa”, ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В.Р. Лалабекова

Российско-Армянский университет
varvara.lalabekova@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассмотрены значение и важность Российской платежной системы «Мир» и Армянской платежной системы “ArCa”, представлен их платежный инструмент, а также значение и перспективы их взаимодействия.

Ключевые слова: карта «Мир», “ArCa”, национальная система платежных карт, платежная система, финансовая система.

Сегодня уже сложно представить современные условия жизни без банковской карты. Понятие «платежная система» широко вошло в обиход как российских банковских работников, так и армянских, примерно ко второй половине 90-х годов полностью заменив термин «системы безналичных расчетов». Среди специалистов данной области появилось четко сформированное мнение и понятие о термине «платежная система», что, в свою очередь, и привило к активизации западных платежных систем на территории Российской Федерации и РА. Так, в работах ученых С.В. Ануреева, Н.В. Байдуковой, В.Н. Кочеткова, И.Г. Нелепа, О.В. Бондаревой, Н.Б. Басюк, В.М. Усоскина, Е.Ф. Жукова [1, 2] и других детально описываются определения национальной платежной системы, представляется ряд классификационных их характеристик, содержащих признаки, структурные элементы, функции, задачи и так далее [3, 4, 5].

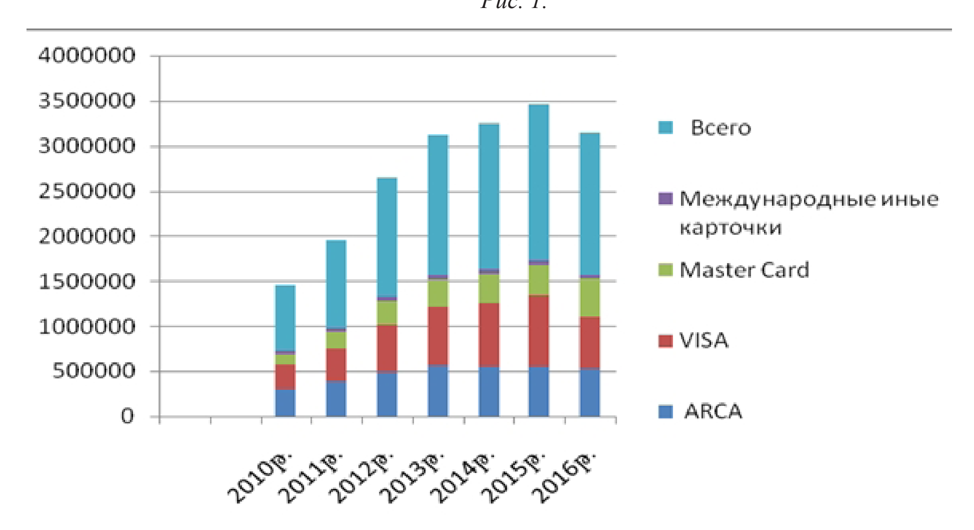
По данным Центробанка РФ в России 53% граждан имеют в среднем 2 или 3 пластиковые карты, 28% – одну, а 15% – имеют около четырех. Безналичный расчет в значительной степени упрощает и оптимизирует финансовую активность людей. Современному человеку все сложнее становится представить свою жизнь без пластиковой карты в своем кошельке, где практически содержится большое состояние [6].

Хотелось бы отметить, что на момент создания платежной системы «Мир» по данным НСПК, в России на MasterCard приходилось 49,4% всех выпущенных карт, а на Visa – 44,7%. Остальные 5% занимали платежные системы «Золотая корона», «Юнион Кард» и другие. Еще 0,9% приходится на American Express, JCB, Union Pay и Diners Club International [7].

В Армении же из-за того, что национальная платежная система существует с 2000г., картина несколько иная, и соотношение платежных систем в обращении на момент интеграции российской НСПК выглядит следующим образом:

Обращение платежных карточек на территории Армении на 2016г.

Рис. 1.

Но, в связи с внешними факторами, например, экономическими или геополитическими, в каждом государстве разрабатываются собственные финансовые инструменты, реализующие финансовые механизмы.

Прежде всего, отметим разработку российской платежной системы «Мир». Она представляет собой национальную платежную карту (сокращенно: НСПК) [8]. В свое время НСПК – был создан как сложный операционный и клиринговый центр, предназначенный для обработки операций по банковским картам внутри РФ, а в настоящее время она также является и оператором национальной платежной системы «Мир».

С введением санкций со стороны Запада, такие платежный системы, как Visa и MasterCard приостановили обслуживание своих карт в нескольких банках России, где многие потеряли доступ к счетам. Данные изменения привели некоторые отечественные банки к формированию собственной платежной системы, которая смогла бы восстановить процесс денежных трансакций в России.

С целью предоставления финансовой защиты гражданам было принято решение о формирование единой платежной системы «Мир». Скажем, что этот шаг необходим, в первую очередь, для стабильности финансовой системы и экономики РФ. Так, перед АО НСПК был поставлен ряд задач: формирование центра обработки внутренних операций по всем международным платежным системам; продвижение и выпуск нового, собственного и единого платежного инструмента.

В разрешении данных задач заключены следующие предпосылки: сокращение финансовых рисков клиентов банка, пользующихся продуктами и платежными системами банка; сосредоточение денежных средств внутри страны; разрешение социальных проблем посредством выплат трансфертов. Так, процессинг сегодня проводит национальная система, но ранее этим занимались международные агенты [9].

Еще до 2014 года абсолютно все операции проводились благодаря платформам Visa и MasterCard, и банки выплачивали по ним комиссию за обслуживание. Данные меры позволили сократить затраты на проведение этих операций. Уже в 2015 году было известно о выпуске единого платежного инструмента *для российских граждан* «Мир». В этом же году был сформирован творческий конкурс по созданию названия и товарного знака национального платежного инструмента. По мнению граждан, из более, чем 5,5 тысяч идей было выбрано предложение Елена Сосновской из Удмуртии.

Данные платежные карты сегодня представлены в трех комбинациях: кобейджинговые, дебетовые и кредитные карты. Выпуск кобейджинговых карт является единственным способом расплачиваться «Миром» в торговых точках заграницей. Особое значение стали приобретать и другие финансовые продукты (инструменты). Над ними также активно ведется работа НСПК, когда между Россией и Арменией были приняты определенные договоренности, так скажем, о взаимном обслуживании, посредством платежной системы ArmenianCard, сокращенно ArCa.

Рассматривая платежную систему ArCa, остановимся на ее основных характеристиках.

ЗАО «Армениан Кард» основано 16 марта 2000 года и существует как национальная система платежей посредством безналичного расчета. Сегодня представлено 15 из 17 коммерческих банков Армении, которые участвуют в статусе платежной системе ArCa. В пределах национальной системы в обращении находятся разнообразные продукты на основе карт ArCa: видов ArCa Debit, ArCa Classic, ArCa Gold, ArCa Business, ArCa Affinity, ArCa Co-branded, ArCa Platinum, а также пенсионные карточки ArCa.

Компания, являясь полноценным членом международной платежной системы MasterCard Europe, осуществляет процессинг карточек системы VISA и American Express (Third Party Processor).

Процессинговый центр, действующий в системе ArCa, предоставляет обработку операций, которые были совершены карточками банков-членов системы и управление системой. Процессинговый центр сотрудничает с международными организациями и другими процессинговыми компаниями для реализации задач системы.

Также ЗАО «Армениан Кард» является центром по оказанию процессинговых услуг для систем VISA, Diners Club International и American Express (Third Party Processor).

Уже с февраля 2006 года платежная система ArCa вместе с программой ООН (UNDP) ввели способ перечисления коммунальных платежей посредством Интернета. Это позволило клиентам и владельцам карт в безналичном порядке проводить выплаты, например, за использованную электроэнергию, воду, газ, телевидение и интернет, владельцам же сотовых телефонов – пополнять свой счет. По сообщению Центрального банка РА, платежная система Armenian Card (ArCa) совместно с Национальной системой платежных карт (НСПК) стала оператором карты «Мир» и готовится к эмиссии совместных карт на территории Армении.

То есть карты платежной системы ArCa могут обслуживаться «Миром» как в собственной платежной системе, и наоборот [10]. Данное соглашение имеет преимущества и недостатки. Говоря о преимуществах, отметим расширение горизонтов перед владельцами карт, где главный минус – часть денежных средств по-прежнему будет «уходить» в другую платежную систему. Поэтому, после принятия данного соглашения с Арменией продолжилась разработка дорожной карты платежной системы, решаются возникшие технические задачи, также стороны рассматривают методы дальнейшего сотрудничества и взаимодействия. По завершению процесса всех согласований владельцы карт ArCa, приезжающие в Россию, имеют возможность расплачиваться в инфраструктуре «Мир», и наоборот. Сегодня ведутся переговоры о выпуске карт с платежными регуляторами Mastercard и Visa, поскольку данное соглашение станет обоюдовыгодным в связи с тем, что национальный пластик увеличит сеть приема, в то время, как компании начнут укреплять свои позиции на отечественном рынке. Данные переговоры продолжаются и с государствами ближнего зарубежья: Белоруссией, Киргизией и Казахстаном. Несмотря на внешнюю геополитическую обстановку карты «Мир» имеют ряд преимуществ. Главным фактором, прежде всего, становится система защиты карт, сформированная в соответствии с жесткими требованиями российской и международной системам безопасности.

Уже в 2017 году НСПК вошло в состав Совета по стандартам безопасности в индустрии платежных инструментов PCI SSC, что стало важным аспектом и гарантом защиты денежных средств граждан РФ.

Проект межсистемного взаимодействия рассчитывает на взаимный прием карт национальных платежных систем на платформах двух стран карт «АрКа» – в России, карт «Мир» – в Армении. Еще одной причиной такого взаимодействия, по заявлению генерального директора АО «НСПК», стало формирование единого платежного пространства стран Евразийского экономического союза, которое планируется завершить до конца 2019 года. А для этого существует прямая необходимость в собственной платежной системе всех стран участниц.

Что касается конкретного взаимодействия национальных карт – российской карты «Мир» и армянской ArCa, то это обусловлено, в первую очередь, особыми отношениями между странами, растущим внешнеторговым оборотом между странами. Если в 2014 году он составлял 2 231 730 млн. дол. США, то в 2017г. уже 3 000 000 млн. дол США [11]. Необходимо также отметить, что, по данным Государственного комитета по туризму в Армении, в год в среднем на 20% также растет количество российских туристов, посещаемых Армению, которые спокойно могут использовать свои карты «Мир» не только в столице, но и в других городах республики. Важным элементом здесь является отсутствие конвертационного кросс-курса «драм – рубль» исходя из их соотношения к доллару США, присущему при расчете картами других платежных систем.

Взаимный прием национальных карт Армении и России может существенно расширить сегмент карточного бизнеса, ориентированного на облегчение процесса и повышения доступности на рынке частных денежных переводов, по принципу

2 карты – один счет. Более того, картами ArCa в России могут пользоваться с возможностью пополнения счета, и те, кто работает в России на временной основе, не имея формальной возможности пользоваться российскими банковскими услугами.

В перспективе будет предусмотрен выпуск общих карт «АрКа» – «Мир». В процессе разрешения технических проблем эмиссию общих карт имеют 15 банков, работающих на платформе ArCa. Отметим, что по части договоренностей между Россией и Арменией были достигнуты решения по приему карт армянской платежной системы «Арка» на территории РФ и, естественно, карт «Мир» на территории РА.

Заместитель председателя Банка России Ольга Скоробогатова в марте 2016 года разъяснила в интервью RNS о принимающихся активных мерах приема платежной системы «Мир» в Армении, которыми будет возможность пользоваться примерно к концу 2017 года. Но уже к середине апреля того же года директор ArCa Ишхан Мхитарян передвинул сроки внедрения единой системы на конец лета 2017 года, что позволило намного раньше сформировать Меморандум о взаимном обслуживании карт.

Пилотная реализация данной программы началась в августе – сентябре 2017 года, которая уже начинает промышленную эксплуатацию.

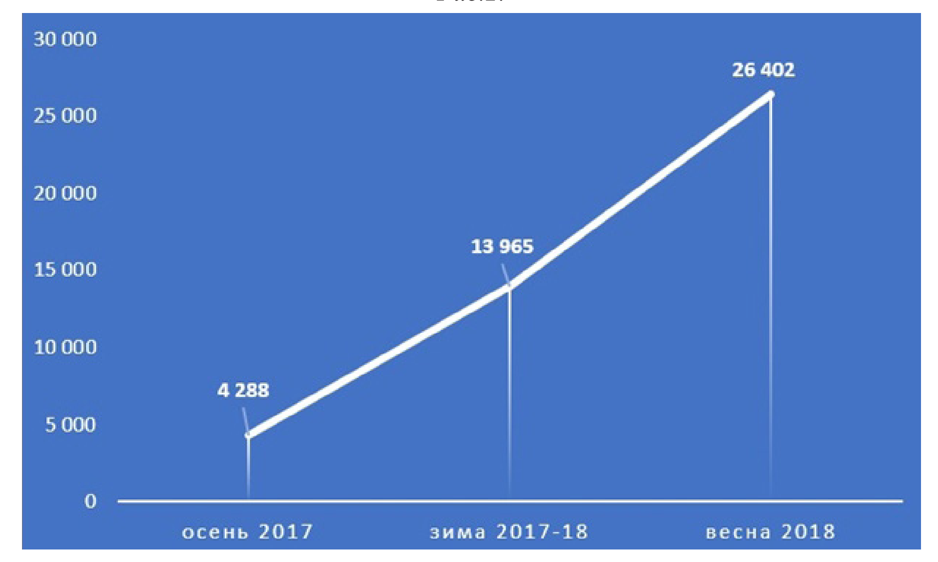
В ноябре была прописана дорожная карта, где отмечены все этапы продвижения и выполнение работ, что стало завершающим этапом в принятии общих решений.

На современной этапе остались незаконченные вопросы между «Миром» и «ArCa»- ой в части организации взаимного приема карт, а именно: по обслуживанию в торговых точках, так как обслуживание в банкоматах уже благополучно реализуется.

«Мир» и «ArCa» сейчас работают над организацией окончательного этапа взаимного обслуживания карт. То есть «Миром» можно будет платить в Армении везде, где принимают ArCa, а картами «ArCa» пользоваться в России везде, где принимают «Мир». Уже сейчас можно смело отметить тот факт, что осенью прошлого года (сентябрь – ноябрь 2017 года) количество операций по карте «Мир» в Армении составило 4,3 тыс. единиц. К зиме этот показатель добрался до отметки в 14 тыс. единиц, а весной 2018-го превысил 26 тыс. Следует отметить, что за один только июнь текущего года держатели карт «Мир» совершили порядка 15 тыс. трансакций в Армении. В целом, с сентября 2017 г. по июнь 2018 г. количество «мировых» трансакций, совершаемых в Армении ежемесячно, выросло более чем в 50 раз.

Как росла популярность оплаты картами «Мир» в Армении
(количество совершенных за указанный период трансакций в штуках)

Рис.2.

Поэтому далее можно будет рассматривать вопрос о межсистемном взаимодействии, где будут разработаны единые правила и общие тарифы, будут вестись расчеты в национальных валютах, соответственно, расширится инфраструктура приема карт.

Данное сотрудничество платежных систем Армении с Россией станет типо вым для других стран СНГ.

Следовательно, можно сказать, что национальные системы платежных карт России и Армении только ачинают увеличивать обороты и имеют значительные перспективы развития.

Таким образом, платежные системы «Мир» и “ArCa” приобретают международный характер, выходя на пространство Евразийского экономического союза. При продвижении в данном направлении свое начало берут первые трансграничные операции на платформах «Мир» и «Арка».

Председателем Центрального Банка РФ Эльвирой Набиуллиной на проходящем в Санкт-Петербурге Международном финансовом форуме было отмечено, что платежная система «Мир», функционирующая с 2015 года, уже сегодня позволила решить ряд определенных задач, касающихся внешних экономических и политических агентов. Формирование же этой системы определенно позволило расширить сферу применения национального платежного инструмента. Также, в перспективе при переводе социальных платежей в данную платежную систему позволит решить множество социальных задач. Механизмы деятельности АО НСПК имеют ряд недоработок, касающихся перевода внутрироссийских транзакций

по картам международных платежных систем на российскую технологическую платформу, где процесс работы был запущен в рекордные сроки. Уже выпуск первых карт был осуществлен спустя полтора года после создания НСПК, когда для других стран это более протяженный этап. Растут масштабы использования платежной системы, выпускаются карты, растет количество транзакций, что стало необходимым шагом в формировании стабильной экономики страны.

Отметим, что процессинговый центр системы "ArCa" полностью соответствует стандартам и требованиям PCI DSS. RAMP (Risk Assessment Management Program) – это Программа управления оценки рисков процессинговой компании платежной системы MasterCard. Она предопределяет ежеквартальный мониторинг в торгово-сервисных предприятиях для выявления рисков, что способствует повышению мер безопасности путем обучения обслуживающего персонала и применения программных ограничений с целью уменьшения объемов убытков за счет выполнении нелегальных безналичных сделок.

Все это позволило выйти платежной системе на более высокий уровень и развитию процесса становление новой, надежной системы национальных и международных платежей.

И, в подведении итогов, скажем, что и граждане РФ, и граждане Армении в итоге получают новые финансовые возможности в качестве современного средства платежа, т.е. использование локальных карт на территории России и Армении, а данные карты в обеих странах, в первую очередь, являются зарплатными, что стало доступным и удобным. А необходимость в приобретении карт международных платежных систем для использования на территории наших стран отпала.

Нельзя также не отметить и увеличение денежного оборота между нашими странами в результате реализации данного проекта. Ну и, конечно же, дешевизна продукта в виду отсутствия конвертации по кросс – курсу драм – рубль через доллар США, что присутствует при расчете с картами международных платежных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байдукова Н.В.* Анализ и оценка организационно-технического обеспечения (ОТО) платежных систем // Проблемы современной экономики. 2007. № 2 (22).

2. *Байдукова Н.В.* Связь электронных денег и платежных систем // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 8 (46).

3. *Кочетков В.Н., Нелепа И.Г., Бондарева О.В., Басюк Н.Б.* Современная система денежных расчетов. 3-е изд., перераб. и доп. Киев: Европ. ун-т (финансы, информ. системы, менеджм. и бизнес), 2000. 179 с.

4. Общая теория денег и кредита / Под ред. Е.Ф. Жукова. М., 1995. С. 85.

5. Платежная система: структура, управление и контроль / Под ред. Брюс Д. Саммерса. МВФ, 1993. С. 11.

6. Сайт Центрального Банка [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru

7. Информационный сайт [Эл.ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/.

8. Сайт национальной платежной системы «Мир» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://mironline.ru/card/

9. *Обаева А.С.* Обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы – новая цель деятельности Банка России // Деньги и кредит. 2012. № 1.

10. Сайт Национальной системы платежных карт «Арка» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.nspk.ru/about/press/about_us/nspk-i-platezhnaya-sistema-arca-vypustyat-sovmestnuyu-kartu-v-armenii/

11. Сайт статистического комитета РА [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.armstat.am/ru/

PAYMENT SYSTEM «MIR» AND “ArCa”, PROSPECTS FOR THEIR INTERACTIONS

V. Lalabekova

ABSTRACT

The article considers the importance of the Russian national payment system “Mir” and Armenian national payment system “ArCa”, presents their payment instrument, as well as the significance and prospects for their interactions.

Keywords: map “Mir”, “ArCa”, National payment card system, payment system, financial system.

«ՄԻՐ» և «ԱրՔա» ՎՃԱՐԱՅԻՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐ ԵՎ ԴՐԱՆՑ ՀԱՄԱԳՈՐԾԱՔՑՈՒԹՅԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐԸ

Վ.Ռ. Լալաբեկովա

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տվյալ հոդվածում հետազոտված են «Միր» Ռուսաստանի վճարային համակարգի և «ԱրՔա» Հայաստանի վճարային համակարգի կարևորությունը և նշանակությունը: Ներկայացված են դրանց վճարային գործիքները, զարգացման և համագործաքցության հեռանկարները:

Հիմնաբառեր՝ քարտ, «Միր», «ԱրՔա», ազգային վճարային քարտերի համակարգ, վճարային համակարգ, ֆինանսական համակարգ:

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СТАВОК ПОДОХОДНОГО НАЛОГА НА ДИНАМИКУ ЕГО ПОСТУПЛЕНИЙ В БЮДЖЕТ РА

А.В. Амроян

Российско-Армянский университет
armanamroyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Изменение налоговых ставок всегда несет в себе не только фискальные, но и социально-экономические реакции в различных институтах. Наибольший мультипликативный эффект создают ставки подоходного налога, так как этот вид налога охватывает все население. В данной научной статье рассмотрим, каким образом повлияло изменение ставок подоходного налога в РА в 2018 году на налоговые притоки.

Ключевые слова: подоходный налог, ставка подоходного налога, налоговые поступления.

Следуя кривой Лаффера, очень важно отыскать те налоговые ставки, которые обеспечат максимально возможный приток в бюджет, не нанося вреда экономической активности хозяйствующих субъектов [1]. С этой точки зрения, наиболее важны ставки подоходного налога, так как это – наиболее эффективный прямой налог, позволяющий вовлечь в фискальный процесс все население. При грамотном налоговом администрировании и разработанном инструментарии системы подоходного налога, к примеру, через налоговые льготы и персональные вычеты, возможно регулирование многих социально-экономических процессов, что создаст положительный мультипликативный эффект для страны [2].

С 2018 года в Армении в силу вступил новый Налоговый кодекс, заменив тем самым ряд законодательных актов, в том числе и закон о подоходном налоге.

Помимо изменений в самом законодательстве, изменились также ставки подоходного налога [3]. С 2013 по 2018гг. в Армении действовала следующая шкала подоходного налога:

Табл. 1: Ставки подоходного налога в РА, 2013–2017гг.

Ставка налога	**Размер дохода**
24,4%	до 120.000 драмов
26%	от 120.000 драм до 2.000.000 драмов
36%	свыше 2.000.000 драмов

Источник: «*Закон о подоходном налоге РА*»

Как видим из таблицы 1, при доходе в размере до 120 тыс. драм. уплачивалось 24.4% подоходного налога. При доходе от 120 тыс. драм. до 2 млн. драм. налог рассчитывался следующим образом:

$$Y=((X-120000)\square*0,26+29280),$$ *где*

Y – сумма налога;

X – размер дохода.

В 2018 году, после принятия нового Налогового кодекса, изменились ставки подоходного налога для лиц с доходами ниже 2 млн. драм. ежемесячно. Теперь, при размере дохода до 150.000 драм. выплачивается 23%, при размере дохода от 150.000 драм до 2 млн. драм. расчет проходит по формуле:

$$Y=((X-120000)\square*0,26+29280),$$ *где*

Y – сумма налога;

X – размер дохода.

Табл. 2: Ставки подоходного налога в РА в 2018 году

Ставка налога	Размер дохода
23%	до 150.000 драмов
28%	от 150.000 драм до 2.000.000 драмов
36%	свыше 2.000.000 драмов

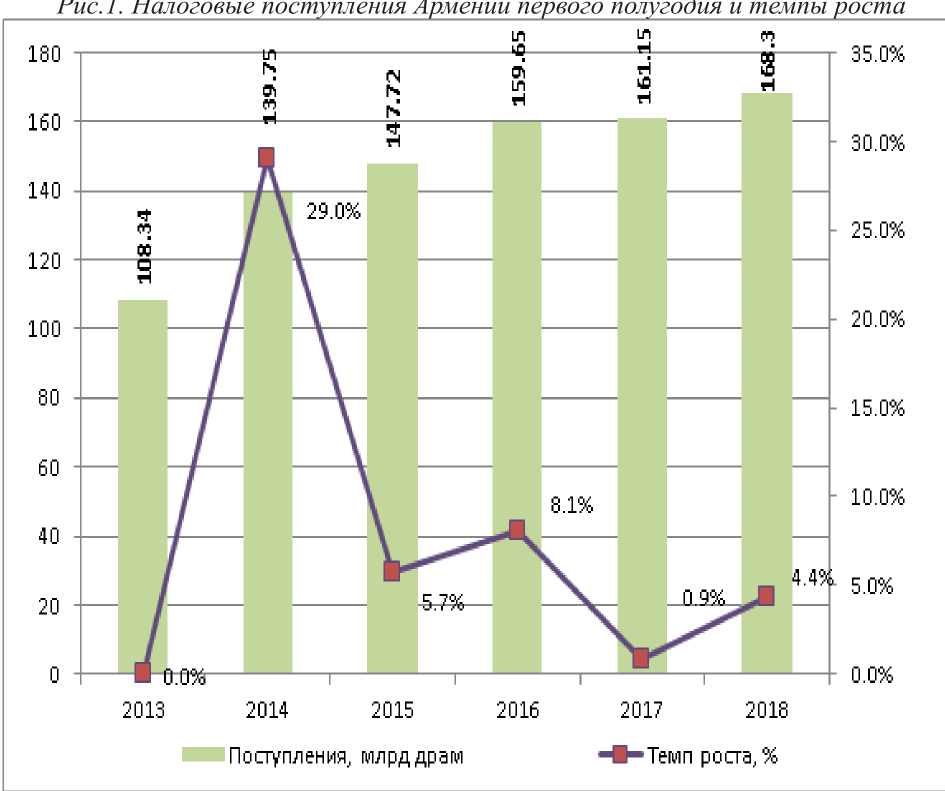
Источник: «Налоговый кодекс РА»

Как видим, на 1,4 пунктов понизилась ставка для лиц с низким доходом и доходом ниже среднего, однако возросли налоговые отчисления для лиц с более высоким доходом. Для лиц со сверхвысоким доходом (более 2 млн. драм ежемесячно) налоговая ставка осталась неизменной – 36%, что является самой высокой предельной ставкой подоходного налога среди стран бывшего СССР. Несмотря на то, что существовали возможные негативные последствия повышения налоговой ставки для лиц с доходом выше среднего (лиц, работающих в «белых» сферах – банковской системе, ИТ-сфере) в виде сокращения декларируемого дохода и переход в теневой сектор [4], многие эксперты, тем не менее, отмечали вероятность положительной динамики в налоговых поступлениях, с учетом того, что облегчится налоговое бремя для лиц с низкими доходами и доходами ниже среднего, что будет способствовать их выходу из теневого сектора.

Рассмотрим, каким образом повлияло изменение налоговых ставок в 2018 году на поступления по подоходному налогу за первое полугодие текущего года.

Как видно на рис. 1, поступления по подоходному налогу демонстрируют стабильный рост за первое полугодие последних 6 лет, однако темпы роста варьируются [5]. Самый большой рост составил 29% – в 2014 году, самый низкий рост – в 2017 году – всего 0.9%; 2018 году рост составил 4.4%.

Рис.1. Налоговые поступления Армении первого полугодия и темпы роста

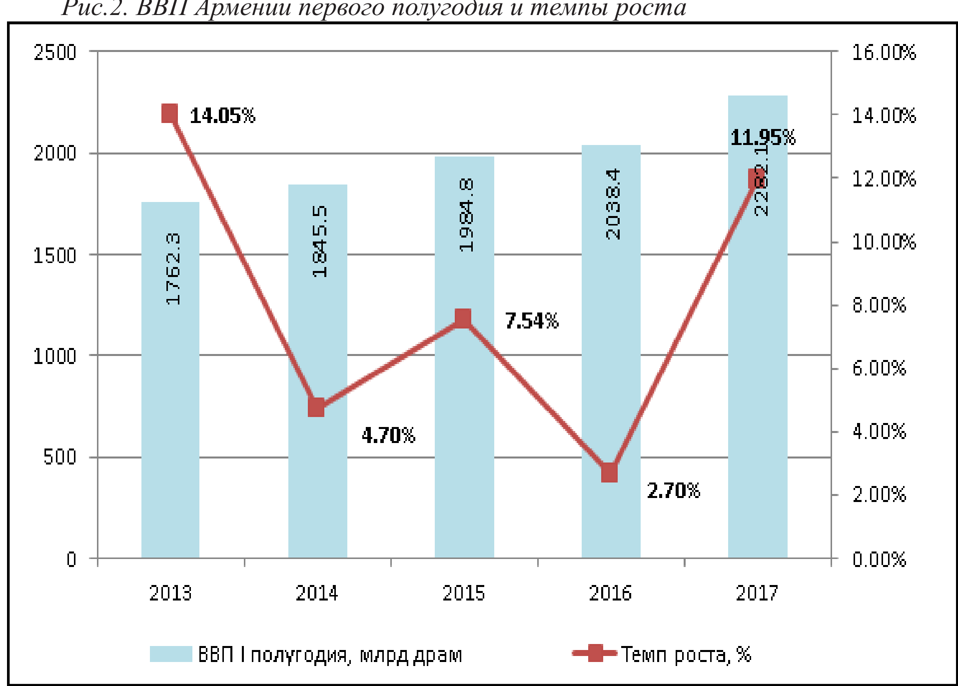

Источник: Комитет государственных доходов Армении

В первом полугодии 2018 года поступления по подоходному налогу составили 168.3 млрд. драм., что больше на 7.15 млрд. драм., чем в предыдущем году. Чтобы оценить, какая доля увеличения обусловлена экономическим ростом, а какая – эффектом от новых ставок, сравним рост 2018 года со средним ростом предыдущих пяти лет. В период 2013–2017гг. он составил (29+5.7+8.1+0.9)/4 = 10.92%. Как видим, темпы роста снизились на 6.52% (10.92% – 4.4%), что примерно равно спаду темпов роста в 2017 году (7.2%). Однако для более точной оценки необходимо проанализировать динамику роста/спада ВВП за тот же период.

За первое полугодие 2018 года ВВП в рыночных ценах составил 2.471 трлн. драм., что превысило аналогичный показатель прошлого года на 8.26%. Сравним рост ВВП в 2018 году со средним показателем последних пяти лет.

Рис.2. ВВП Армении первого полугодия и темпы роста

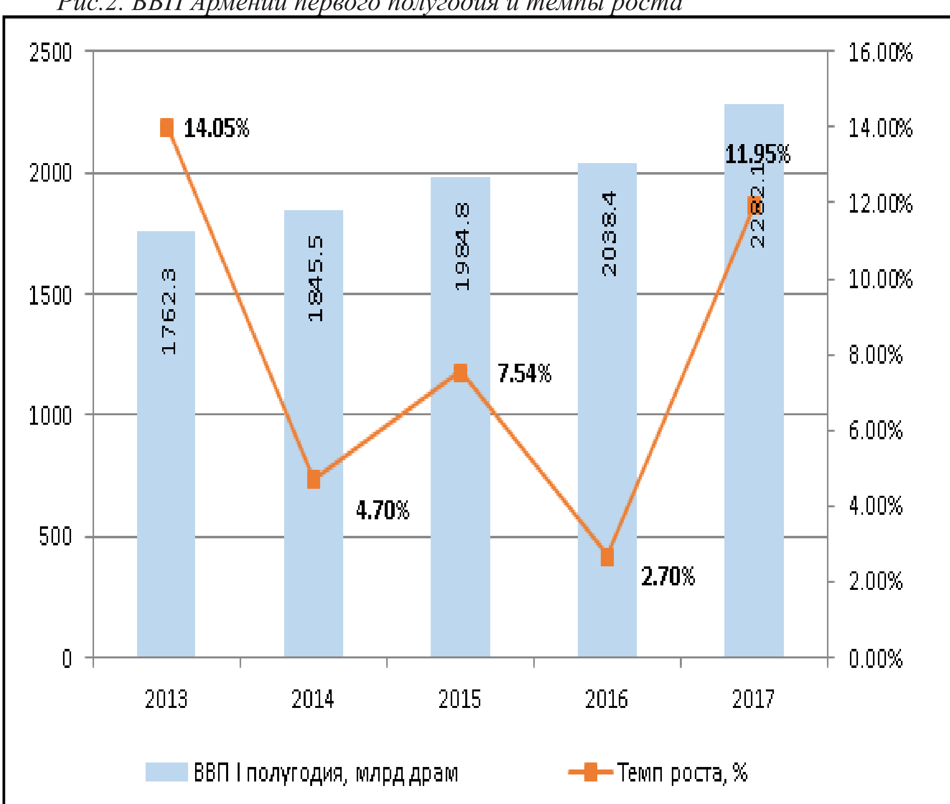

Источник: Комитет государственных доходов Армении

В первом полугодии 2018 года поступления по подоходному налогу составили 168.3 млрд. драм., что больше на 7.15 млрд. драм, чем в предыдущем году. Чтобы оценить, какая доля увеличения обусловлена экономическим ростом, а какая – эффектом от новых ставок, сравним рост 2018 года со средним ростом предыдущих пяти лет. В период 2013–2017гг. он составил (29+5.7+8.1+0.9)/4 = 10.92%. Как видим, темпы роста снизились на 6.52% (10.92% – 4.4%), что примерно равно спаду темпов роста в 2017 году (7.2%). Однако для более точной оценки необходимо проанализировать динамику роста/спада ВВП за тот же период.

За первое полугодие 2018 года ВВП в рыночных ценах составил 2.471 трлн. драм., что превысило аналогичный показатель прошлого года на 8.26%. Сравним рост ВВП в 2018 году со средним показателем последней пятилетки.

Рис.2. ВВП Армении первого полугодия и темпы роста

Источник: Հայաստանի Ազգային հաշիվներ, 2014, 2017

За период 2013–2017 годов самый большой рост ВВП пришелся на 2013 год – 14.05%, самый низкий – 2.7% в 2016 году. Что примечательно, ВВП в первом полугодии, как и поступления по подоходному налогу, также демонстрирует стабильный рост за последние шесть лет. Средний темп роста за предыдущие пять лет составил (14.05+4.7+7.54+2.7+11.95)/5= 8.19%, что означает прирост ВВП в 2018 году по сравнению с этим периодом на 0.07%.

Что же получается в итоге? Рост ВВП в 2018 по сравнению с предыдущими пять. годами незначительно увеличился, однако, рост поступления по подоходному налогу в сравнении с тем же периодом, уменьшился. Если применить в расчет логичное тождество «прирост ВВП = ± прирост налоговых поступлений», то с учетом полученных данных при среднем темпе роста в 0.07%, по сравнению с периодом 2013–2017гг, темп роста подоходного налога должен был составить 10.92%+0.07% = 10.99%, что в денежном эквиваленте дает (139.75+147.72+159.65+161.15)/4 * 1.1099 = 152.06*1.1099 = 168.78 млрд. драм., что превышает фактические поступления 2018 года на 480 млн. драм. То есть хоть и существует номинальный рост поступлений

по подоходному налогу, но с учетом темпов роста ВВП он должен быть выше, что свидетельствует о том, что изменение налоговых ставок не принесло ожидаемого положительного эффекта.

Подытоживая, отметим тот факт, что подоходный налог является самым специфичным налогом в Армении, так как это – единственный вид налога, демонстрирующий постоянный рост поступлений в последние 10 лет, с учетом влияния двух прошедших кризисов на экономику РА. Такую устойчивость притоков подоходного налога обеспечивает такой же устойчивый рост средней заработной платы, непрерывно растущей с 2000 года. Поэтому увеличение ставок для средних доходов и доходов выше среднего несет в себе негативные реакции, которые отражаются на поступлениях весомее, чем положительный эффект от снижения ставок для доходов ниже средней заработной платы. Таким образом, проведенный анализ показал, что изменение ставок подоходного налога не принесло ожидаемого эффекта, и реальные налоговые поступления по данному виду налога оказались ниже среднего уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амроян А.В.* Практическое применение кривой Лаффера и достижение точки оптимального налогообложения// Журнал Бенефициар, XXI Международная научная конференция «Современная экономика». СС. 25–27 (2018).

2. *Գևորգյան Տ. Ա.* «Շահութահարկի և եկամտահարկի համակարգերի կատարելագործման հիմնահարցերը ՀՀ-ում»; Ատենախոսություն, 2011, 137 էջ; էջ 47:

3. Налоговый кодекс РА. С. 150.

4. *Амроян А.В.* Налоговые реформы в Армении и их влияние на будущие фискальные притоки. РАУ. Одиннадцатая Годичная Научная конференция, 2017.

5. Официальный сайт Национальной статистической службы РА (http://armstat.am).

IMPACT OF CHANGE OF INCOME TAX RATES ON INCOME TAX INFLOWS TO THE BUDGET OF THE RA

A. Amroyan

ABSTRACT

The change of tax rates always carries in itself not only fiscal, but also socio-economic reactions in various institutions. The greatest multiplier effect is created by income tax rates, since this type of tax covers the entire population. In this paper, we will seehow the change of income tax rates in the RA in 2018 influenced on the tax inflows.

Keywords: income tax, income tax rate, tax incomes.

ԵԿԱՄՏԱՅԻՆՀԱՐԿԻԴՐՈՒՅՔԱՉԱՓԵՐԻՓՈՓՈԽՄԱՆԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸՀՀ ԲՅՈՒՋԵՄՈՒՏՔԵՐԻԴԻՆԱՄԻԿԱՅԻՎՐԱ

Ա.Վ. Ամրոյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հարկերի դրույքաչափերի փոփոխությունը միշտ իր հետ բերում է ոչ միայն ֆիսկալ, այլև սոցիալ-տնտեսական արձագանքներ տարբեր ինստիտուտներում: Առավելապես մեծ մուլտիպլիկացիոն ազդեցությունը ստեղծում են եկամտային հարկի դրույքաչափերը, քանի որ այդ հարկատեսակը տարածվում է ամբողջ բնակչության վրա: Այս աշխատանքում կդիտարկենք, թե ինչպես է ազդել եկամտային հարկի դրույքաչափերի փոփոխությունը Հայաստանում 2018 թվականին այդ հարկատեսակից մուտքերի վրա:

Հիմնաբառեր՝ եկամտային հարկ,եկամտային հարկի դրույքաչափեր,հարկային մուտքեր:

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО РЕЗЕРВА (1950Г.) И СИЛ САМООБОРОНЫ ЯПОНИИ (1954Г.)

Г. В. Бадоян

Российско-Армянский университет
gor.badoyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье раскрываются ключевые причины формирования национального полицейского резерва и сил самообороны Японии. Особое внимание уделяется вкладу американского правительства и его подходам к вопросам обеспечения безопасности Токио. Кроме того, выявляются важнейшие элементы преемственности, существующие между полицейским резервом и Силами самообороны в контексте послевоенного развития Японии.

Ключевые слова: Япония, Силы Самообороны Японии, послевоенная Япония.

После окончания Второй мировой войны оккупированная союзными войсками Япония оказалась перед выбором дальнейшего пути развития: социально-экономического, политического и геостратегического. Международная обстановка в первые послевоенные годы во многом затронула внутриполитические процессы, которые привели к созданию в Японии Национального полицейского резерва (НПР). Начало «холодной войны», рост коммунистической угрозы в Азии и Корейская война стали основополагающими предпосылками для формирования НПР.

История холодной войны в Азии и ее влияния на Японию были досконально изучены многими историками, в частности, М. Шаллером [1], Н. Сарантаксом [2] и А. Ирие [3]. Работа Михаэля Шаллера определяет «холодную войну» в Азии как уходящую корнями в вопрос о политической и экономической принадлежности Японии к одному из полюсов биполярной системы. М. Шаллер утверждает, что рост коммунизма в Азии, слабость европейской и японской экономики привели к попыткам Соединенных Штатов интегрировать Японию и некоммунистическую Юго-Восточную Азию в новый экономический и военный блок [4]. Действия американцев в Азии рассматривались как необходимые для смягчения «утраты» традиционных рынков Японии и источников сырья в Маньчжурии и Китае, и, тем самым, предотвратили переход Японии к коммунизму. М. Шаллер утверждает, что интеграция этих двух областей также помогла обеспечить прозападное, антикоммунистическое выравнивание как Японии, так и многих

новых националистических движений в Юго-Восточной Азии. Чтобы поддержать и защитить эту некоммунистическую сферу сдерживания Азии, по мнению М. Шаллера, был создан «Великий Полумесяц» оборонительных баз и американских военных застав [5].

Япония – единственное промышленно развитое государство в Восточной Азии. Поэтому расположение крупных военных баз считалось ключевым звеном в этом морском защитном периметре. Япония была жизненно важна, и, как предупреждал Д. Ачесон, «если бы Япония была добавлена в коммунистический блок, Советы приобрели бы квалифицированную рабочую силу и промышленный потенциал, способные значительно изменить баланс сил в их пользу». Как отмечает М. Шаллер, США взяли на себя стратегию, которая позиционировала Японию как плацдарм их азиатской политики [6].

Среди голосов, призывавших к укреплению аппарата безопасности Японии, был ряд мнений относительно того, что требовалось для защиты Японии от коммунизма. Между представителями администрации США, вооруженных сил и прессы существовали большие разногласия по поводу того, какой путь будет наилучшим для обеспечения безопасности Японии. Ряд историков прицельно рассматривали конкурирующие взгляды. Одним из последних, проливающих свет на реальное положение вещей материалов является запись Сугиты Ёнэюки. Е. Сугита подчеркивает, что среди тех, кто занимался безопасностью Японии, существовало три основные группы интересов: «про-перевооружение», «антивооружение» и те, кто предпочитали «перевооружение с некоторыми ограничениями» [7]. В целом, военные, особенно Департамент армии (и его преемник, Министерство обороны), поддерживали восстановление официальной японской армии, то есть перевооружение [8]. Армия США выступала за создание новой японской армии, преследуя свои собственные краткосрочные цели, главным образом, тем самым снимая с себя ложившееся на них бремя. Большинство Государственного департамента, наоборот, выступало против перевооружения из-за его вероятных международных, политических и пропагандистских последствий.

Однако то, что Ё. Сугита не признает, это – тот факт, что позиция Д. Макартура со временем изменилась. Чтобы заручиться поддержкой Министерства обороны по вопросу мирного договора, в июне 1950 года Д. Макартур отказался от своих призывов к нейтралитету и согласился на альянс, размещение японских баз, промышленную реконструкцию и другие меры, которые, по мнению М. Шаллера, подразумевают «восстановление по крайней мере скромных вооруженных сил» [9]. Действительно, Д. Макартур в конце 1949 года во время разговора с Себальдом, отметил, что создание полиции можно было обсудить во время мирных переговоров. Кроме того, между началом Корейской войны и его увольнением Г. Трумэном, Д. Макартур так и не поддержал идею о создании армии, за исключением очень короткого периода, в течение которого он был согласен на милитаризацию японского государства после китайской интервенции в Корее.

Большинство других историков также колеблются при анализе взглядов США из-за неоднозначных трактовок их определений перевооружения. Ярким примером

является Джон Довер, возможно, самый влиятельный ученый, занимающийся изучением периода американской оккупации в англоязычной историографии. В своей основной работе «Холодная война и оккупация Японии» Д. Довер отмечает, что «Пентагон и Государственный департамент вступили в противостояние в ходе разработки политического курса в отношении Японии. Это противоречие не было разрешено вплоть до сентября 1950 года, хотя обе стороны, в общем, пришли к согласию по поводу необходимости перевооружения Японии» [10]. Довод Д. Довера вызывает сомнения из-за неточного понимания смысла «перевооружения» и включения американских баз в его концепцию перевооружения в Японии [11]. Его позицию можно считать далекой от реального положения вещей, поскольку базы США не принадлежали японскому государству. Фактически, они существовали с самого начала оккупации, в соответствии с этим определением, в японском государстве так никогда и не было проведено разоружение.

Как упоминалось выше, три конфликтующие группы, «про-перевооружение», «антивооружение», «перевооружение с некоторыми ограничениями» на самом деле не решили свои разногласия до июня 1950 года или даже после. Необходимость скорейшего оказания поддержки неустойчивой южнокорейской армии, а также императив сохранения внутренней безопасности против воспринимаемой угрозы со стороны Коммунистической партии Японии, окончательно заставили Д. Макартура отдать предпочтение последней группе и побудить к созданию НПР в августе 1950 года. Возможно, наиболее показательной моделью как с точки зрения организации, так и для развития НПР, может считаться корейская полиция, называемая Корейским полицейским резервом. Географическая близость и роль Д. Макартура в наблюдении за Южной Кореей и Японией уясняют, что знания о КПР существовали в умах тех, кто позже участвовал в создании НПР. Д. Макартур, ответственный за создание НПР, явно имел глубокое знание основных предшественников НПР. Отец Д. Макартура был непосредственно вовлечен в создание Полицейского резерва Филиппин, сам Д. Макартур также служил в течение многих лет на Филиппинах как до, так и во время Второй мировой войны [12]. Эти факты ясно показывают, что Д. Макартур хорошо знал данную модель. Передача концепции полиции с Филиппин через Корею и Германию в Японию также отмечена некоторыми японскими историками [13]. Последним, наиболее влиятельным международным событием, подтолкнувшим к созданию НПР, стало начало Корейской войны 25 июня 1950 года. Перед лицом неизбежного краха Южной Кореи и все более агрессивной коммунистической партии большое число членов парламента поддержали позицию кабинета министров и правительство, не в последнюю очередь для обеспечения внутренней безопасности.

Переход от НПР к внешне-ориентированной оборонной силе сфокусировался на двух процессах: приобретении более тяжелого вооружения и включении бывших военных в состав НПР. Эти процессы, направленные на то, чтобы сделать НПР способным справляться с внешними угрозами безопасности Японии, также имели внешнее происхождение. Движения к трансформации НПР во что-то более близкое к армии произошли перед лицом давления со стороны правительства США в

сочетании с уменьшающимся влиянием противников этих изменений, включая Д. Макартура, С. Ёсида и К. Масухара (глава НПР). Изучение этой борьбы помогает выявить ограничения внутреннего влияния на резервные силы полиции перед лицом согласованного и сконцентрированного американского давления, вызванного внешними событиями, такими, как увольнение Д. Макартура и вмешательство Китая в Корею. Слияние внешних факторов с внутренними также сыграло определенную роль в ограничении эффективности внутренних сил, оказавших влияние на НПР и его преемников [14].

Однако, отъезд Д. Макартура, результат возобновления общественных требований о расширении войны перед лицом другого крупного китайского наступления, устранил ключевой барьер для японского перевооружения [15]. Его заменой стал Мэтью Б. Риджуэй – прагматичный, деловой, с острым характером, полная противоположность иногда колеблющемуся Д. Макартуру [16]. Отчасти это было связано с более тщательным анализом Вашингтона из-за Корейской войны и перехода к мирному договору, и, отчасти, из-за личности Б. Риджуэйа как командного игрока и того, что Э. Такэмаэ описывал его сравнительное отсутствие «частых и всеобъемлющих видений». Требования к превращению НПР в новую японскую армию сосредоточились на четырехкратном увеличении численности до 300 000 человек с полным комплектом тяжелой техники, танков и артиллерии. Темп, с которым армия США планировала добиться этого расширения, была очень амбициозной, первоначально стремясь к расширению силы из восьми пехотных дивизий (121 600 человек) и еще 34 400 военнослужащих к декабрю 1952 года. Эту силу планировалось удвоить в следующем году, превратив ее в армию в 300 000 человек, состоящую из 10 пехотных дивизий, 37 артиллерийских батальонов, 40 зенитных батальонов, 3 групп боевых инженеров, 3 химических минометных батарей, 3 бронированных кавалерийских полков и 3 средних танковых батальонов [17].

С преобразованием НПР в Национальные силы безопасности (15 октября 1952 года) и созданием Сил самообороны спустя два года значительная часть полицейского характера НПР постепенно исчезла. Тем не менее, некоторые подобные элементы все еще выживают в рамках текущих Сил самообороны. Кроме того, многие из концепций и тенденций, которые были рассмотрены в этом исследовании НПР, продолжались в течение жизни Национальных сил безопасности и Сил самообороны.

Первый такой пример – важность внутренней безопасности. Действительно, несмотря на постепенное увеличение роли Национальных сил безопасности и Сил самообороны во внешней безопасности, роль внутренней безопасности, для которой был создан НПР, сохранилась в новых силах. Акцент на обязательствах внешней безопасности, на котором настаивали «националистические» правительства И. Хатояма (1954–1956гг.) и Н. Киси (1957–60 гг.), был отражен в более тяжелом вооружении и оборудовании, предоставленном Силам самообороны в ходе плана укрепления обороны 1958–1960гг. [18]. Однако события 1960 года вновь подтвердили важность роли внутренней безопасности Сил самообороны. Уличные протесты и беспорядки вокруг Договора безопасности 1960 года и

проблемы, из-за которых гражданская полиция контролировала протестующих, ясно продемонстрировали, что Силы самообороны все еще играют определенную роль в поддержании внутренней безопасности. Н. Киси, обеспокоенный уровнем протеста на улицах, попытался, в конечном счете, безуспешно внести поправки в Закон об исполнении полицейских обязанностей, направленный на расширение полицейских полномочий Сил самообороны и его возможностей для решения гражданских беспорядков [19].

Сам договор о безопасности 1960 года также изменил ответственность Японии за безопасность как внутри страны, так и за ее пределами. Договор усилил приверженность Японии и США в защите Японии, при этом оба государства обязались «поддерживать и развивать свои способности противостоять вооруженному нападению» [20]. Соединенные Штаты, в отличие от неопределенных заверений в том, что сила может быть использована для защиты Японии в Договоре о безопасности 1951 года, явно гарантировали внешнюю безопасность Японии с 1960 года. Однако эти изменения в отношениях между США и Японией создали парадокс: Япония должна была взять на себя большую роль в своей внешней безопасности, но одновременно с тем, что внешняя безопасность должна быть явно гарантирована Соединенными Штатами, высшим сдерживающим фактором, сила которого эффективно устраняла необходимость наращивания внешней безопасности Японии. Договор также устранил весьма спорную оговорку о договоре о безопасности 1951 года, которая предоставила США военную роль в обеспечении внутренней безопасности Японии [21]. Это изменение дало Силам Самообороны полную ответственность за сохранение внутренней безопасности Японии. Все бремя внутренней безопасности, парадокс внешней безопасности и основные внутренние беспорядки, которые сопровождали процесс подписания договора, активизировали и переориентировали подход Сил Самообороны к внутренней безопасности. Внутренние обязанности Сил Самообороны, изложенные в Законе о самообороне, были дополнительно подчеркнуты и уточнены в соглашении 1954 года с гражданской полицией, в котором использование Сил Самообороны для разгона крупномасштабных беспорядков или беспорядков было официально разрешено [22]. Роль внутренней безопасности Сил Самообороны в случае восстания была дополнительно уточнена в обзоре оборонной силы Японии за 1956 год. В случае косвенной агрессии или других чрезвычайных ситуаций, когда признается, что гражданская полиция не способна поддерживать закон и порядок, премьер-министр может по своему собственному мнению или по просьбе префектурных губернаторов распорядиться об применении сил самообороны [23].

Несмотря на явное доминирование цели внешней безопасности современных Сил Самообороны, вопрос внутренней безопасности в последние годы также пережил возрождение. В связи с озабоченностью по поводу активизации терроризма, Агентство обороны и Агентство национальной полиции заключили соглашение в 2000 году, согласно которому Силы самообороны будут играть более значительную роль в обеспечении внутренней безопасности Японии в случае серьезного инцидента – такого, как партизанские или крупномасштабные террористические

операции [24]. «Соглашение об обслуживании общественного порядка в случае операций общественной безопасности» позволяет Силам Самообороны играть основную роль в урегулировании серьезного кризиса внутренней безопасности, а не ждать, пока гражданская полиция объявит, что она не может справиться с ситуацией, как это требовалось ранее [25]. Согласование и планирование было сосредоточено на предотвращении проникновения нерегулярных или специальных сил в Японию, а также их сдерживание и нейтрализация с помощью Сил Самообороны. Планирование и соглашение позволили Силам Самообороны взять на себя инициативу по устранению угрозы, при этом полиция взяла на себя второстепенную роль в обеспечении безопасности прилегающих районов, предоставив дорожные блоки и другую не военную помощь. В таком кризисе по аналогии с планами, сделанными НПР, Силы Самообороны также берут на себя роль предоставления охраны для важнейшей инфраструктуры Японии – таких как атомные электростанции, аэропорты и другие ключевые объекты. Начиная с июля 2005 г. различные полицейские подразделения и региональные команды Сил Самообороны принимали участие в тренировках, направленных на достижение лучшего понимания и координации обязанностей соответствующих агентств. С октября 2005 года совместные полевые учения проводились в Фукуоке, Хоккайдо, Ибараки, Кансай, Сайтама и Сикоку [26].

Помимо существующей роли внутренней безопасности, ряд дополнительных элементов, характеризующих НПР, сохранились в Силах Самообороны. До сих пор осталась прежняя правовая система полиции по отношению к преступлению, совершенному членом Сил Самообороны. Нарушитель подчиняется гражданскому праву и сталкивается с гражданским уголовным процессом, а не подчиняется уставу, типичному для армии или военно-морского флота. Эта система, подобно сопротивлению японцев и включению бывших имперских офицеров в НПР, была предназначена для предотвращения возвращения милитаризма и политического влияния армии, как это было до 1945 года. Система гражданского управления и гражданского контроля над кадровыми, бюджетными и оперативными вопросами, которая возникла еще в НПР, получила своё воплощение в НСБ и Силах Самообороны. Тот факт, что многие из старших офицеров Сил Самообороны все еще являются бывшими полицейскими, также свидетельствует о продолжительности полицейского характера [27]. Контроль над Силами Самообороны также, как и НПР, оставался в руках премьер-министра посредством Национального агентства по безопасности保安庁 (Хоантё) и его преемником Агентством обороны防衛庁 (Боэйтё), которые лишь в 2007 году превратились в министерство обороны 防衛省 (Боэйсё). Опять же, как и в случае с НПР, премьер-министр также обладает полномочиями для развертывания Сил Самообороны внутри страны. Хотя в настоящее время требуется получить разрешение от парламента, в чрезвычайных ситуациях, официальное разрешение можно запросить и после развертывания событий [28].

Как и полиция, Силы Самообороны имеют миссию по обеспечению внутренней безопасности, как правило, ограниченную территорией Японии. Они подчиняются гражданскому, а не военному законодательству, и имеют некий обмен персонала

между ним и гражданской полицией, хотя и не в том масштабе, какой в свое время имел НПР. Однако, в отличие от полиции, Силы Самообороны не занимают среднее звено в аппарате безопасности Японии, а находятся на его вершине: не оснащены легким оружием, не обладают полномочиями ареста или другими характеристиками полиции. Силы Самообороны обычно признаются внутри страны и на международной арене как орган, обеспечивающий внешнюю безопасность Японии, оборудованы для этого соответствующим образом. Также стоит отметить, что Силы Самообороны не могут проводить наступательные операции, главным образом, из-за политических соображений и из-за отсутствия наступательных вооружений [29].

Таким образом, еще во времена американской оккупации начал формироваться комплекс внутренних и внешних факторов, заставивших Токио всерьез задуматься о вопросах безопасности. В результате роста коммунистической угрозы, развязывания «холодной войны» и войны в Корее, японское правительство под непосредственным контролем американских оккупационных властей, с учетом опыта Кореи и Филиппин создало НПР.

Несмотря на то, что НПР уже давно исчерпал свои возможности, некоторые его элементы, будучи заимствованными Силами самообороны Японии, по-прежнему сохраняют свою значимость. Прежде всего, это касается ориентированности на разрешение внутренних проблем безопасности, подчинении гражданскому законодательству и системе жестких ограничений любых действий за пределами Японии. Данная модель складывалась поступательно в течение всей послевоенной истории и серьезному пересмотру не подвергалась. Именно благодаря существующей связи между НПР и Силами самообороны вплоть до настоящего времени реализуется высокоорганизованное управление всеми механизмами по обеспечению внутренней и внешней безопасности Японии.

CREATION OF NATIONAL POLICE RESERVE (1950) AND JAPAN SELF-DEFENSE FORCES (1954)

G. Badoyan

ABSTRACT

The article reveals the key reasons for the formation of the national police reserve and the Self-Defense Forces of Japan. Particular attention is paid to the contribution of the US government and its approaches to security issues of Tokyo. In addition, the most important elements of continuity between the police reserve and the Self-Defense Forces are identified in the context of Japan’s post-war development.

Keywords: Japan, Japan Self-Defense Forces, post-war Japan.

ԱԶԳԱՅԻՆ ՈՍՏԻԿԱՆԱԿԱՆ ՌԵԶԵՐՎԻ (1950) և ՃԱՊՈՆԻԱՅԻ ԻՆՔՆԱՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՈՒԺԵՐԻ (1954) ՍՏԵՂԾՈՒՄԸ

Գ.Վ. Բադոյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ներկայացված հոդվածը բացահայտում է ազգային ոստիկանության ռեզերվի և Ճապոնիայի ինքնապաշտպանության ուժերի ձևավորման հիմնական պատճառները: Մասնավորապես ուշադրություն է դարձվում ԱՄՆ-ի ներդրմանը և Տոկիոյի անվտանգության հարցերում իր մոտեցումների վրա: Բացի այդ, ի ցույց է դրվում ոստիկանության ռեզերվի և ինքնապաշտպանության ուժերի միջև շարունակականության կարևորագույն տարրերը Ճապոնիայի հետպատերազմյան զարգացման համատեքստում:

Հիմնաբառեր՝ Ճապոնիա, Ճապոնիայի ինքնապաշտպանության ուժեր, հետպատերազմյա Ճապոնիա:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schaller M.* Altered States: The United States and Japan Since the Occupation. Oxford University Press, Oxford, 1997; M. Schaller, The Origins of the Cold War in Asia, The American Occupation of Japan, Oxford University Press, Oxford, 1985.

2. *Sarantakes N.E.* Keystone: The American Occupation of Okinawa and U.S.-Japanese Relations. Texas A & M University Press, College Station, 2000.

3. *Iriye A.* Japan and the Wider World, From Mid-Nineteenth Century to the Present. Longman, London, 1997; Iriye A. ‘The United States as a Pacific Power’, in G.T. Hsiao, Sino-American Détente and its Policy Implications. Praeger, New York, 1974; Iriye A., ‘U.S. – Japanese Relations’ // Y. Nagai and A. Iriye (eds), The Origins of The Cold War in Asiaю. University of Tokyo Press, Tokyo, 1977.

4. *Schaller M.* Altered States. P. 4.

5. *Schaller M.* Origins of the Cold War in Asia. P. 8.

6. Ibid. P. 9.

7. *Sugita Y.* Pitfall or Panacea. The Irony of US Power in Occupied Japan, 1945–1952. Routledge, London, 2003. PP. 78–80.

8. Ibid. PP. 43–48.

9. Memorandum on Concept Governing Security in Postwar Japan. 23.06.1950. FRUS 1950, Vol. VI, PP. 122–128; Schaller, Origins of the Cold War in Asia. PP. 277–278.

10. *Dower J.* Occupied Japan and the Cold War in Asia // Dower J. Japan in War and Peace, Essays on History, Race and Culture. Harper Collins, London, 1995. PP. 180–181.

11. *Dower J.* Empire and Aftermath, Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954, Council on East Asian Studies. Harvard University Press, London. 1988. P. 377, 400.

12. *James D.C.* The Years of MacArthur. Vol. I, 1880–1941. Leo Cooper, London, 1970. PP. 300–301, 340.

13. *Watanabe M.* and Uemura H., ‘Keisatsuyōbitai no Henbō – Konsutabiyurari kara Bōeibutai e’ (The Transformation of the NPR – From the Constabularies to the National Defense Corps) // Gunji Shigaku. Vol. 43. No. 1, June 2007. P. 36.

14. *French T.* National Police Reserve: The Origin of Japan’s Self Defense Forces. BRILL, 2014. P. 228.

15. *Welfield*, An Empire in Eclipse. PP. 78–79; Harries M. and S., Sheathing the Sword, The Demilitarization of Japan. Heinemann, London, 1989. P. 236.

16. *Takemae E.* Inside GHQ, the Allied Occupation of Japan and Its Legacy, Continuum, London, 2002. P. 139.

17. YF-A16, 1B-48, Warden to Chief of Staff // Report on the Japanese National Police Reserve, 1951.

18. *Soeya*. Japan's Economic Diplomacy with China,Tokyo, P. 6, 8.

19. *Masumi J.* Contemporary Politics in Japan. University of California Press, London, 1995. PP. 26–29; Weinstein M.E. The Evolution of the Japan Self-Defense Forces // The Modern Japanese Military System, Sage, London, 1975. P. 49.

20. Treaty of Mutual Cooperation and Security, T. Kataoka, The Price of a Constitution, the Origin of Japan's Postwar Politics. Crane Russak, New York, 1991. PP. 227–229.

21. *Hickey D.V.V.* The Armies of East Asia: China, Taiwan, Japan & the Koreas, Lynne Rienner, London, 2001. P. 38.

22. *Weinstein,* 'The Evolution of the Japan Self-Defense Forces', PP. 49–50.

23. *Masuhara,* Review of Japan's Defense Strength. PP. 5–6.

24. *Hickey D.V.V.* The Armies of East Asia. PP. 196–197 // Japan Times, 18/6/00

25. Defense of Japan White Paper. P. 266, footnote 36.

26. Ibid. PP. 232–235.

27. *Johnson C.* MITI and the Japanese Miracle. Stanford University Press, Stanford, 1982. P. 77.

28. *Masuhara,* Review of Japan's Defense Strength. P. 6.

29. NHK Ходо Кюку Дзиэйтай Сюдзайхан, Кайдзо Дзиэйтай ва Коситэ Умарета «У-Бунсё» га Аракасу Сосэцу но Химицу. NHK Shuppan, Tokyo, 2003. PP. 13–15.

КУРДСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.К. Агасарян

Российско-Армянский университет
v.aghasar@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Курдская проблема – одна из самых сложных на Ближнем Востоке. Общая численность курдов, проживающих на территориях Ирана, Турции, Ирака и Сирии составляет порядка 30 млн. человек.

Курдский фактор играет важную геополитическую роль в Сирийском кризисе. США, Турция, Иран, Россия, Израиль – это те страны, которые участвуют в сирийском кризисе и влияют на военную и политическую ситуацию в Сирии.

Многие современные ученые, такие, как: Х. Озоглу, Дж. Клейн, Д. Макдауэл и М. Ван Бруйнессен считают, что курдское национальное движение зародилось в начале XX века.

В данной научной статье ставится цель – проанализировать те политические процессы, которые были вызваны распадом Османской империи и вовлеченностью стран Антанты в этом регионе.

Учитывая остроту данной проблемы и ее актуальность, в данной статье мы попытались проанализировать те исторические процессы, которые повлияли на развитие курдского вопроса после Первой мировой войны.

Ключевые слова: Курдистан, Ближний Восток, Сирия, Англия.

Численность курдского населения в начале XX столетия составляла порядка 5 млн. человек, которые проживали на территориях Османской империи и Ирана [1].

Курды на протяжении долгих лет занимались преимущественно скотоводством, однако в начале XX века капиталистические отношения способствовали образованию курдского торгового класса капиталистического типа. В Иракском Курдистане, в городах Мосул и Киркук, курдские предприниматели занимались нефтепереработкой и производством папирусной бумаги [2]. В Турецком Курдистане важное значение получил город Диярбекир, где курды составляли значительную часть населения на тот период. В Иранском Курдистане был основан город Сенендедж, преимущественно населенный курдами.

Территории, на которых проживали курды, были экономически очень отсталыми, что мешало им создать свое государство. Данное положение привело к тому, что Курдистан в конце XIX – начале XXвв. стал самым беспокойным районом Ближнего Востока [3].

После революции младотурок курды начали создавать свои организации: так уже в 1908 году в Стамбуле был создан клуб, который выпускал «Газету курдской

взаимопомощи и прогресса». Такого рода организации открывались во многих городах с преимущественно курдским населением: Диярбекир, Битлис, Мосул и др. [4].

Однако следует отметить, что данные организации не сумели эффективно использовать отношения с курдским населением, учитывая тот факт, что большинство курдов находилось под влиянием курдских племенных вождей и религиозных предводителей. Примечателен тот факт, что создание организаций, целью которых было сплотить курдское население, часто приводило к конфликтам среди курдского населения. Курдские племенные вожди, боясь потерять свое положение и привилегии, организовывали восстания против младотурок и курдов, поддерживающих их. Так, например, Ибрагим паша, вождь племени милле, целый месяц вел бои против младотурок, после чего бежал в горы Синджар, где вскоре был убит турками [5].

Курдский народ был очень воодушевлен, когда турецкие войска потерпели поражение в Триполитанской и Балканских войнах. Восстановление независимости Албании также позитивно повлияли на развитие курдского национального движения [6]. После военных поражений, Турция ввела закон, согласно которому курды должны были платить больше налогов и курдская молодежь обязывалась служить в турецкой армии [7].

Многие курдские племена объединились, призывая всех остальных разбить турецкие отряды. Шериф-паша – видный курдский национальный деятель, подвергал резкой критике национальную политику Турции [8].

Первая мировая война отдалила курдов от их основной цели – создания своего собственного государства. Потеря огромных территорий Османской империи, Геноцид армян и другие исторические события того времени привели к полной анархии на востоке Турции.

В результате демографической политики Турции курды стали основным народом, населявшим Западную Армению. Согласно советским источникам, турки составляли в Ване – 20% , Диярбакыре – 32% , Битлисе – 12%, Харпуте – 55%, в Карсе – 27 % населения [9].

Англия была крайне заинтересована в ближневосточной нефти и очень упорно стремилась к созданию независимого Курдистана, который должен был стать преградой на пути к персидскому заливу для Российской империи. Английские агенты, пользуясь нежеланием курдов повиноваться Ирану и Турции, путешествуя по восточным вилайетам, агитировали за создание независимого Курдистана. Англичане считали, что именно Персидский Курдистан, объединившись с Турецким Курдистаном, станет той самой преградой для расширения российского влияния на Ближнем Востоке [10].

Но следует отметить, что иранские курды не являлись единым народом. Иранский Курдистан различался по диалектам, вере и традициям. Иранские курды делились на три группы: северо-западную (курманджи), юго-восточную (курди) и южную группу, которая была близка бахтиярским и лурским племенам [11].

Восстание в Ширване в 1917 году под предводительством пастуха Ходаверди

явилось одним из первых восстаний, где очень активное участие приняли курдские женщины. Данное восстание было вызвано очень тяжелым социальным положением курдов, которые винили в этом англичан и симпатизировали Советской России.

Англия и Советский союз, используя свое влияние в данном регионе, пытались усилить свои позиции за счет укрепления отношений с крупными курдскими кланами.

После того, как Османская империя потерпела поражение в Первой мировой войне, Англия очень активно продолжала поддерживать идею создания Курдского государства. Вудро Вильсон в своей декларации из 14 пунктов заявил, что нетурецким областям Османской империи должны предоставить право автономного развития [12].

Уже в 1918 году в Стамбуле было объявлено о создании Общества возрождения Курдистана, в который входили государственные служащие и интеллигенция. Продвижению идей курдского национализма способствовал журнал «Жин», который стал основным информационным источником курдской национальной пропаганды после Первой мировой войны. Следует отметить, что единого мнения по основному вопросу – независимости Курдистана – среди сообщества не было. Мнения были разделены: одни считали, что Курдистан должен быть полностью независим, а другие видели будущее Курдистана в автономии.

Приверженцы идеи автономного Курдистана сплотились вокруг Саида Абдулкадира, который занимал пост председателя Общества возрождения Курдистана и, по совместительству, был сыном шейха Обейдуллы. Заместитель Абдулкадир и сын известного и влиятельного курдского шейха – Эмин Али Бедирхан – объединил вокруг себя сторонников полной независимости Курдистана [13].

Одним из значимых курдских националистов того времени – Шерифом пашой было предложено предоставить Курдистану автономию под покровительством Англии. Шериф паша считал, что курды сами должны управлять Южным Курдистаном и Месопотамией, в дальнейшем получив гарантии автономии от Англии.

После Севрского договора Общество возрождения Курдистана разделилось на организации, которые имели собственное видение будущего Курдистана.

1. «Управление курдской пропаганды» выступало за автономию и издававшее газету «Жин». Следует отметить, что данная организация сотрудничала как с кемалистской Турцией, так и с Махмудом Барзанджи.

2. «Общество независимости Курдистана» – данная организация была основана в 1923 году в Эрзуруме. Объединив вокруг себя самых авторитетных курдских шейхов и вождей, эта организация видела решение курдского вопроса путем создания королевства на основе шариата под временным английским мандатом.

3«Радикальная курдская партия», которая объединила курдскую интеллигенцию и студентов. Именно РКП впервые предложила курдский флаг и объединила молодое поколение Бедирханов [14]. Недолгое время в эту организацию входил и Абдулла Джевдет, который является одним и основателей младотурецкого движения.

4. «Общество спасения курдов и Курдистана» – организация, куда входили

Шериф-паша и антитурецки настроенные Бедирханы. Данная организация видела будущее автономного Курдистана в союзе с армянами под протекторатом Персии.

В будущем последние три партии объединились в Курдскую партию, которая была объявлена вне закона в Турции и была лишена права участвовать на Лозаннской конференции [15].

В 1918 году в Каире был создан Курдский революционный комитет. В уставе данной организации заявлялось о цели объединения курдов и образования курдского государства с предоставлением равных возможностей всем проживающим в нем конфессиям и народам. Определение границ курдского государства должно было состояться на Парижской мирной конференции 1919 года, однако данную организацию не допустили к участию за антиармянскую риторику.

Российская империя, которая в 1917 году владела иранским Курдистаном и частями Северного и Западного Курдистана, пыталась наладить отношения с влиятельными курдскими шейхами и элитой: государства Антанты готовились к разделу территории Османской империи. Соглашение Сайкс-Пико 1916 года должно было решить судьбу Курдистана, однако данный договор в будущем не был исполнен из-за Февральской и Октябрьской революций в России. Уже в июне 1917 года в Иранский Курдистан был направлен российский генерал Захарченко, который организовал первый съезд курдских племен с целью укрепления российско-курдских отношений [16]. Этому способствовал тот факт, что Россия на самом высоком уровне гарантировала курдам автономию, если те будут поддерживать ее политику на Ближнем Востоке. Однако Октябрьская революция заставила Россию прекратить активную политику в Курдистане. В итоге, Россия и Турция подписали мирный договор в декабре 1917 года, где не было ни одного пункта относительно курдского вопроса [17].

Основные пункты Сайкса-Пико были занесены в Севрском договоре 1920 года. Общество возрождения Курдистана во главе с Шерифом-пашой представляло курдские интересы на конференции [18]. 10 августа 1920 года курды впервые официально были признаны субъектами международной политики.

Следует отметить, что нефть, обнаруженная на территории Курдистана, стала важным фактором, влияющим на статус данных территорий: Мосульский вилайет не был включен в состав новой Турции из-за политического давления Англии, которая была крайне заинтересована в ближневосточных месторождениях нефти.

Севрский договор не включил в состав Курдистана французские владения в Сирии и контролируемые англичанами Сулейманию и Мосул.

10 октября 1922 года курды создали королевство со столицей в Сулеймании. Бывший руководитель Сулеймании Махмуд Барзанджи стал королем. Махмуд Барзанджи попытался восстать против английских оккупационных войск, однако Англия, используя арабо-курдские противоречия, смогла подавить мятеж под руководством Барзанджи. Учитывая широкую поддержку со стороны курдского населения, Махмуд сохранил за собой должность руководителя Сулеймании [19].

Статус квазинезависимого княжества во многом зависел от Англии, так как англичане давали широкие полномочия вождям, чтобы обезопасить транспортные

пути и сохранить безопасность в регионе. Однако Махмуд Барзанджи преследовал цель полностью выйти из-под английского влияния и вскоре, после того как в Южном Курдистане была обнаружена нефть, многие страны перестали поддерживать сторонников Барзанджи.

Следует отметить, что курдское королевство за довольно короткий период времени создало все условия для распространения курдской национальной идеологии на Ближнем Востоке. В Сулеймание в 1920 году была открыта курдская типография. На сорани печатались такие газеты, как: «Прогресс», «Солнце Курдистана» и «Голос Курдистана» [20].

Курдское правительство в Сулеймании через 2 года после создания было оккупировано англичанами. Махмуд Барзанджи активно пытался наладить отношения с Советской Россией, пытаясь установить дипломатические отношения и получить военную помощь. Однако Советская Россия была тогда не в состоянии вести активную политику на Ближнем Востоке. Курдская тема была довольно проблематична, учитывая тот факт, что Турция, поддерживаемая Россией, не могла не отреагировать на российско-курдские тесные отношения [21].

Правительство Анкары приняло решение 10 февраля 1922г. о предоставлении курдам широкой автономии. Ататюрк и его сподвижники заявляли, что курды и турки являются равными народами, которые одинаково равны перед турецким правительством и имеют одинаковые национальные права.

Мустафа Кемаль, благодаря своим военным и политическим успехам, сумел добиться того, что многие курды встали на сторону нового турецкого правительства. Учитывая тот факт, что в начале 20-ых годов XXв. большинство курдов не были проникнуты национальной идеей и шли за шейхами, многие лояльные кемалистам курды объединялись с турками во время войны. Тогда большинство курдов находились в религиозных рамках, разделяя врагов на «мир ислама» и «мир агрессии извне».

Общество возрождения Курдистана, куда входили потомки очень знатных курдских шейхов, интеллигенция и ряд влиятельных госслужащих, не имело достаточной связи с курдами, проживающими на востоке Турции. Данная организация, по мнению курдского исследователя Наджи Култая, скорее преследовала интересы Антанты, нежели обычных курдов. Кемалисты смогли установить более тесные отношения с курдскими шейхами и элитами, что повлияло на настроения обычного курдского населения: самые влиятельные курдские вожди были приглашены в новое турецкое правительство. Многие видные курдские деятели, проживающие в Стамбуле, ожидали от Англии, которая владела Мосулом и Южным Курдистаном, более решительных действий для положительного для себя развития ситуации, а элиты Северного Курдистана были более близки с кемалистами.

Разобщенность курдских элит сыграла негативную роль в решении курдского вопроса. Курды, сотрудничая с разными геополитическими акторами, не сумели добиться желаемых результатов. Англия, Россия, Франция и Турция – это те страны, которые были заинтересованы в данном регионе и которые пытались получить политические дивиденды, используя курдский фактор в своих интересах.

Все вышеперечисленные государства, в первую очередь, думали о своих политических целях на Ближнем Востоке. В большинстве случаев курды становились объектом влияния на определенные процессы в регионе.

Так как к началу XX века национальная идея курдов находилась в зачаточном состоянии, курды не сумели организованно и эффективно отстоять свои интересы. Многие курдские племенные вожди, не осознавая всей серьезности политических процессов, действовали исходя из племенных, а зачастую - из своих собственных интересов. Курдская интеллигенция, проживающая в Стамбуле и представляющая интересы курдского народа на международной арене, не имела связи с обычным курдским населением.

Подготовка к пересмотру Севрского мирного договора началась во время Каирской конференции 12–30 марта 1921 года, на которой Англия заявила о сохранении своих господствующих позиций на Ближнем Востоке. Курдистан был сужен в своих границах: курдские территории были присоединены к подмандатному Англии Ираку. Тще на конференции в Сан-Ремо было решено включить Юго-Западный Курдистан в состав Сирии, мандат над которой получала Франция [22].

Благодаря успешной политике Мустафе Кемалю удалось получить финансовую и военную помощь от Советской России и победить в национально-освободительной борьбе 1918-1923гг. Эти обстоятельства повлияли на политику Англии, которая пересмотрела свои интересы в отношении Турции, которая уже была не так слаба.

На Лозаннской конференции 1923 года, куда курды не были приглашены, было решено пересмотреть условия Севрского договора. Курды оказались за пределами важных геополитических интересов тех стран, которые обещали им автономию. Решения Лозаннской конференции фактически стали основой для разделения курдского этногеографического ареала.

В Сирии сейчас сталкиваются интересы таких государств, как США, Россия, Иран, Турция, Израиль и Саудовская Аравия.

Израиль является единственным государством, которое выступило с поддержкой создания единого Курдистана [23]. Еврейское государство очень заинтересовано в создании Курдистана на Ближнем Востоке. Военные базы и аэродромы Курдистана могут быть использованы Израилем для того, чтобы противостоять Ирану, Турции и другим государства региона. Это может стать отличной возможностью для Израиля укрепить безопасность своих границ и усилить свое влияние на Ближнем Востоке.

США вооружают и финансируют курдов Сирии, что очень не нравится Турции. Дональд Трамп делает ставку на курдов, считая, что они могут помочь одержать победу над ИГИЛ. Американцы поддерживают курдов, исходя из нескольких причин:

1. Курды относительно неплохо воюют и имеют опыт ведения боевых действий.
2. Исламистов среди курдов практически нет.
3. При успешном завершении войны с ИГИЛ, именно курды станут одним из важнейших факторов, который будет влиять на будущий раздел Сирии.

Так как сейчас Ближний Восток находится в центре мировой политики, курды имеют неплохую возможность использовать все дипломатические, экономические

и военные методы для того, чтобы еще на один шаг приблизить момент создания единого Курдистана, учитывая свои исторические ошибки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ментешашвили А.М.* Курды: очерки общественно-экономических отношений и быта. М.,1984. СС. 19–27.
2. Там же. СС. 22–23.
3. *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917гг.). М., 1972. С. 369.
4. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1914 гг.). М., 1972. С. 186.
5. Там же. СС. 19–27.
6. *Лазарев М.С.* Курдский вопрос. С. 199.
7. Газета «Кавказ». 1914. 15.06.
8. *Лазарев М.С.* Курдский вопрос. С. 214.
9. *Аболтин В.* Национальный состав Турецкой республики. Новый Восток. 1925, кн.1 (7). С. 118.
10. *Вильчевский.О.Л.* Курды Северо-Западного Ирана. Тб. 1944.
11. http://doc20vek.ru/node/4019
12. *Жигалина О.И.* Курды иранской провинции Керманшах, М., 2008. С. 4.
13. *Вертяев К.В., Иванов С. М.* Курдский национализм. История и современность. С. 143.
14. Там же, С. 11.
15. *Вертяев К.В., Иванов С. М.* Курдский национализм. История и современность. С. 145.
16. АВПР. Ф. «Персидский стол Б». 1917 г. Д. 30. Л. 31.
17. *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1986. С. 14.
18. История Курдистана. М.,1999. С. 242.
19. Там же. С. 260.
20. *Вертяев К.В., Иванов С.М.* Курдский национализм. История и современность. С. 148.
21. История Курдистана. С. 263.
22. *Вартаньян Э.Г., Мустафа А.А.* Курдская проблема и позиция России (СССР) в XIX – первой трети XX в. Краснодар, 2007. С. 130.
23. https://www.bbc.com/russian/news-41251860

KURDISH QUESTION AFTER THE FIRST WORLD WAR

V. Aghasaryan

ABSTRACT

The Kurdish problem is one of the most difficult in the Middle East. The total number of Kurds living in the territories of Iran, Turkey, Iraq and Syria is about 30 million people. The Kurdish factor plays an important geopolitical role in the Syrian crisis. The United States, Turkey, Iran, Russia, Israel are those countries that are involved in the Syrian crisis and affect the military and political situation in Syria.
Many modern scholars, such as H. Ozoglu, J. Klein, D. McDowell and M. Van Bruinsen, believe that the Kurdish national movement originated in the early 20th century.
This article aims to analyze the political processes that were caused by the collapse of the Ottoman Empire and the involvement of the Entente countries in this region.
Given the urgency of this problem and its relevance, in this article we will try to analyze

the historical processes that influenced the development of the Kurdish issue after the First World War.
Keywords: Kurdistan, Middle East, Syria, England.

ՔՐԴԱԿԱՆ ՀԱՐՑԸ ԱՌԱՋԻՆ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆԻՑ ՀԵՏՈ

Վ.Կ. Աղասարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Քրդական խնդիրը Մերձավոր Արևելքում ամենաբարդերից մեկն է: Իրանի, Թուրքիայի, Իրաքի և Սիրիայի տարածքներում բնակվող քրդերի ընդհանուր թիվը մոտ 30 միլիոն է:
Սիրիական ճգնաժամի մեջ քրդական գործոնը կարևոր աշխարհաքաղաքական դեր է խաղում: Միացյալ Նահանգները, Թուրքիան, Իրանը, Ռուսաստանը, Իսրայելը այն երկրներն են, որոնք մասնակցություն ունեն Սիրիայի ճգնաժամի մեջ են և ազդում են Սիրիայում ռազմաքաղաքական իրավիճակին:
Շատ ժամանակակից գիտնականներ, ինչպիսիք են Հ. Օզօղլուն, Ջ. Քլեյնը, Դ.Մքդուելը և Մ.Վ. Բրինսենը, կարծում են, որ քրդական ազգային շարժումը սկիզբ է առել 20-րդ դարի սկզբին:
Այս հոդվածը նպատակ ունի վերլուծել Օսմանյան կայսրության փլուզման հետևանքով առաջացած քաղաքական գործընթացները:
Հաշվի առնելով այս խնդրի հրատապությունը և դրա կարևորությունը, այս հոդվածում մենք կփորձենք վերլուծել պատմական գործընթացները, որոնք ազդեցություն են ունեցել Առաջին համաշխարհային պատերազմից հետո քրդական հարցի զարգացման վրա:
Հիմնաբառեր՝ Քուրդիստան, Մերձավոր Արևելք, Սիրիա, Անգլիա

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ В ПОЭТИКЕ ГОАР МАРКОСЯН-КАСПЕР

В.О. Аветисян

Российско-Армянский университет
venera.avetisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Творчество русскоязычной армянской писательницы Гоар Маркосян-Каспер – редкий и интересный феномен в русской литературе, особенно, с учетом богатого этно-национального контекста ее романов. В данной статье анализируются три ее романа («Елена» «Кариатиды», «Пенелопа»), выявляя в каждом из них способ присутствия «армянского», «русского» и «эстонского». Характерной и объединяющей чертой исследуемых нами романов является отсылка к Античности, которая подытоживает их этнокультурную картину.

Ключевые слова: художественный метод, античность, постсоветский миф, этнокультурный дискурс.

Гоар Маркосян-Каспер, поэтику которой мы исследуем с точки зрения этнокультурного дискурса, публиковалась в санкт-петербургских журналах «Звезда» и «Нева», эстонских «Радуга» и «Таллина», в «Дружбе народов», «Литературной Армении» и др. Она – автор шести романов, книг малой прозы. Произведения Маркосян-Каспер переведены на шесть языков. Г.М-Каспер писала также в жанре научной-фантастики (шеститомный цикл «Четвертая Беты»). Лауреат премии Эстонского фонда культуры за 2005 (роман «Кариатиды») и 2012 (роман «Memento mori») годы, лауреат премии имени Юрия Долгорукова (за роман «Пенелопа пускается в путь»). Этнокультурный бэкграунд писательницы весьма богат и включает в себя, как минимум, три культурных пласта – эстонский, русский, и, разумеется, армянский. Особое место занимает в ее творчестве античный миф, который следует рассматривать в контексте ремифологизации.

Мелетинский, описывая культурный сдвиг, начиная с первой половины XX века, говорит о «ремифологизации», «возрождении» мифа как о процессе, захватившем различные стороны европейской культуры. При этом он акцентирует внимание на «признание мифа вечно живым началом, выполняющем вполне практическую функцию и в современном обществе. Эти и другие культурные феномены во многом определили также художественные методы в литературе.

Говоря об античном мифе в романах Г.М.-Каспер, нам следует уточнить, что принципы ремифологизации: цикличное время, игра на грани иллюзии и реальности во многом реализуются в романе «Пенелопа», тогда, как, романы

«Елена» и «Кариатиды», которые мы также рассматриваем в рамках данной статьи, базируются на мифе, но структурно его не повторяют.

Творчество Гоар Маркосян-Каспер является самобытным феноменом в литературном поле в том смысле, что здесь задействованы, как было уже отмечено, сразу несколько культурных пластов: во-первых, это – армянское происхождение автора, ее «армянский мир», во-вторых, русский язык, на котором написаны все романы, в-третьих, европейская, в том числе и русская культура, на которую Гоар Маркосян-Каспер постоянно ссылается аллюзиями, и, наконец, античные мифы, на которые автор опирается. Из всего этого Маркосян-Каспер складывает современный ей постсоветский миф. И получается, что постсоветский миф корнями уходит в античность.

В романе «Елена» в большей степени, чем в других, этот путь к Античности лежит через эмиграцию. Армянская Елена, дочь Торгома, уезжает за своей любовью в Эстонию, в братскую страну при Советском Союзе, и в «миграционный пункт» после его распада. Вдобавок к этому мультикультурному сюжету примыкают эпизоды из жизни Елены Аргивской. При этом, обе Елены – и античная, и современная – эмигрантки, обе они поехали в эмиграцию из-за любви, и обе себя чувствуют на новой родине чужими, все, что их там удерживает, это – та самая любовь.

Но что интересно: Эстония, Россия и Армения показаны в этом романе не только с точки зрения их «новоприобретенной» независимости, но еще и как вечные носители статуса «бывших советских стран». Поэтому Армения – это и молодые приверженцы независимости, и старшее поколение в лице Торгома – с трудом, но все же приспосабливающиеся к новой системе, и удачно эмигрировавшие и ностальгирующие по этому поводу армяне, о которых автор часто говорит с иронией, и, что самое главное, – это олицетворенное в образе Елены поколение «на стыке», которому труднее всего дается этот надлом. Олев, к которому Елена после двух неудавшихся замужеств уезжает в Эстонию, в свои пятьдесят пытается найти себя в новых условиях, продиктованными распадом Советского Союза. Далее перед читателем развертывается жизнь русскоязычной армянки в Эстонии, где без знания эстонского языка невозможно устроится на работу по специальности, где культурный конфликт, подпитываемый эстонской свекровью, отягощается социальным-квартирным вопросом: «…и если эстонцы так или иначе устраивались, для русских и русскоязычных большинство путей было перекрыто шлагбаумами новых законов» [1].

Рефлексии Елены, как и всех героинь Гоар Маркосян-Каспер, составляют основу ее существования и формируют роман, превращая любовный, на первый взгляд, сюжет в предмет межкультурного осмысления. Личные предрассудки Елена пытается объяснить с точки зрения национального самопознания, и даже географической расположенностью. В одном отрывке она исследует феномен, присущий южанам дикости сквозь призму Античности или троянской войны: «Было ли то влияние мусульманского окружения, в котором Армения волей-неволей пребывала в течение уже многих веков? Ведь идея свободы отнюдь не более заразительна, чем идея несвободы. Или дело просто в свойственной южанам

большей силе или, вернее, пылкости чувств, оставляющей после себя руины? Сильнее пожар – крупнее пепелище? Дикость, да, но иначе не было б и троянской войны. А значит, и Гомера» [2]. Очень забавный фрагмент, если помнить, что это могли быть мысли Елены Прекрасной, оправдывающей войну, в центре которой была она сама. Что касается Гомера, то это – образ, заслуживающий отдельного исследования в творчестве Гоар Маркосян-Каспер. Отметим только, что идея превращать боль/руины в созидательный импульс пронизывает все творчество Гоар Маркосян-Каспер. Елена согласна на троянскую войну, если потом будет Гомер. А чего стоит один только замысел романа «Пенелопа», где блокадное послевоенное состояние страны участвует в повествовании в качестве «массовки», а на первый план выдвигается игра – языковая, литературная, игра с собственным сознанием, игра, как констатация жизни.

Такая постановка вопроса особенно важна для понимания точки зрения автора по поводу нелегкой судьбы армянского народа. Вместо того, чтобы, подобно большинству, принять образ жертвы, Гоар Маркосян-Каспер словно из глины лепит не Адамов и Ев, а кариатид, которым, конечно же, не чужды ни искушения, ни пороки, ни страдание, но, вместо того, чтобы сгибаться, они держат этот мир. В одноименном романе ГМК – кариатиды – это те армянки, которые остались в Ереване, когда их мужья уехали на заработки, и на которых легла тяжесть сохранения дома, семьи. Они несут свое бремя как кариатиды. Этнокультурное составляющее этого романа в основном вбирает в себя два полюса – Армения армян и Россия армянской общины, «ренегатов», опять же эмигрировавших в надежде на лучшую жизнь:

– Все мы ренегаты, – пробормотала Саша сумрачно.

– Но по разным мотивам.

– Почему разным? Есть-пить каждому хочется.

– Не есть-пить, а с голоду не подохнуть, – сказала резко, что не взялось с ее маленькой хрупкой фигурой, сидевшая в углу дивана миловидная женщина <…> некогда архитектор, ныне продавщица бутика» [3].

Именно в Москве, куда приезжает в гости Ира – одна из кариатид,армяне за столом обсуждают злобу дня: от Античности до Возрождения и наших дней, от варваров до постмодернистов: «Античную культуру создали греки, но Возрождение уже делом их рук не было, – говорит Ира, – так что вряд ли западно-европейские народы окажутся в первых рядах творцов новой культуры» [4].

Но что за новая культура, и кто станет ее творцом? На это Гоар Маркосян-Каспер не дает ответа, во всяком случае, – прямого. Но по тому, как развивается роман – «Две женщины, один мужчина. Сюжет вечный, но неисчерпаемый», становится ясно не только то, что этот вечный сюжет – лишь инструмент в руках автора, которому важно донести идею, но и то, что в поисках нового Ренессанса не надо уходить далеко, что Античность рядом.

Неслучайно, что Ишхан – главный герой романа – скульптор. Практически он выполняет здесь роль символического автора вынужденных нести этот мир женщин»:

– Да, совсем в Ереване приличных людей не осталось. Одни мы тут сидим. Как лягушки в родном болоте.

– Кто же тебя держит? – усмехнулась Ира. – Езжай и ты.

– Не хочу! – Ишхан со стуком поставил кружку на стол и повернулся к сидевшей рядом Ире, заглянув в глаза. – Пока не добьюсь своего, никуда не поеду. Будет стоять в Ереване моя скульптурная группа, рано или поздно, но будет. И в самом центре» [5].

Интересно, что и Ишхан, и Олев из романа «Елена» – люди искусства, вечно ищущие то ли себя, то ли нового слова – каждый в своей сфере. Но в условиях нынешней системы они оба терпят крах: Олев умирает от сердечного приступа, не закончив главный фильм своей жизни. А что касается Ишхана, то у него не получается идти дальше с Ирой, которая, в противовес его жене – Рите, олицетворяет будущее. Пока Рита-писательница вспоминает прошлые ошибки и пытается превратить непрожитую жизнь в роман, Ира живет, ее мысли связаны с будущим, идеи – с будущим науки. Парадоксальность образа Иры в том, что, с одной стороны, это – человек науки и будущего, с другой – она олицетворяет возврат к Античности, о чем свидетельствует хотя бы намерение Ишхана сделать ее прототипом скульптуры богини плодородия и любви Анаит. Видимо, такой симбиоз кажется Гоар Маркосян-Каспер наиболее совершенным. Всех ее героинь, кроме благородного происхождения, точнее будет назвать это глубокой привязанностью к отцовскому дому, связывает также поиск: поиск любви для Елены – это символический поиск смысла. Рита ищет новые способы выражения, Иру вдохновляет сам поиск, как двигатель жизни, а Пенелопа, героиня одноименного романа Г.М.-Каспер, совершает свою микроодиссею в поисках воды.

Этнокультурный дискурс в романе «Пенелопа» – тема развернутая, о которой говорить в пределах этой статьи, да еще и в соседстве двух других романов – сложно. Однако отметим ключевые моменты: если в «Елене» античный миф, как основа сюжета, эпизодически вставляется в роман (такая игра на контрасте) в «Кариатидах» античность – идеологическая подоплека, то в «Пенелопе», перед нами синтез, оркестровка этих компонентов, когда армянское и русское, античное и постсоветское соединяются и переплетаются, чтобы в итоге превратиться не просто в текст, но в музыку. И если Елена в действительности переезжает в чужую страну за символическим поиском, а Ира на стыке двух культур решает выбрать третью и уезжает в Германию, то Пенелопа совершает лишь однодневный путь по Еревану, что не мешает ей параллельно оказаться во всех перечисленных, и не только, уголках. Ереван представляется читателю сквозь восприятие и ереванцев, оставленных без света и газа в период блокады, и эмигрировавших соотечественников. Также армяне разделяются по языковой культуре. Пенелопа – русскоязычная армянка, что тоже имеет в постсоветском пространстве свои нюансы. Россия в этом романе, прежде всего, – русский язык и русская литература. Античность – то, с чего все начинается и куда все уходит. В «Пенелопе» связь с Античностью крепче еще и потому, что автор наделяет героиню греческими корнями: Пенелопой ее назвали в честь прабабушки-гречанки. Поэтому присущая армянскому жизнеощущению трагичность, что к слову сказать, Пенелопа не разделяет, корнями упирается именно в Античность:

«…шекспировский театр сродни армянскому жизнеощущению, шекспировский театр, а может, и греческая трагедия, может, есть некий намек, некая смутная аллюзия в том, как расположен Ереван – центральной своей частью в котловине, от которой поднимается уступами по склонам гор наподобие гигантского античного амфитеатра, оставляя внизу колоссальную скену, бывшую Театральную – еще один знак? – площадь, где совсем не так давно разворачивалось массовое действо с солистами, впоследствии развалившимися в правительственной ложе…» [6].

И в силу того, что все эти мотивы связываются ассоциативно, в потоке сознания героини они кажутся само собой разумеющимися, каждый компонент этого мультикультурного дискурса выступает там, где должен, не раньше, не позже, и чувствуется некая биологическая потребность в возникновении и смене культурных пластов, обхватывающих роман. Этнокультурная насыщенность поэтики Гоар Маркосян-Каспер выявляет еще один интересный феномен: когда в наличие столько культур, писательница возвращается к античности как к некой метакультуре, началу начал, к трехмерному мифическому пространству, состоящему из богов, людей и подземного царства. На роль такого рода «общей» культуры претендовал и Советский Союз, у развалин которого Гоар Маркосян-Каспер рассказывает свой – постсоветский миф.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркосян-Каспер Г.* Елена; K& G, 2004. С. 107.
2. Там же. С. 70.
3. *Маркосян-Каспер Г.* Кариатиды; K& G, 2005. С. 120.
4. Там же.
5. Там же. С. 174.
6. *Маркосян-Каспер Г.* Пенелопа. С-Пб. Свое изд-во, 2017. С. 23.

ON THE ETHNOCULTURAL DISCOURSE OF GOHAR MARKOSYAN-KASPER’S POETRY

V. Avetisyan

ABSTRACT

Creativity of the Russian-speaking Armenian writer Gohar Markosyan-Kasper is a rare and interesting phenomenon in Russian literature, especially taking into account the rich ethno-national context of her novels. In this article we will analyze three of her novels, (“Elena”, “Caryatids”, “Penelope”), revealing in each of them the way of presence of “Armenian”, “Russian” and “Estonian”.
A characteristic and unifying feature of the novels we are examining is a reference to antiquity, which sums up the ethnocultural picture of this works.
Keywords: creative methods, antiquity, post-soviet myth, ethnocultural discourse.

ԷԹՆԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԴԻՍԿՈՒՐՍԸ ԳՈՀԱՐ ՄԱՐԿՈՍՅԱՆ-ԿԱՍՊԵՐԻ ՊՈԵՏԻԿԱՅՈՒՄ

Վ.Հ. Ավետիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Էստոնահայգրող Գոհար Մարկոսան-Կասպերի ստեղծագործությունը հազվադեպ ու հետաքրքիր ֆենոմեն է ռուս գրականության մեջ, հաշվի առնելով նրա վեպերի հարուստ էթնոմշակութային կոնտեքստը: Հոդվածում արվում է երեքվեպերի («Ելենա», «Կարիատիդներ», «Պենելոպե») վերլուծությունը, հայտնաբերվում են վերջիններում առկա հայկականի, ռուսականի ու էստոնականի ներկայացման ձևը:

Հիմնաբառեր՝ գեղարվեստական մեթոդ, անտիկ, հետսովետական միֆ, էթնամշակութային դիսկուրս:

ЛИНГВИСТИКА

INTERRELATION OF ESSAY LOGIC AND CULTURE

M. Karapetyan

Yerevan State University
marrkarapetyan@msu.am

ABSTRACT
The paper addresses the interrelation of logic and culture in persuasive essay writing. Elements of logical writing – text organization, coherence, unity of thought – vary among cultures. The objective of this analysis is to consider the differences that may complicate Armenian students' preparation for standardized tests.
Keywords: essay, logic, culture, standardized tests.

Logical reasoning and culture

A persuasive essay is a piece of writing which relies heavily on logical organization. A good writer is supposed to write in a logical way, making the ideas easy to follow, meanwhile persuading the reader of the validity of his/her arguments. The orderliness of ideas and rationality of thinking are important components in the skeleton of a good essay.

However, writing in a foreign language means far more than providing effective logical organization along with extensive lexical resources and grammatical accuracy. How we use language is conditioned by culture, which establishes certain communication norms and rhetoric [1]. The process of producing a piece of writing is affected by the socio-cultural context determining the writing conventions. Hence, people feel most comfortable writing and reading works that follow the same rhetorical and logical patterns as those in their own language. Elements of logical thinking in the production of an essay – text organization leading to a valid conclusion, text cohesion, completeness and unity of thought – all vary among cultures. Here arises the need for a contrastive study of culture-based writing styles.

The paper addresses some considerable cultural distinctions between English and Armenian writing styles, as well as their impact on the logic of English persuasive essays produced by Armenian test-takers. The objective of this analysis is to consider the differences that may complicate Armenian students' preparation for standardized tests like TOEFL iBT and IELTS. The paper presents the findings from the empirical study of foreign-written essay samples and ones borrowed from Armenian schoolchildren and university students.

So which logical characteristics of writing can differentiate essays cross-culturally? Below we shall outline the major distinctions between writing cultures focusing on Western and Eastern writing patterns. We shall consider paragraph organization patterns, paragraph unity, reader and writer responsibility, as well as text cohesion. We shall assume the English style as representative of the Western rhetoric and a basis for our discussion since

it is the common style in the TOEFL, IELTS and other international test essays. Features of Armenian writing will be discussed as representative of the Eastern writing pattern.

Differences in paragraph organization and paragraph unity

Logical organization of a paragraph is an important aspect of this study because it is culture-based. From a logical point of view, text organization is traditionally defined in terms of two concepts: deduction and induction [2; 3].

The Western writing style is a perfect example of ***deductive writing***, in which the essay rests on general premises used as the basis for drawing conclusions. In an overall essay, the information is sequenced from the general thesis statement to specific evidence. The thesis in the introduction expresses the writer's position on an issue and is followed by 3-4 body paragraphs presenting more concrete ideas to bring credibility to the thesis. The conclusion can be anticipated.

A short plan for an essay looks as shown in Figure 1 below:

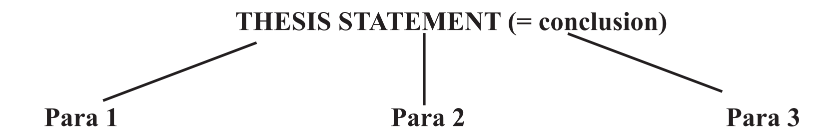

Figure 1: Essay structure

In turn, on a paragraph level the flow of ideas continues in a more or less straight line from the beginning to the end. The paragraph begins with the statement of the topic idea and then thoroughly develops the idea with supporting details and examples. In fully elaborate paragraphs this information is also emphasized in a closing sentence, which gives the paragraph a sense of completeness. This structure is shown in Figure 2 below:

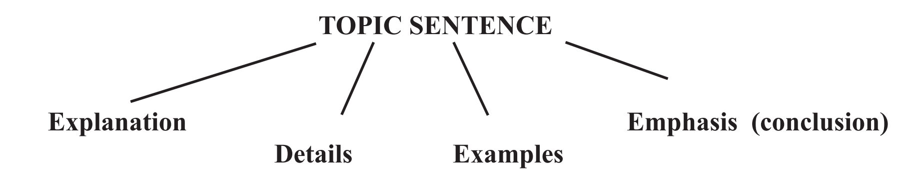

Figure 2: Paragraph structure

By contrast, in the high-context Eastern culture, which emphasizes indirectness and ambiguity for the purpose of preserving social harmony rather than for sharing information, the meanings are implicit and the argumentation is not linear [4]. These characteristics are typical of ***inductive writing***, which uses specific evidence and details as starting points in order to produce conclusions or theories. Here, reasons come before results; specific occurrences come before generalizations. Hence, Westerners often find it confusing to read Asian essays; they have to read explanations without knowing what is being discussed and where the writer is leading them.

In the course of this study we have established that the Armenian rhetoric shares more similarities with the Eastern one. An Armenian-produced English essay often reveals characteristics of inductive writing, allowing the author to state causes before effects and introduce the main point later. The discussion is circuitous, and the topic sentences, if any, do not have a fixed place in paragraphs. Clear paragraphing is apparently not a prerogative, either. In fact, most essays do contain three body paragraphs as required, but they are not adequately developed (due to frequent digression and lack of focus) and are mostly deficient in examples. The available examples are often presented in the form of long personal narratives. In the introduction, the thesis is either not clearly stated or lacking altogether.

Here is an extract from an inductively-organized English essay produced by an Armenian student. In addition, it demonstrates the absence of examples that would clarify the main point; the theme is therefore difficult to follow, especially as it comes to the end:

Students are learning various subjects at university, and at work they can implement their knowledge to see how competitive they are. This way they identify themselves and get used to the rules of labor market, which may help them to build a desirable career. Better understanding of labor market is a basis for a good career as there are many nuances in it.

The following extract from an Armenian student's essay also serves to illustrate the ***non-linearity*** of Armenian writing, regardless of the usage of deductive or inductive methods:

Ո՞րն է երեխայի համար ամենալավ նվերը

Ո՞րն է լավագույն նվերը երեխայի համար: Այս հարցը մնում է անպատասխան շատ մայրիկների համար: Կարծում եմ, որ երեխայի նվերի հարցում նախասիրությունները կապված են երեխայի տարիքի հետ: Փոքր տարիքի երեխաները տարված են մանկական հաճույքներով և լավագույն նվերը համարում են սիրած խաղալիքը՝ լինի մեքենա թե տիկնիկ: Առավել մեծ տարիքի երեխաները նախընտրում են իրենց բարձր առաջադիմությամբ առաջացնել մայրիկի ժպիտը՝ դա համարելով լավագույն նվերը: Աստիճանաբար երեխան ավելի է հասունանում, և նրա համար լավագույնը դառնում են կյանքում պիտանի մարդ լինելը, աշխարհի խաղաղությունն ու ընտանեկան ջերմությունը: Բայց անկախ երեխայի տարիքից, նրա համար անփոխարինելին մոր նվիրած քնքշանքն ու ջերմությունն են:

The author of this paragraph jumps from one argument to another, without providing any explanation, reason or detail in support. With the non-linear writing pattern it becomes rather hard to follow the train of thought. As Kaplan [5] suggests, in most Oriental writings the subject is circled around and shown from a variety of angles, and thus there is no direct view on the main theme. When writing an essay in English, Armenian students use the same circuitous style, which Anglo-American readers find vague and perplexing.

The non-linearity is also evident in the formulation of main ideas. In the following extract, the topic sentence, although appearing at the beginning of the paragraph (deduc-

tive writing), digresses from the assignment, and the evidence is presented in a roundabout way.

Today, malnutrition is one of the biggest problems in developing countries.

First of all, developing countries do not have such big economic possibilities as developed countries. The rate of unemployment in developing countries is high. For example, in these countries there are fewer companies than in developed states. More people can work in big companies than in small ones. They can get high salaries and not face the malnutrition problem.

As can be seen, the logical sequence is not easily traceable. First, the introduction expresses a fact rather than the writer's opinion on the issue discussed. Second, taking into account that the essay requires to discuss the reasons for malnutrition, an examiner/reader would expect the topic idea of the body paragraph to be framed differently, as, for instance, "First and foremost, malnutrition is rooted in the poor economic conditions of those countries". Moreover, the signpost phrase that stands for exemplification (for example) is logically misused and should be replaced with the conjunction 'because'.

Misuse of topic ideas (rather than their misplacement) potentially results in digression, which can be seen in the sample below (the topic sentences are italicized):

I disagree that young adults or teenagers do not have anything to teach older people, since there are a lot of things different from the past. So I definitely think they have something to learn.

Firstly, the biggest reason is the time. Over years, new technology has developed. Older people cannot immediately get used to it. Young people get used to it easily, and older people can learn from them to use computers and smart phones, for instance. So that's a fact that they need some help to learn this.

The second thing is knowledge. Now teenagers know more than adults used to know when they were young. The information is easily available for us and we learn increasingly more things from the Internet every day. And we learn about the world around us more quickly than they do, so they can learn new things from us as the information wasn't accessible for them in the past.

Lastly, experience is very important too. We are experiencing a lot of things and we are growing up faster than they did. We live in a rough period of life and this makes us stronger and more mature. Today 15-year-old teenagers can sit with older people and speak about general subjects and will probably teach them a lot of things.

One important detail that catches attention here is the two-part thesis statement containing redundant ideas, with no clear purpose. Further, the first and last topic sentences are not in tune with the thesis. The writer is required to discuss what the older generation can learn from the young, rather than the reasons why they may want to learn. In fact, one thing to learn is the use of technology, which is implicitly expressed throughout the first paragraph, rather than in its topic sentence. The topic sentence of paragraphs 2 supposedly states what the seniors can gain from the young (knowledge), but it is not formulated properly and hence the ensuing circular arguments fail to support its truthfulness. Overall, the writer rambles on with no clear direction and no valuable evidence or examples to prove vague generalizations, which proves the circuitous character of Armenian writing.

It is also common with Armenian schoolchildren to cite poems in their compositions (very often in full length). By Armenian tradition, the abundance of quotation makes a composition vivid and effective. However, the Armenian convention of writing without a clear thesis statement and using quotations of such a length (in respect for the authority) can appear rather inappropriate to the Western reader, especially if the direct link between the quotations and the essay topic is not clearly demonstrated. The English essay seeks to find the writer's own voice. It encourages the writer to include quotes if they convey something of vital importance that the writer personally could not have worded better.

For instance, one student started the composition about her motherland by citing «Ես իմ անուշ Հայաստանի» by the beloved poet Charents and showed her agreement with the poet only by stating that there was nothing left to add:

Մեծն պոետը շատ հակիրճ բայց և այնքան շատ է ասել իր այս ստեղծագործությունում, որ մեզ ասելու համարյա էլ ոչինչ չի մնում: Միայն պետք է լիարժեք համաձայնվենք նրա հետ և մեր սերը արտահայտենք հենց այս բանաստեղծությամբ:

Meanwhile, the preferable English writing pattern would be a merger of the citation and the writer's own idea directly related to the paragraph's or essay's topic idea, as is done in the extract below:

Teachers, who often referred as "the engineers of human souls", work to help students not only in their study but also in their moral progress. No wonder that teachers are highly respected in a civilized society. Socrates, the ancient Greek scholar, once said to his disciples, "I eat to work while others work to eat." Most people work to get money for a living, but money is not the sole reason for many to work [6].

As could be expected, inductiveness and non-linearity of arguments in the Armenian writing style do not allow creating ***paragraph unity.*** To achieve and preserve paragraph unity, there should be nothing in the paragraph that does not belong, nothing that does not support or explain the main idea – in other words, no digressions. Writers in English begin a new paragraph when discussing a new idea, but even this idea must be relevant to the central idea of the overall essay – the thesis. By contrast, Armenian writers, who tend to develop a paragraph in length rather than in depth, include too many 'main' arguments and extended details in a single paragraph, which makes it hard to follow their train of thought. In fact, Armenian rhetoric is more concerned with the content than with the form. The Armenian students' propensity to write creatively by providing unique and novel ideas makes the writers use lengthy and verbose descriptions and come to the main point in a circuitous way. In contrast, the Anglo-American essay is more straightforward; originality is appreciated but without resort to indirectness.

Differences in writer and reader responsibility and logic al cohesion

Still another important peculiarity lies in the distinction of ***writer-responsible*** and ***reader-responsible languages.*** In the writer-responsible English rhetoric, it is the obligation of the writer to create all conditions for the reader to understand his/her point [7]. As mentioned earlier, the English writer is expected to present the main argument in the introduction and guide the reader through the argument by spelling out the relationships throughout the text. Conversely, the Armenian writer expects his/her perception to be shared by the reader, so it stands to reason that the writer need not take pains to go into details since it is the reader who should assume responsibility for understanding the writer's point.

In turn, this reliance on the reader's ability to read between the lines and make logical inferences naturally causes disregard for ***cohesion***, which is a significant quality of a logical text. One way to help the reader through the logic of the text is to use signposts, or logical markers, which signal the upcoming ideas. They create logical connection between sentences and paragraphs of an essay, such as sequencing, contrasting, exemplification, and make the essay cohesive. The usage and number of such markers varies from culture to culture. English readers expect a text where signposts will guide them along the sentences (although an overuse should be discouraged), because in the writer-responsible English essays, not only the meaning but also the logical relationship between and within paragraphs must be explicitly expressed by the writer. An English essay employs as many discourse markers as necessary to create logical cohesion. If the logical meaning of an ensuing idea is evident due to the contextual clues, a signpost word can be dispensed with.

In contrast, because Armenian writing is reader-responsible, teaching composition at school does not seem to emphasize the usage of logical markers, as can be seen in Armenian language textbooks [8; 9]. Nor is it typical of Armenian test-takers to include an adequate number of signposts when transferring their writing skill to essay writing in English. At best, they use them pro forma, just because they have been drilled to do so. At the same time, going from one extreme to another, there are frequent cases of overusing (and misusing) these connectors.

Final Implications

In recent years, writing different types of essays effectively has become critical to academic success. Regrettably, producing what is considered to be a good essay poses a challenge for students and test-takers in terms of writing in a foreign language since the cultural writing conventions are different. These differences may seriously impair foreign applicants' performance on the writing task. This is also true of the Armenian test-takers.

It is to be outlined that the culture of writing 'essays' appears to be quite alien in the Armenian academic contexts, and the 'rules' of writing are formally taught only in high school, if at all, as evidenced by most students. To an Armenian student, creating an essay is associated with writing a composition (mostly, creative) which means merely putting down on paper their ideas on a certain topic. Writing is viewed as something quite self-explanatory, something that comes as a natural way of expression. In fact, Armenian schoolchildren come to elaborate their own writing styles by probing various ways of writing, as well as through trial and error method. The school teachers to whom we turned for writing samples of the Armenian composition confirmed that it is not a frequently practised assignment in school.

Our review of literature has also revealed that composition writing is a rather neglected aspect of language teaching at school in this country. In Armenian junior school, compositions are only viewed as exercises disclosing students' hidden language talents and their ability of applying grammar rules in practice. In high school, however, composition writing turns into a complex task. In particular, the various types of composition and principles of composing are adequately explained in the Armenian language textbook targeting students of the humanities in high school [10]. Students in other disciplines, however, do not seem to be given any theoretical knowledge of composition writing,

which makes them virtually unprepared for the writing section on standardized tests, considering that the above-mentioned textbook teaches some skills that could be useful. Still, the humanities students are not insured against poor understanding of what makes a good writing, especially when it comes to writing an English-style persuasive essay.

The clash of academic conventions can become a confusing experience for international students. Therefore, it is absolutely essential that test-takers be enlightened on the differences and presented with the main principles of English writing in high school.

REFERENCES

1. *Teays W.* Second Thoughts: Critical Thinking for a Diverse Society. Boston: McGraw Hill Companies, Inc., 2003. P. 95.

2. *Schick Th., Jr., Vaughn L.* How to Think About Weird Things. Critical Thinking for a New Age. Boston: McGraw Hill Companies, Inc., 2002. P. 147.

3. *Fudge T.* Inductive vs. Deductive Writing. Kaplan University. 2015, February 25. Online: https://kuwcnews.wordpress.com/2015/02/25/inductive-vs-deductive-writing/ (accessed: 03/2017).

4. *Yang L., Cahill D.* The Rhetorical Organization of Chinese and American Students' Expository Essays: A Contrastive Rhetoric Study. // International Journal of English Studies, vol. 8 (2), 2008. PP. 113–132. Online: https://www.lakeforest.edu/live/files/ 2112-considering-cultural-differences-in-academic (accessed: 03/2017)

5. *Kaplan R. B.* Cultural thought patterns in inter-cultural education. // Language Learning, 16, 1966. PP. 1–20.

6. Sample Essays for the TOEFL® Writing Test (TWE®) – Answers to All TOEFL Essay Questions. E-Book Edition. Online: www.toeflessays.com. P. 33.

7. *Hinds J.* Reader versus writer responsibility: A new typology. // Writing across languages: Analysis of L2 Text. Eds. Connor U. & Kaplan R. B., Reading, MA: Addison-Wesley, 1987. PP. 141–152.

8. *Գյուլամիրյան Ջ. Հ.* Մայրենիի տարրական ուսուցման մեթոդիկա / ՋԱՆԳԱԿ, Եր., 2009. Էջ. 329–335.

9. *Եզեկյան Լ.Կ., Սարգսյան Ա.Լ.*, Սաքապետոյան Ռ.Կ. Հայոց լեզու / Դասագիրք ավագ դպրոցի հումանիտար հոսքի 12-րդ դասարանի համար. ՄԱՆՄԱՐ, Եր., 2011. Էջ. 5–15.

10. Idem, PP. 5–15.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОГИКИ И КУЛЬТУРЫ В ПЕСУАЗИВНОМ ЭССЕ

М.Р. Карапетян

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь между логическими и культурными особенностями написания персуазивного эссе. Элементы логического изложения – организация текста, последовательность и единство мысли – имеют культурные различия. Целью данного исследования является изучение различий, которые потенциально затрудняют подготовку армянских студентов к написанию эссе в стандартных тестах.

Ключевые слова: эссе, логика, культура, стандартные тесты.

ՏՐԱՄԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՊԵՐՍՈՒԱԶԻՎ ԷՍՍԵՈՒՄ

Մ.Ռ. Կարապետյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են պերսուազիվ էսսեում անգլերեն և հայերեն գրավոր խոսքի՝ տրամաբանական մտքի վրա ազդեցություն ունեցող մշակութային տարբերությունները: Ուսումնասիրության նպատակն է ընդգծել հիմնական տարբերությունները, որոնք կարող են դժվարացնել հայ ուսանողների՝ ստանդարտ թեստերին պատրաստվելու գործընթացը:
Հիմնաբառեր՝ էսսե, տրամաբանություն, մշակույթ, ստանդարտ թեստեր:

ЖУРНАЛИСТИКА

МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ «МАССОВОГО ЧЕЛОВЕКА»: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

М.Р. Тадевосян

Российско-Армянский университет
meritadevosyan9307@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье проанализированы возможности средств массовой информации по формированию и конструированию «медиареальности», которая существует и развивается по своим законом и правилам, обладает собственной ценностной и приоритетной системами. Их внедрение приводит к появлению и зарождению соответствуюей аудитории – «массовой аудитории». Попадая в плен такой псевдодействительности, «массовый человек» оказывается оторванным от реальности и перестает адекватно воспринимать существующий мир.

Ключевые слова: СМИ, медиареальность, массовый человек, общественное сознание.

Бурное развитие техники и информационных технологий привело к появлению не только такого явления, как массовая информация, но и – «массовая культура», «массовый человек». Словосочетание «массовая культура» сегодня получило новое смысловое звучание. Оно перестало использоваться в том значении, в котором его некогда употребили Гете и Шиллер: это вовсе не культура, предназначенная для широкой публики, явление «массовой культуры», которое возникло вместе с развитием средств массовой информации.

Становление массмедиа в качестве особого социального института создало основу и условия для «омассовления» общественного сознания. Как итог такой политики, мы получили «массу» людей, нацеленных на одинаковую систему ценностей и приоритетов.

Испанский философ Х. Ортеги-и-Гассет, в отличие от других исследователей социально-массовых явлений, например, Г. Тарда, Г. Лебона, совершенно по-иному подходит к изучению и анализу особенностей данного социокультурного типа. В своей работе «Восстание масс» он отмечает, что «массовый человек» – это вовсе не человек из массы, а, прежде всего, человек с массовым сознанием. «Человек массы– это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара, чувствует, что он точь-в-точь, как все остальные, и притом нисколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все» [1]. Он утерял свои личностные, индивидуальные черты. Это – человек без лица в группе таких же, как и он сам, с набором стереотипных представлений и взглядов. Источником же, из которого «массовый человек» черпает

весь этот набор представлений, служат, в первую очередь, массмедиа. В процессе своей деятельности они вырабатывают определенные представления о мире и о месте человека в этом мире, навязывают необходимые ценности, понятия, при всем этом могут также активно участвовать в процессе разрушения данных ценностей, если со временем они станут непригодными для действующей политической силы. Многократный повтор нужных сообщений, а также возможность подвергать те или иные факты специальной обработке, монтированию, их улучшению, либо же ухудшению позволяют массмедиа убеждать общественность в истинности передаваемой ими информации.

Средства массовой информации не просто влияют на массы – они создают их. Программирующий резерв средств массовой информации усиливается благодаря использованию новейших информационных технологий. Сегодня Интернет, социальные сети, телевидение фактически вытесняют из повседневной жизни человека личное общение, встречи и т.д. В результате деятельности массмедиа формируется «управляемый» человек, который воспринимает политическую, социальную действительность через систему созданных средствами массовой информации образов и мифов. Именно они становятся для него новой ценностью и подлинной реальностью – этим обусловлена актуальность выбранной темы. Средства массовой информации создают необходимую атмосферу ожидания тех или иных событий, а в случае их развития не по благоприятному сценарию исправляют ситуацию, перенося внимание общественности на иное действие [2].

Таким образом, конструируется «медиареальность» или как подобное обозначает Ж. Бодрийяр, «гиперреальность». Основа «гиперреальности» – симуляция, подмена действительности, когда отличить реальность от вымысла становится невозможным. Поток нескончаемой информации разрушает истинную действительность, облекая ее огромным количеством таких изображений, которые не имеют своего оригинала. В итоге, человек оказывается оторванным от действительности, поскольку живет и существует в условиях искусственно конструированной и созданной массмедиа гиперреальности.

Подобная «гиперреальность» не просто функционирует самостоятельно, а создает особый тип сознания аудитории. Она существует и развивается по своим законам и правилам, обладает собственной ценностной и приоритетной системами, внедрение которых приводит к появлению и зарождению соответствующей аудитории – «массовой аудитории». «Массовый человек», попадая в ловушку симуляции и подмены, перестает воспринимать реальность. Существуя в таком искусственном мире, он каждый день делает выбор, который только кажется свободным, в действительности же он вынужден совершить подобную дифференциацию. Сегодня мы, как пишет Ж. Бодрийяр, находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла [3].

Известно, что одной из функций журналистики является функция т.н. «четвертой власти», призванная контролировать и регулировать деятельность государственных структур и общественных институтов. Однако в сложившихся условиях масс-медиа влияют на социально-политическую ситуацию в стране, «лишь» формируя

общественно-политические взгляды, представления, идеалы и нормы поведения аудитории. «Пресса – инструмент власти, то есть партий и экономических лобби. Главное ее оружие – намеренное затемнение смысла высказывания», – отмечает У. Эко [4].

Сами средства массовой информации также попадают под критику со стороны традиционных ветвей власти, но потому только, что пребывать вне критики они не могут, это обеспечивает им «выгодное алиби» («репрессивная толерантность» – определение Г. Маркузе). Обозначив себя «жертвой», СМИ не видят необходимости в самосовершенствовании, развитии. Они продолжают воспитывать вкусы и предпочтения, задавая нужную схему интерпретации тех или иных сообщений, в соответствии с которыми аудитория начинает избирать и реагировать на «сигналы», подтверждающие их.

Но в то же время нельзя не заметить и следующий фактор. Последние выборы в США, "Brexit", конфликт в Украине, война в Сирии, беспорядки в Иране и др. (особо актуальным в этом контексте становится недавний пример, связанный с заявлением официального представителя МИД РФ М. Захаровой о распространении очередных фейков о вмешательстве России в акциях «желтых жилетов» во Франции, публикации периписки репортера Русской службы BBC О. Ившиной, в которой та просит найти пресловутый «русский след» в протестах во Франции, о якобы поступивших в МИД РФ жалобах журналистов BBC после публикации российскими сайтами личных данных сотрудников московской редакции) – освещение этих событий средствами массовой информации подняло немало вопросов по поводу качества воздействия массмедиа на аудиторию. Изучение данных кейсов невозможно представить без рассмотрения такого понятия, как «фейковые новости». Именно феномен «фейковых новостей» со всей очевидностью продемонстрировал, в каком кризисе оказались сегодня СМИ. «С точки зрения журналистики проблема фейков имеет отношение к основным принципам и ценностям подачи новостей и профессии как таковой. Тут речь может идти о создании краткого контента, ориентированного на восприятие тех, кто уже приучен к информации в цифровом формате, а то и ограничивается предельно сжатыми сообщениями в Twitter», – подчеркивает консультант BBC, профессор Салфордского университета Марек Бекерман [5].

Вместе с тем, данный кризис выявил те основные проблемы и пробелы, с которыми на сегодняшний день столкнулась журналистика. Верным будет утверждение о том, что, собственно, эти проблемы и пробелы и привели к нынешней кризисной ситуации в СМИ. Но дело в том, что до поры до времени наличие данных проблем не вызывало особого беспокойства в профессиональных журналистских кругах. Предполагалось, что эти трудности будут устранены, а невозможность их объяснения пока носит временный характер. Однако их накопление и неудачные попытки разъяснения с точки зрения принятых среди специалистов фундаментальных принципов журналистики привело, в конечном итоге, к затруднениям, к полосе кризиса в данной сфере.

В связи с этим появляется потребность, говоря словами американского философа Т. Куна, в выработке новой парадигмы – системы представлений,

воззрений и норм, образцов журналистской деятельности – которая сориентирует специалистов, обеспечит успех и дальнейшее развитие медиа.

Многое из того, что кажется на сегодняшний день проявлением хаоса в СМИ, в действительности может быть периодом становления нового этапа, более соответствующего запросам современной эпохи. Формирование «новой журналистики» невозможно без потрясений и изменений прежних связей.

В этой связи можно отметить, что проблема с «фейками» является последствием и «результатом» проводимой на протяжении многих лет работы медиа по конструированию и созданию т.н. «массового человека», чьи сформировавшиеся уже запросы можно без особых усилий удовлетворить распространением лживых и недостоверных новостей. С другой стороны, на сегодняшний день именно «фейки» играют важную роль в усилении и упрочении позиций «массовой аудитории».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ортеги-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2016. С. 120.
2. *Тадевосян М.Р.* Изучение аудитории СМИ в целях манипуляции общественным сознанием. Конференция Европейской Ассоциации Журналисткого Образования. 2017 // Международные научные чтения в Москве «СМИ и массовые коммуникации–2017». М., 2017. СС. 179–180.
3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М., 2015. С. 34.
4. *Эко У.* Пять эссе на темы этики / Перев. с итал. Е.А. Костюкович. С-Пб.: «Симпозиум», 2002. С. 85.
5. *Бекерман М.* Фейковые новости и будущее независимой журналистики // «Журналист». М., 2017. С. 21.

MEDIA AS AN INSTRUMENT OF FORMATION OF “MASS HUMAN”: MAJOR TRENDS

M. Tadevosyan

ABSTRACT

The current paper analyzes the opportunities of political mass media to form and construct a “media reality” which exists and develops by its laws and rules and possesses its own value and priority system. Their implication leads to the emergence of “mass audience”. Getting trapped in such a pseudo-reality, “a mass human” finds herself far from the reality and stops to adequately grasp the current world.

Keywords: mass media, media reality, mass human, public consciousness.

ԶԼՄ-ՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ «ԶԼՄՄԱՐԴՈՒ» ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ԳՈՐԾԻՔ. ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ

Մ.Ռ. Թադևոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում վերլուծության են ենթարկվում քաղաքական ԶԼՄ-ների հնարավորությունները՝ «մեդիաիրականության» ձևավորվելու և կառուցման, որը գոյություն ունի և զարգանում է իր ուրույն օրենքներով և կանոններով, ունի սեփական արժեքային և առաջնահերթության համակարգ: Դրանց կիրառումը հանգեցնում է «զանգվածային լսարանի» առաջացմանը: Դառնալով այդպիսի կարծեցյալ իրականության գերին՝«մեդիա մարդը» իրականությունից կտրվում է և դադարում է ճիշտ ընկալել գոյություն ունեցող աշխարհը:

Հիմնաբառեր՝ ԶԼՄ-ները, մեդիաիրականություն, մեդիա-մարդ, քաղաքական գիտակցություն:

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՅԱՍՏԱՆՅԱՆ ՀԵՌՈՒՍՏԱՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ

Է.Ա. Ռուխկյան

Հայ-Ռուսական համալսարան
emineh.rukhkian@yandex.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում մենք վերլուծելու ենք ժամանակակից հայաստանյան հեռուստատեսության ժանրերի թեմատիկ առանձնահատկությունները և գործառույթները, երևանել առանձնահատկությունները, ինչպես նաև կոնկրետ օրինակներով կփորձենք ցույց տալ հեռուստահաղորդումների զարգացման տարբերակումներն ու միտումները:

Հիմնաբառեր՝ ժանր, ժամանակակից հայկական հեռուստատեսություն, ձևաչափ, զանգվածային լսարան, մեդիածառայություններ:

Հայաստանյան հեռուստատեսությունը երփներագում է տարբեր ժանրերի բազմազան հեռուստահաղորդումներով: Առաջին հերթին ավանդական կարգով եթերվող նորությունների փաթեթներն են՝ առավոտյան, ցերեկային, երեկոյան և գիշերային ժամերին: Օրինակ, Հայաստանի Հանրային հեռուստատեսության «Օրակարգ» [1] նորությունների ծրագիրը, որի հիմքում ընկած է այն ամենը, որ առավել կարևոր է, հետաքրքիր և այժմեական: Ծրագրով եթերվում են պարբերաբար նորացվող նորություններ Հայաստանից, Արցախից, Սփյուռքից, ինչպես նաև մարզերից և միջազգային համայնքներից: Մշտական թղթակցային խումբն աշխատում է ԱՄՆ-ի արևելյան և արևմտյան հատվածներում, Ռուսաստանում, Եվրոպայում և Մերձավոր Արևելքում:

«Օրակարգ»-ին անմիջապես հաջորդում է «Օրակար. հարցազրույց» ծրագիրը [2], որը շոշափում է Հայաստանի նամար կարևոր և արդիական հարցեր, ուշարժան, հետաքրքիր թեմաներ: Հարցազրույցային այս հաղորդման հյուրերը պետական և մշակութային գործիչներ են, որոնք պատասխանում են լրագրողների հարցերին:

Վերջին ժամանակներս, հետևելով նորությունների փաթեթների հեռարձակման արևմտյան և արտասահմանյան կանոններին և ձևաչափերին, նկատվում է հետևյալ միտումը՝ առանձին թողարկումով եթերել տնտեսական, մշակութային նորություններ: Առաջին հեռուստաալիքը ևս չի անտեսում այս մարտավարությունը: Օրինակ, «Առաջին տնտեսական» ծրագիրն օրվա ընթացքում ներկայացնում է տնտեսական ոլորտի իրադարձություններ Հայաստանում և ամբողջ աշխարհում՝ դրամային փոխարժեք, բորսայական նորություններ, գյուղատնտեսական ձեռքբերումներ, ժամանակակից տեխնոլոգիաների կիրառումը տնտեսության մեջ և այլն:

Նորությունների հաղորդման նմանատիպ ուղղություն գծագրվում է արևմտյան “BBC”, “CNN”, “Evronews” և ռուսական «Первый канал», «Россия», «НТВ», «РЕН ТВ», «РБК» հեռուստաալիքներում:

Տվյալ թեման վերլուծելով, գծագրվում է հետաքրքիր օրինաչափություն այն մասին, որ հեռուստատեսության ժողովրդականության անկումը Հայաստանում ամենևին կապված չէ հեռուստատեսային ձևաչափի ծերացման, այլ հայրենական

հեռարձակման յուրահատկությունների հետ: Մեր երկրում, ինչպես հայտնի է, հեռուստատեսությունը ծայր աստիճանի քաղաքականացված է, և հենց այդ պատճառով լսարանի մի մասը, մասնավորապես երիտասարդությունը, դադարում է այն դիտել: Ավելի շուտ նման մոտեցումը, որ, այսպես ասած, «ավելի եկամտաբեր» է, աստիճանաբար տեղափոխվում է Ինտերնետ-տարածք: Սրանից ելնելով, կարելի է ենթադրել, որ գովազդի տեղադրման արժեքը Համացանցում շատ ավելի ցածր է, քան հեռուստատեսությունում:

Այնուամենայնիվ, ինչու չէ, հեռուստատեսությունն ու Համացանցը կարող են առանձին-առանձին գոյատևել և զբաղեցնել յուրաքանչյուրն իր խորշը, ընդ որում Համացանցով հետաքրքրվող լսարանը որոշ հանգամանքներում կարող է նորից ուշադրություն դարձնել հեռուստատեսությանը:

Բնականաբար, վիճարկելի չէ այն փաստը, որ այս ոլորտի փորձագետները բազմիցս նշել են՝ երբ հեռուստատեսությունը դադարում է հանդես գալ որպես քարոզչության հզոր գործիք, այն դառնում է առավելապես տեղեկատվության հաղորդման գործիք, և, ամենայն հավանականությամբ, կարող է պատճառ հանդիսանալ լսարանի աճի ու նրա վերադարձին Համացանցից դեպի հեռուստատեսություն: Միևնույն ժամանակ, չարժե մոռանալ այն օրինաչափության մասին, որ, ի տարբերություն հեռուստատեսության, Համացանցը, այլ բաների թվում, օգտատերերին ինքնարտահայտվելու հնարավորություն է տալիս:

Դժվար է չհամաձայնվել բանասիրական գիտությունների դոկտոր Ս.Ս. Երիցյանի հետ, ով իր «Հեռուստատեսություն. գործառույթները, զարգացման միտումները և հեռանկարները» գրքում գրում է. «Ապահովել շուկայական, բայց մասնավոր հեռուստաընկերությունների անկախությոնը չի ենթադրում շուկայական ամենաթողտվություն: Իսկ վերջին իրողությունը հանգեցնում է կարգավորման անհրաժեշտության: Զարգացումն անընդհատ է, և հեռուսատեսությունը կարևոր դեր է խաղում ժողովրդավարական գործընթացում: Այս ոլորտն արագ զարգանում է շնորհիվ մրցակցության ուժեղացման, տեխնիկական փոփոխության (երբ առաջացավ թվայնացված հեռարձակման գաղափարը և վերամիավորվեցին հեռարձակումը, համակարգչային ծառայությունները և հեռուստակոմունիկացիաները): Երևի թե հենց 21-րդ դարը կդառնա հեռուստատեսության հնարավորությունների դրսևորման կարևոր շրջան, երբ նոր տեխնոլոգիաների և հեռուստալրագրության համամարդկային սկզբունքների ներդրմամբ հնարավոր կլինի համաշխարհային փորձի հիման վրա ձևավորել հեռուստատեսության ազգային համակարգը: Այդ համակարգը, իր մեջ ներառելով հանրային հեռուստատեսության գաղափարը և պրակտիկան, մասնավոր հեռուստաընկերությունների գործունեության սկզբունքները, նախապայմաններ կստեղծի, որ հեռուստատեսությունը ոչ միայն լինի սոսկ զանգվածային լրատ-վության միջոց, այլ մարդու օգնական ինչպես տեղեկատվություն ստանալու, այնպես էլ նրա տարբեր խնդիրների հաղթահարման գործում» [3]:

Հեռուստատեսության «նոր» դարաշրջանը, սկսված Հայաստանում 1991 թվից, այն հիմնարար փոփոխությունների արդյունքն էր, որոնք տեղի ունեցան երկրի քաղաքական և տնտեսական կյանքում: Հեռուստատեսությունն առաջինն էր բոլոր ԶԼՄ-ներից, որ կարողացավ վերակազմավորել իր աշխատանքը նոր պահանջներին համապատասխան:

Ելնելով այն հանգամանքից, որ 90-ականների սկզբի տնտեսական կազմավորվածությունը արտադրության շուկայում թելադրում էր խաղի սեփական պայմաններն ու կանոնները, տեղեկատվական հաղորդագրությունները՝ նորու-

թյուններն այժմ դարձան ոչ թե որոշակի ժամանակահատվածում արդիական իրադարձությունների պարզ հավաքածու, այլև ապրանք՝ «ոչ միայն որակի մրցունակ մակարդակ (նորույթային, օպերատիվության, յուրօրինակության և այլ ազդակների), նաև վառ «փաթեթավորում», «պիտակ», համապատասխան գովազդ և ուրիշ ձևական հատկանիշներ պահանջող» [4]:

Անվիճելի է ճշմարտացի այն պնդումը, որ «հեռուստատեսությունն ի զորու է բազմակողմանի լուսաբանել քաղաքական, տնտեսական և մշակութային կյանքի հիմնական դեպքերը, օպերատիվությամբ առաջ անցնելով մամուլից և կինոքրոնիկայից» [5]: Չէ՞ որ վաղուց է, ինչ հեռուստատեսությունը դիտվում է ոչ որպես արվեստ, այլ զանգվածային լրատվական միջոց:

Ներկայումս Հայաստանում ընթանում է մասնագիտացված հեռուստաընկերությունների (տեղեկատվության, երաժշտության և այլն) ձևավորման գործընթացը: Ելնելով վերը նշվածից, կարելի է ենթադրել, որ հատկապես այդ ճանապարհով կընթանա հեռուստատեսության հետագա զարգացումը Հայաստանում, իսկ այլոք, չկարողանալով դիմակայել մրցակցությանը, կփակվեն:

Մեր հետազոտությունները ցույց են տվել, որ հեռուստաընկերությունների մեծամասնությունը, իրականացնելով իրենց ծրագրային քաղաքականությունը, կենտրոնանում է տեղեկատվական ծրագրերի վրա, դրանով իսկ կտրուկ նվազեցնելով լսարանը 18-ից 30 տարեկանն ընկած տարիքային շերտերի հաշվին:

Պետք է ևս մեկ անգամ նշել, որ, ի տարբերություն Խորհրդային տարիների, այսօր, երբ կան մի քանի տասնյակ հեռուստաընկերություններ, առկա է մեծ թվով պրոֆեսիոնալ մասնագետների պակասը: Հաշվի առնելով այն հանգամանքը, որ ռուսական լրագրության դպրոցի փորձը և ավանդույթները հայ լրագրողներին ավելի մոտ են ու ընդունելի, քան ամերիկյանը, անհրաժեշտ է միջպետական մակարդակով իրագործել Ռուսաստանում մասնագետների ուսուցման և վերապատրաստման գործընթացը: Միանգամայն տեղին կլիներ, որ խորհրդային դարաշրջանի հեռուստատեսությանը յուրահատուկ որոշ «օգտակար» պահանջներ փոխառնվեին, օրինակ, հաղորդավարների բանասիրական կրթության պարտադիր առկայությունը:

Այսօր Հայաստանում ամրապնդվում է կապը պետական կառույցների և մամուլի միջև: Որպես ապացույց կարող է ծառայել այն փաստը, որ լրագրողները, թե իշխանամետ, թե ընդդիմադիր հեռուստաընկերությունների, ազատ են հարցեր տալ հանրապետության նախագահին և ստանալ դրանց պատասխանները: Սա լուրջ քայլ է հեռուստատեսության ժողովրդավարացման և ժողովրդավարական պետության կայացման ուղղությամբ: Սակայն, չպետք է մոռանալ, որ վերջին տարիներին որոշ հեռուստաընկերություններ փակվեցին («Ա1+, «Նոյյան տապան»), որոնք առանձնանում էին իրենց ընդդիմադիր հայացքներով, ինչը վկայում է Հայաստանում խոսքի ազատության ոտնահարման մասին:

Հեռուստատեսությունում զարգացում վերապրեցին նոր ժանրեր, տասնյակ նոր հեռուստահաղորդումներ ստեղծվեցին: Այսօր Հայաստանի նոր անկախ հեռուստաընկերությունների համար կարևոր խնդիր է լրագրողական օրենսգրքի մշակումը: Պետք է ստեղծվեն որոշակի չափորոշիչներ, որոնցով կղեկավարվեն հեռուստաընկերություններն իրենց աշխատանքում որպես պարտադիր պայման և որոնք նպատակաուղղված կլինեն պահպանել ազգային արժեքները, հաշվի առնելով աճող գլոբալացման գործընթացը:

Այնուամենայնիվ, պետք է նշել, որ Հայաստանի հեռուստատեսության զարգացման գործում եղել են նաև դրական տեղաշարժեր: Առաջին մասնավոր

հեռուստաընկերությունների ստեղծման պահից երկրում հնարավոր դարձավ հեռուստաէկրանից անկախ խոսք լսելը:

Նշենք նաև, որ առաջին ոչ պետական հեռուստաընկերությունների համար մասնագետների բացակայությունը նույնպես կարևոր խնդիր դարձավ: Հայաստանյան հեռուստատեսության զարգացման նորագույն ժամանակահատվածում թույլ են տրվել սխալներ, որոնք անհետևանք չեն մնացել: Հիմնական թերություններից մեկն այն է, որ անտեսվում է խորհրդային ժամանակների հեռուստատեսության փորձը և ավանդույթները: Այս հարցը բաց է և կարող է լրացվել, քանի որ նույնիսկ հիմա կան մարդիկ, որոնց հեռուստատեսային փորձը և գիտելիքները անտեսվում են: Նրանց մասնագիտական գիտելիքները և գործնական փորձը պետք է ուշադիր ուսումնասիրվեն, հայաստանյան մտածելակերպին հոգեհարազատ հեռուստածրագրերի ստեղծման նպատակով:

Ներկայումս մեր հեռուստաընկերություններն օգտագործում են խիստ ժամանակակից, թանկարժեք սարքավորումներ, որոնք զգալիորեն բարելավում են հեռուստատեսային ծրագրերի որակը:

Պետք է նաև ուշադրություն դարձնել այն հանգամանքի վրա, որ մեր օրերում հեռուստատեսային ծրագրերի բովանդակային ոլորտում որոշակի դրական տեղաշարժ է եղել, սակայն, կոմերցիոն հեռուստատեսության պայմաններում միշտ չէ, որ հնարավոր է որակյալ հեռուստաարտադրանք ապահովել:

Ընդհանրապես, ոչ միայն Հանրային հեռուստաընկերության, այլև ընդհանուր առմամբ հայաստանյան եթերում առկա են ինչպես լավորակ, կրթական ծրագրեր, այնպես էլ անհաջող նախաձեռնություններ, որոնք ուղղակիորեն բացասական ազդեցություն են թողնում հասարակության վրա: Այսպես, թե այնպես, ամեն օր հեռուստատեսության ներկայացուցիչները, ամեն երեկո, «մտնում» են հեռուստադիտողի տունը՝ երբ դու միացնում ես հեռուստացույցը, հյուրը հայտնվում է ձեր տանը: Լինի դա նորությունների, ֆիլմերի, թե հետաքրքիր ծրագրերի տեսքով: Խնդիրն այն է, թե ինչ են մեզ հրամցնում:

Ամփոփելով այս թեման և հիմնվելով մեր հետազոտությունների վրա՝ հարկավոր է նշել, որ հասարակությունը բաղկացած է տարբեր շերտերից, սակայն փաստն այն է, որ ցածրորակ ծրագրերը սկսել են գերակշռել: Հանրային հեռուստահաղորդումները շատ լավն են, բայց դրանք չեն դիտվում, քանի որ այդ ժամանակ մեկ այլ հեռուստաալիքում «հեշտ յուրացվող» ծրագիր կամ սերիալ է հեռարձակվում

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Հանրային հեռուստաընկերություն // էլեկտրոնային ռեսուրս // http://www.1tv.am/hy/program/%D5%95%D6%80%D5%A1%D5%AF%D5%A1%D6%80%D5%A3

2.Նույն տեղում:

3.*Երիցյան Ս.* Հեռուստատեսություն. գործառույթները, զարգացման միտումները և հեռանկարները // Մանկավարժ հրատ., 2005, 204 էջ:

4. Նույն տեղում:

5. *Багдасарян Г.* Журналистика, журналист и время / Ер., 1981.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Э.А. Рухкян

АННОТАЦИЯ
В данной статье мы проанализируем тематические различия и функции жанров на современном армянском телевидении, выявим особенности, а также на конкретных примерах попытаемся показать основные отличия и тенденции развития телепередач.
Ключевые слова: жанр, современное армянское телевидение, формат, массовая аудитория, медиауслуги.

THE TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN ARMENIAN TELEVISION

E. Rukhkyan

ABSTRACT
In this article, we will analyze the thematic differences and functions of genres on modern Armenian television, identify the features, and also on specific examples we will try to show the main differences and trends in the development of television programs.
Keywords: genre, modern Armenian television, format, mass audience, media services.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ[1]

П.С. Аветисян, Н.М. Геворкян

Российско-Армянский университет
parkev.avetisyan@rau.am, naira.gevorgyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены некоторые вопросы относительно вызовов, стоящих перед системой высшего образования, с учетом необходимости развития человеческого капитала, соответствующего реалиям новой цифровой экономики. Учитывая полномасштабное развитие цифровых технологий во всех сферах социального организма, возникает необходимость адаптации на национальной почве всех необходимых для трансформации вузов инструментов в соответствии с запросом времени. Решение данных проблем является решающим для становления человеческого капитала страны.

Ключевые слова: человеческий капитал, система образования, цифровая экономика, цифровизация, глобализация.

В условиях интернационализации и глобальной цифровизации различных социальных сфер, в частности – экономики страны стоят перед вызовом необходимости формирования такой образовательной среды, которая сможет способствовать развитию интеллектуального капитала страны для новой экономики. В статье мы поднимаем некоторые проблемы, касающиеся в сферы высшего образования относительно вызовов, идущих от широкого распространения новых цифровых технологий в современной мировой образовательной среде и отражающиеся на процессах развитие человеческого интеллектуального капитала.

XXI век ознаменовался технологическими и цифровыми прорывами, процессы ускоренного оцифрования всех сфер социального организма в мировом масштабе не оставили выбор странам, которые стремятся идти в ногу со временем, в связи с чем крайне актуальным становится преодоление существующего разрыва и несоответствия как внутри страны – между участниками и компонентами новой экономик, так и между динамикой внутреннего и мирового развития. В связи с этим система высшего образования стоит перед рядом вызовов. В частности, перед необходимостью внедрения новых программ и специальностей, выработки

[1]Исследование выполнено в рамках темы «Разработка стратегических направлений повышения конкурентноспособности системы высшего образования РА в контексте интеграции и интеграционализации (междисциплинарное исследование)» в Российско-Армянском университете за счет средств, выделенных в рамках субсидии МОН РФ.

новых компетенций в условиях появления новых понятий и технологий в процессе трансформации в связи с цифровизацией областей деятельности, следования тенденциям и запросам рынка труда и приоритетам развития экономики. Согласно отчету фонда Цифровая Армения за период с 01.09.2018 по 30.04.2018г.[1] в качестве одного из шести основных направлений, принятых программой цифровизации армянской экономики были заявлены необходимость выработки новых компетенций, направленных на будущие нужды цифровой экономики, а также подготовка быстро адаптирующихся и способных к инновациям кадров. Нерешенность этих проблем отражается в недостатке высоко квалифицированных кадров на фоне некоторых быстро развивающихся сфер армянской экономики.

Согласно данным, полученным Союзом работодателей Армении, 72% работодателей недовольны профессиональной подготовкой кадров и их образованностью. Кроме того, в Армении на сегодня, несмотря на реалии мировых трендов и потребностей работодателя, около 50% студентов из общего числа обучающихся получают гуманитарное образование, что будет вести в ближайшей перспективе к их слабой востребованности на рынке труда. И лишь 14% студентов – техническое, что даст им возможность получить больше шансов для трудоустройства. Рынок переполнен кадрами, которые не отвечают требованиям работодателей, которые в поисках высококвалифицированных кадров не рассматривают выпускников вузов. В ИТ-сфере Армении на сегодняшний день, несмотря на 13,6% - ый рост в 2017г., не хватает порядка 3000 специалистов, что является одним из барьеров для более масштабного развития отрасли[2].

Согласно результатам социологического опроса об уровне образовательных услуг в вузах РА с точки зрения студентов, педагогов и работодателей, проведенного Национальным центром образовательных технологий, было также выявлено, что часто специальность, по которой имеется диплом, часто не соответствует занимаемой должности, что свидетельствует о том, что работодатели заинтересованы в способностях и навыках соискателя независимо от знаний, приобретенных в вузе в рамках специальности[3]. Отмеченные тенденции становятся препятствиями к повышению конкурентоспособности армянских предприятий, а также для инвестиций и стабильного их развития. Другая опасная тенденция, имеющая рост в стране, согласно исследованию центра «Социометр», это желание покинуть страну у 75% выпускников армянских вузов, основываясь на представлении, «что не смогут найти здесь работу по своей профессии, а если и найдут, зарплата будет очень низкой». Результат данной тенденции виден в сокращении молодежи: если в 2011 году молодежь составляла 26,4% населения Армении, в 2016-м их число сократилось до 23%. А с 2014г. по 2018г., по данным комитета по статистике РА, мы наблюдаем постоянное сокращение населения в трудоспособном возрасте[4].

Учитывая отмеченные тенденции, а также полномасштабное развитие цифровых технологий во всех сферах социального организма, возникает

[1] chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbdfmadadm/http://daf.am/pdf/digital_armenia_report_2018.pdf
[2] https://digital.report/ikt-daydzhest-v-evrazii-18-sentyabrya-22-sentyabrya-2017/
[3] http://golosarmenii.am/article/56557/vuz-ozhidaniya-i-realnost
[4] https://med.news.am/rus/news/16138/40-vuzov-i-50-kolledzheiy-armenii-rabotayut-na-blago-drugikh-stransociolog.html

необходимость адаптации на национальной почве всех необходимых для трансформации вузов инструментов в соответствии с запросом времени, в том числе интернационализации образования. Решающее значение в этом имеют усилия, прилагаемые непосредственно в университетах. Это – внедрение и развитие новых технологий, цифровизация и интернационализация образования, следует учитывать, что данные процессы взаимосвязаны и создают синергический эффект. Цифровизация университета сделает его более адаптированным для нового поколения студентов, так называемым "digitalnatives". Это однозначно приведет к повышению привлекательности вуза на образовательном пространстве как регионального уровня, так и в более широком масштабе, к созданию и сохранению за собой конкурентного преимущества университетаXXI века. Следует учитывать, что мировые процессы интеграции и интернационализации вузов и глобальные тенденции повсеместного внедрения цифровых технологий с неизбежностью сталкивают с необходимостью учета такого явления, как «новые» студенты, «с рождения говорящие» на цифровом языке компьютеров, видео игр и Интернета, по М. Пренски – Digital Natives (Цифровые Рожденные) [1].

Основой для вхождения в инновационную образовательную среду является «оцифрование» материалов, разработка новых программ и переработка имеющихся в связи с новой экономической картиной, а также включение онлайн-обучения, которое может иметь как смешанные формы обучения (совмещение онлайн лекций и офлайн семинарских занятий в университете), так и полноценные онлайн-курсы. Дистанционная (онлайн) форма обучения с 2011г. получила новый массовый характер благодаря открытым онлайн-курсам (МООС – Massive Open Online Courses). На начало 2018г. на один из курсов МООС были вовлечены примерно 81 миллионов студентов. Сегодня МООС также стали новым инструментом по продвижению образовательного бренда вузов среди потенциальных абитуриентов (в том числе среди иностранных студентов), которое имеет также коммерческую компоненту, состоящую в продаже сертификатов как для физических лиц, так и для корпоративных клиентов. Для развития необходимых компетенций у своих сотрудников и повышения их квалификации организации могут заказывать создание серии онлайн-курсов [2].

В Армении такой инструмент как МООС для развития и широкого продвижения курсов на национальном языке, включая изучение самого языка и повышения конкурентоспособности армянских вузов на мировой арене и расширения возможностей развития сферы образования, еще должен получить актуальность, для чего необходимо разработать стратегию МООС в масштабе страны, определить возможности создания национальной платформы, возможно с задействованием внешних платформ, либо только использование внешних. Среди вузов СНГ в МООС представлены своими курсами Россия, Украина, Казахстан. На начало 2018г., согласно исследованию, проведенному российскими учеными, на российской платформе онлайн образования было размещено 259 курсов, а на двух ведущих международных платформах – Coursera и edX – российскими вузами представлено 256 курсов, из которых 25% – на иностранном языке [3].

Мировые тренды востребованности специалистов можно увидеть в активном росте онлайн-курсов, представляемых на ведущих платформах, посвященных IT-технологиям, компьютерным наукам, анализу данных, а также правилам ведения бизнеса (рис. 2) – 38% в 2017г.

Благодаря этому может восполниться нехватка кадров по многим IT-специальностям. Более того, данная система дистанционного образования поможет овладеть новыми профессиями, которые появляются в результате технологического роста. Одновременно повышается внимание и доверие бизнеса к онлайн-дипломам. Многие компании уже начали через сотрудничество с платформой Coursera приглашать успешных выпускников на соответствующие вакансии. Таким образом, следующим шагом становится взаимодействие бизнеса и онлайн-образования как по восполнению дефицита специалистов по новым профессиям, так и по созданию таких программ и курсов, которые смогут удовлетворить данную потребность.

Технологические преобразования в сфере образования, как и в других социальных сферах, опираются на изменения формы обучающих систем, систем контроля и управления из аналоговой в цифровую, а также на формирование цифровых платформ, интегрирующих данные, и разработку программных приложений. Платформенная форма, возникшая в результате изменения архитектуры рынков и глобализационных сдвигов, позволяет создавать из отдельных модулей и приложений гибкие технологические системы – цифровые платформы. В сфере образования цифровые платформы выполняют функции интеграции данных и их обработки, облегчают взаимообмен между всеми участниками образовательного процесса, создают свободную среду для взаимодействия между студентами и преподавателями. Таким образом, создается единое информационное пространство, которое позволяет подключить к общему информационному пространству людей, устройства и системы по всей цепочке образовательного процесса, обеспечить всех заинтересованных лиц доступом ко всей необходимой информации в режиме реального времени.

Несмотря на различную степень развитости стран и уровень совершенства используемых ими технологий, все они стоят перед проблемой эффективного использования ИК и цифровых технологий в образовании. В целом, уровень развития ИКТ сегодня, является одним из важнейших показателей экономического и социального развития государства и роста человеческого капитала, будучи включаем также и в многочисленные рейтинги международных организаций.

Согласно рейтингу ITU, Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT DevelopmentIndex), рассчитываемый Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union), специализированного подразделения ООН, определяющего мировые стандарты в области ИКТ, Армения (5.76) заняла 75 место среди 176 стран мира, представленных в рейтинге за 2016г. По странам СНГ первыми в рейтинге стоят Беларусь (7.55) и Россия (7.07), а завершают рейтинг после Армении Украина (5.62) и Узбекистан (4.90). Показатели, сведенные в индексе в единый, касаются доступа к ИКТ, использования ИКТ, а также навыков, то есть практического знания этих технологий населением стран, охваченных

исследованием. Данный индекс позволяет странам следить за изменениями во временной динамике и в сравнении для анализа и понимания реального состояния дел в данной сфере страны.

В таблице 1. представлены данные 2017г. по Индексу развития ИКТ в 176 странах мира по итогам 2016 года [4].

Международный союз электросвязи: Индекс развития ИКТ в 2017 среди 176 стран

NN по странам СНГ	NN по странам мира	Страны СНГ	Индекс
1	32	Беларусь	7.55
2	45	Россия	7.07
3	52	Казахстан	6.79
4	59	Молдова	6.45
5	65	Азербайджан	6.20
6	74	Грузия	5.79
7	75	Армения	5.76
8	79	Украина	5.62
9	95	Узбекистан	4.90

Таблица 1. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах СНГ

Мировые тенденции в сторону цифровизации экономики требуют в качестве базы высокого развития ИКТ в стране и, одновременно, соответствующие современным реалиям и постоянно актуализируемые подготовленность, компетенции и способности человеческого капитала. Основная роль в этом принадлежит сфере образования или, лучше сказать, просвещения, а человеческий капитал является как основным получателем результатов, так и основным генератором инновационного преобразования современной экономики и трансформации самого образовательного процесса, согласно разработанной нами модели.

В рамках принятой программы по цифровизации Армении на 2018–2030гг. одной из основных целей стало развитие способностей и цифровых навыков, в частности, путем организации переподготовки кадров, с точки зрения удовлетворения потребностей бизнеса, что должно, в целом, способствовать развитию экономики будущего.

Армения обладает большим потенциалом с точки зрения развития человеческого капитала, вместе с этим стоит перед необходимостью устранения препятствий и задерживающих рост факторов, имеющихся в образовательной сфере, в их взаимодействии с управленческой и экономической составляющими социального организма. Решение данных проблем является решающим для становления человеческого капитала страны в условиях цифровизации экономики.

Отметим несколько задач, решение которых будет способствовать развитию в Армении современной образовательной среды в качестве базы для экономики знаний и развития человеческого:

•Широкое преобразование учебного процесса с применением информационных и цифровых технологий;

•Новый формат учебных программ с учетом новых требований рынка и перехода к цифровым технологиям;

•Развитие новых моделей управления образовательными учреждениями и процессами с учетом ИКТ;

•Дальнейшее развитие свободной образовательной информационной среды и инфраструктуры;

•Дальнейшее развитие интернационализации образования, включая обмен, подготовку и переподготовку профессорско-преподавательского состава, с учетом новых направлений развития;

•Создание on-line курсов на национальном и международном языках, выход на международные платформы МООС;

• Развитие единой национальной платформы поддержки систем дистанционного образования;

•Разработка единой государственной политики, направленной на многоплановое представление в Интернете Армении, с необходимым усилением информационной безопасности.

Необходимость преобразования системы ВО в свободную инновационно-образовательную среду, с учетом всех мировых трендов, становится самой актуальной на сегодня проблемой, так как именно такая среда способна стать той платформой, на которой будет развиваться новое поколение интеллектуального человеческого капитала, создающее экономику будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. From On the Horizon (MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001) РеферативныйпереводМ. Гербовицкой. III Международная научно-практическая интернет-конференция «Дискурс университета–2013» (Образовательные практики и метафоры обновления: философский, психологический и педагогический аспекты). Центр проблем развития образования БГУ. Минск, 2013.

2. *Семенова Т.В., Вилкова К.А., Щеглова И.А.* Рынок массовых открытых онлайн-курсов: перспективы для России // Вопросы образования, 2018. 1. 2018.

3. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.

4. The Global Information Technology Report 2016 // (Published 6 July 2016) URL:https://www.weforum.org/reports/the-global-information-technology-report-2016).

HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN A DIGITAL ECONOMY: CHALLENGES THE EDUCATION SYSTEM IS FACING

P. Avetisyan, N. Gevorkyan

ABSTRACT

The article identifies some questions about the challenges facing the higher education system, taking into account the need to develop human capital, corresponding to the realities of the new digital economy. Taking into account the full-scale development of digital technologies in all spheres of the social organism, there is a need to adapt, on a national basis, all the tools necessary for the transformation of universities in accordance with the demand of the time. The solution of these problems is crucial for the formation of the human capital of the country.
Keywords: human capital, education system, digital economy, digitalization, globalization.

ПЕДАГОГИКА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ

А.Л. Григорян

Российско-Армянский университет
armengrigoryan61@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В современной образовательной программе вузов единственной динамичной составляющей является программа физического воспитания, которой отводится важная роль в обеспечении здорового образа жизни студентов. Цель исследования заключалась в сравнительном анализе различных научных подходов к организации и управлению процессом физического воспитания в вузе. Рассмотрены примеры исследования особенностей менеджмента процессом физического воспитания и студенческого спорта в университетах различных стран, анализ которых обосновал необходимость учета современных теоретических принципов организации и управленияпроцессом физического воспитания в передовых вузах.

Ключевые слова: физическое воспитания, здоровый образ жизни, вуз, организация, управление, мотивация, студент.

Актуальность проблемы организации и управления процессом физического воспитания определяется преобразованиями системы высшего образования с внедрением современных технологий, а также стратегией расширения самостоятельности и демократичности, антропоцентризма управленческих процессов в современных высших учебных заведениях. Значимость аналогичных исследований заключается в том, что в современной образовательной программе единственной динамичной составляющей является программа физического воспитания, которой отводится важная роль в обеспечении здорового образа жизни студентов.

Цель исследования заключалась в сравнительном анализе различных научных подходов к организации и управлению процессом физического воспитания в вузе. Рассмотрены примеры исследования особенностей менеджмента процессом физического воспитания и студенческого спорта в университетах различных стран.

Научное обоснование организационно-педагогических условий физического воспитания, направленных на формирование положительного отношения студентов к здоровому образу жизни, а также эффективность адекватной системы организации физического воспитания, позволят повысить профессионально-прикладной уровень подготовки студентов,

Проблеме совершенствования процесса физического воспитания молодежи и, в частности, студентов, посвящено значительное количество важных и актуальных исследований. Большинство из них обращено к проблемам физической подготовки или акцентируют вопросы, связанные со студентами, их мотивацией, ценностными ориентациями, увлечениям Интернетом и другими формами досуга, а также вредными привычками. Практически во всех странах мира физическое воспитание является важной и обязательной частью общего образования, которое реализуется на его различных ступенях: дошкольном, школьном и университетском. Подходы к управлению процессом физического воспитания обусловлены многочисленными факторами, которые реализуют различные институты, а именно: семья, образовательные учреждения, спортивные организации и добровольные ассоциации, органы местного управления и т.п. С другой стороны, сама реализация процесса управления обусловлена социально-экономическими, этнокультурными и психологическими особенностями. По результатам проведенного теоретического анализа можно констатировать, что проблемы управления или, как принято говорить, менеджмента физическим воспитанием и оздоровительным спортом в учебных заведениях и, в частности, в вузах, с научной точки зрения исследованы недостаточно. В реальности это – важная и разноплановая проблема, которую необходимо рассматривать в первую очередь в аспекте научных принципов управления, а также с позиций педагогики, психологии, социологии и ряда других наук.

Американский ученый Т. Савьер одну из своих фундаментальных работ посвятил актуальным вопросам совершенствованию процесса управления физическим воспитанием и спортом в организациях. Автор считает, что для совершенствования современного спортивного менеджмента очень важно написание специальных учеников и практических пособий для специалистов, работающих в университетах. Необходимо учитывать то обстоятельство, что управление объектами в сфере физического воспитания связано с основными понятиями менеджмента и, одновременно, имеет достаточное количество собственных специфических понятий. Исследование рассматривает вопросы, которые связанны с лидерством в управлении, управлением человеческих ресурсов университета, созданием системы правил и процедур управления, маркетингом, рекламой, спонсорством, работой с волонтерами, а также специальными средствами управления спортивными мероприятиями [1].

Современный менеджмент уделяет особое внимание взаимоотношениям субъектов управления, стилям управления и проблеме предотвращения конфликтных ситуаций. Эти вопросы в сфере физического воспитания приобретают специфический характер, так как условия взаимодействия субъектов связаны со специальной формой одежды и помещения (залы, спортивные площадки, парки и т.п.). Все это, с одной стороны, способствует созданию наиболее благоприятных условий для оптимизации процессов обучения в университете и улучшения взаимоотношений между преподавателями и студентами, а, с другой стороны, усложняет сам процесс управления. Так, например, цель одного из исследований

заключалась в анализе частоты неуместных форм поведения, которые возникают в процессе занятий физического воспитания между преподавателями и студентами. Сравнение особенностей восприятия подобных ситуаций со стороны студентов и преподавателей показало, что они по-разному интерпретируют то, что происходит в процессе занятий. Так, существенные различия обнаружены у студентов по следующим показателям: агрессивность, безответственность, отсутствие желания следовать указаниям, желание мешать другим и т.д. [2].

Цель одного из исследований по данной проблеме заключалась в выявлении влияния стиля руководства руководителей департаментов физического воспитания университетов на мотивацию сотрудников-преподавателей. Тестирование показало, что наивысший приоритет был получен в трансформационном стиле руководства, что влияет на мотивацию и удовлетворенность своей работой не только штатных сотрудников, но и волонтеров [3]. Интерес к проблеме физического воспитания в системе высшего образования актуален как в развитых, так в и развивающихся странах, который стал необходимостью в связи с современными трансформациями. Совершенствование образовательной среды авторы связывают с общим качеством управления (на английском принята аббревиатура TQM), которое является особым подходом к управлению, направленному на долгосрочное поддержание успеха организации. Организационный успех основан на поощрении обратной связи (feedback) и на удовлетворение потребностей сотрудников (в данном случае предоставление образовательных услуг студентам). Исследование показало, руководители колледжей в реализации программ физического воспитания должны были привержены принципам качества управления, которые повышают качество и культуру предоставления услуг через учебные программы и различные формы занятий (семинары, теоретические и практические занятия и т.п.). Необходимость в повышении осведомленности о принципах TQM возникает не только среди топ-менеджеров колледжей физического воспитания, но и среди профессорско-преподавательского состава и административного персонала [4]. Так, например, в Нигерии физическое воспитание студентов реализуется в колледжах и университетах, в которых управление этими процессами имеет свои особенности. В колледжах, как правило, организованы специальные подразделения физкультуры отдельно для ведомств гуманитарных и естественных наук. Студентам предоставляется возможность участие в различных спортивных мероприятиях, которые организуются на индивидуальной основе в программе студенческого спорта Нигерийской ассоциацией университетов и другими общественными организациями [5]. Исследования также проводились в турецких университетах с преподавателями физвоспитания, работающими со студентами младших и старших курсов. Результаты показали, что до начала работы преподаватели имели общую тенденцию авторитарного стиля управления группой младших курсов. Было также выявлено, что преподавателям с высоким уровнем самоэффективности в профессиональных убеждениях несвойствен либеральный стиль руководства учебным процессом на занятиях по физкультуре студентов старших курсов [6].

Как отмечают другие авторы, необходимость педагогических и психологических

исследований проблемы здоровья еще связана с тем, что в современных условиях здоровье лишь в незначительной степени зависит от состояния медицины и здравоохранения. Влияние современной медицины на показатели здоровья оценивается меньше, чем в 10% [7]. В настоящее время все большее значение приобретают психологические исследования основ здоровья, так как именно психологическая наука может обеспечить новыми данными и технологиями такие системы оздоровления личности, как психиатрия и психотерапия. В то же время наблюдается и противоположная тенденция. Даже в научных кругах еще есть убеждение, что для понимания здоровья достаточно обыденного здравого смысла, что здоровье – не совсем подходящий предмет для психологического исследования. В данном исследовании автор обосновано характеризует основные понятия «здоровье» и «отношение к здоровью». Обобщая результаты, автор пришел к выводу о том, что старшеклассники в основном здоровье определяют как, то, что не требуется осмыслить и о чем не надо заботиться, пока не появятся симптомы его ухудшения, а студенты как гармоничное сочетание в человеке физического и психического (души и тела). В целом, анализ отношения к здоровью показывает, что наиболее многогранные представления о здоровье присущи студентам, а наиболее поверхностные, когда здоровье понимается как хорошее самочувствие и отсутствие болевых ощущений, наблюдаются у старшеклассников. Более широкие представления о здоровьи у студентов могут быть связаны как с более широким жизненным опытом, так и с уровнем осведомленности в данном вопросе [8]. Последний аспект, а именно – отношение студента к собственному здоровью, во многом зависит от уровня организации и стиля управления процессом физического воспитания в вузе.

Результаты социологических исследований показывают, что здоровье, как ценность, выступает трояко: как самоцель – 22%, как инструментальная ценность – 10%, как паритетная ценность наряду с другими ценностями – 68%. Это свидетельствует о том, что отношение граждан к своему здоровью структурировано, но здоровье, как ценность, не всегда выступает как самоценность. В данном исследовании обнаружено, что 22% опрошенных согласны с тем, что «здоровье – самое главное в жизни, важные решения должны приниматься так, чтобы не навредить здоровью»; 29% согласны с тем, что здоровье важно, иногда можно забыть об этом ради дополнительного заработка, развлечений и т.п.»; 39% опрошенных заявили, что здоровье важно для меня, но наряду с работой, отдыхом, учебой, развлечением»; 3% убеждены в том, что «предпочитают жить с риском, с острыми ощущениями, даже если это вредит здоровью»; 7% заявили, что хотят жить так, как им нравится, ни в чем себя не ограничивая» [9].

В одной из работ, в контексте когнитивной теории, исследованы взаимосвязи между социальными факторами, индивидуальными различиями подростков, их внутренней мотивацией и настойчивостью в процессе физического воспитания. Было выявлено, что методы обучения и климат в группе влияют на восприятие студентами компетентности преподавателей физического воспитания [10]. Эти факты позволяют заключить, что в отличие от многих научных дисциплин

педагогический аспект теории и методики физического воспитания, а именно: педагогика физкультуры и спорта обладает специфическим научно-методическим потенциалом, позволяющим специалистам включаться в решение проблем оздоровления студенческой молодежи.

Обобщение результатов теоретического исследования выявило конкретные противоречия современного состояния организации и управления физического процесса в вузах различных стран. Также остро стоит вопрос потребности современных университетов в кадрах, готовых к инновационной деятельности, выборы адекватного стиля руководства, привлечения студентов старших курсов и магистратуры к волонтерской активности (организация многопрофильных спортивных мероприятий). Анализ различных подходов к исследуемой проблеме обосновал необходимость учета современных теоретических принципов организации и управления процессом физического воспитания в передовых вузах. Одновременно, можно заключить, что внедрение инновационных методов и подходов физического воспитания и организация спортивных мероприятий необходимы для студентов, реализация которых требует пересмотра профессиональных требований к руководителям соответствующих кафедр.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Thomas H. Sawyer,* Facility Management for Physical Activity and Sport, Champaign, Illinois: Sagamore Publishing Inc. 2009, 297 p.

2. *Ferrer-Caja E., Weiss. M.R*. Predictors of intrinsic motivation among adolescent students in physical education / Research Quarterly for Exercise and Sport. Vol.71, Issue 3, Sep. 2000, PP. 267–279.

3. *Nezhad M.A.H., Sani K.D.,R.Andam*, The Investigate Managers' Leadership Styles in Physical Education Offices Universities of Iran from Sport Volunteers' Perspective / International Research Journal of Applied and Basic Sciences. 2012, Vol., 3 (6), 1225–1229.

4. *Altahayneh Z.L.* Implementation of Total Quality Management in Colleges of Physical Education in Jordan // International Journal of Business and Social Science Vol. 5 No. 3; March 2014, PP. 109–117.

5. *Alla J.B.* Administration of Physical Education and Sports in Nigeria // Higher Education Studies Vol. 2, No. 1; March 2012. PP. 88–96. P. 89.

6. *Yilmaz I.* Pre-service Physical Education Teachers' Preference for Class Management Profiles and Teacher's Self-efficacy Beliefs // Academic Journals. Educational Research.&Reviews, Vol.8(9), May 2013. PP. 539–545.

7. *Конечный Р., Боухал М*. Психология в медицине. Прага: Авиценум, 1983. 405 с. С. 14.

8. *Иерусалимцева О.В*. Психологические аспекты феноменов здоровья и отношения к здоровью// Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. науч. конф., М.: Буки-Веди, 2012. СС. 76–78.

9. *Шилова Л.С.* Трансформация самосохранительного поведения // Социол. исслед. 1999. № 5. С. 91.

10.*Luis E.R., Bustos J.G., Suárez D., Jordán C., O.R.* (2012). Las conductasquealteran la convivenciaenlasclases de educaciónfísica / RevistaInternacional de Medicina y Ciencias de la ActividadFísica y el Deporte, Vol. 12 (47). PP. 459–472. P. 462.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FEATURES OF THE ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF THE PROCESS OF PHYSICAL EDUCATION IN HIGH SCHOOL

A. Grigoryan

ABSTRACT

In the modern educational program of universities the only dynamic component is the physical education program, which plays an important role in ensuring a healthy lifestyle for students. The purpose of the study was a comparative analysis of different scientific approaches to the organization and management of the process of physical education in high school.The examples of the study of management peculiarities in the process of physical education and student sport in universities of different countries are analyzed. The analysis of which justified the need to take into account modern theoretical principles of organizing and managing the process of physical education in advanced universities.
Keywords: physical education, healthy lifestyle, university, organization, management, motivation, student.

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Российско-Армянский университет уверенно входит в число лидирующих вузов как по стране, так и региону в целом. РАУ поднялся на 50 позиций в рейтинге **QS EECA (Emerging Europe and Central Asia) University Rankings** 2019 года и, таким образом, вошел в ТОП-200 вузов региона. В рейтинговании были представлены университеты из 24 стран Восточной и Южной Европы, Центральной Азии, Южного Кавказа и Балтии. Из более чем 3000 вузов региона в данный рейтинг вошли только 300 лучших.

Методология рейтингования EECA 2019 включает в себя девять факторов, каждый из которых имеет свой процентный вес. Самым влиятельным показателем является академическая репутация, формирующаяся посредством глобального академического опроса QS преподавателей и ученых из разных стран. Наряду с академическим анкетированием, проводится и опрос работодателей с целью выявления учреждений, которые, по их мнению, готовят лучших специалистов в своей сфере, на основе чего формируется репутация университета на глобальном рынке занятости выпускников. Среди других факторов – соотношение студентов и преподавателей, научная результативность, импакт-фактор и индекс цитирования.

Российско-Армянский университет входит в первую десятку рейтинга по доле иностранных студентов. Данная позиция в рейтинге QS EECA подтверждает успешность действий университета, направленных на репатриацию молодежи из диаспоры, а также потенциал по дальнейшему привлечению иностранных студентов в Армению.

Армения впервые вошла в рейтинг QS EECA University Rankings в прошлом году и была представлена 2 университетами – Российско-Армянским университетом и Ереванским государственным университетом. В рейтинг этого года вошли три армянских университета: РАУ, ЕГУ и АУА. Российско-Армянский университет занял II место по стране.

Рейтинг лучших университетов мира (QS World University Rankings) – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг лучших университетов мирового значения по версии британской консалтинговой компании Quacquarelli Symonds (QS). Сегодня QS World University Rankings признан одной из наиболее влиятельных рейтинговых систем.

* * *

7-го ноября в конференц-зале Российско-Армянского университета состоялось экспертное обсуждение на тему «Культура как ресурс сохранения и развития армянской идентичности: история и современность» в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)».

Присутствующих приветствовал проректор РАУ по науке, профессор П.С. Аветисян, поблагодарив организаторов и спикеров экспертного обсуждения. Как подчеркнул проректор, заявленная тема очень актуальна, значима и перспективна.

В работе экспертного обсуждения участвовали преподаватели и студенты Российско-Армянского университета, Ереванского государственного университета, Американского университета Армении, Пятигорского государственного университета, Института философии и права НАН РА и др. Спикеры и гости обсудили важные и актуальные проблемы сохранения и развития армянской идентичности и роль культуры в данном вопросе, в частности, рассмотрели информационно-семиотический феномен национальной идентичности, истоки и перспективы армянской национальной идентичности в контексте армяно-российских связей, этнокультурные основы самоорганизации армянских диаспор Юга России, институциональные основы культурной дипломатии Армении и т.п. В ходе мероприятия участники озвучили определенные рекомендации по продвижению результатов исследования и предложили представить их в государственные органы Армении.

* * *

Студенты и сотрудники Российско-Армянского университета 12–16 ноября приняли участие в работе IV Российско-Армянского молодежного форума в Москве. Торжественное открытие состоялось в Российском университете дружбы народов.

Форум был организован с целью создания «дорожной карты» развития российско-армянского международного молодежного сотрудничества на ближайший год, а также консолидации и объединения молодежи России и Армении.

IV Российско-Армянский молодежный форум собрал на своей площадке более 40 представителей молодежи из РА и РФ. Основными направлениями образовательной части мероприятия стали туризм, предпринимательство и добровольчество. Студенты РАУ представили свои проекты и программы по всем трем направлениям форума. Среди лекторов Российско-Армянского молодежного форума были такие известные люди, как Сергей Брыков (основатель международной школы бизнеса для детей «Поколение лидеров»), Михаил Бакланов (основатель “ZOOM TV”), Роман Смирнов (модератор группы «Молодежное предпринимательство») и Сергей Оганджанян (управляющий директор группы TWIGA).

В ходе форума участники проанализировали проделанную в 2017–2018гг. работу в области развития российско-армянского международного молодежного сотрудничества, обсудили пути вовлечения новых участников и партнерских организаций, рассмотрели наиболее актуальные и востребованные в данной области вопросы и проблемы и эффективные пути их решения.

* * *

22-го ноября в Женеве состоялась встреча ректора Российско-Армянского университета, профессора Армена Дарбиняна с ректором Женевского университета, профессором Ивом Флюкигером. Стороны обсудили широкий спектр вопросов двустороннего сотрудничества и реализации совместных образовательных и научных программ. Профессор Дарбинян представил приоритеты развития Российско-Армянского университета касательно образования, науки и международного

сотрудничества, которые были с интересом восприняты Женевским университетом. Особый акцент стороны поставили на перспективы сотрудничества в области научных исследований и проектов.

По итогам встречи достигнута договоренность об издании книги, посвященной великим выпускникам Женевского университета армянского происхождения и приуроченной к празднованию 460-летию Женевского университета.

* * *

В рамках II Международного форума по художественному переводу русской и китайской литературы директор Центра китайского языка и культуры РАУ Наира Григорян выступила с докладом «О переводе древней китайской поэзии с китайского на армянский». Форум прошел 28 октября–1ноября в Чанчуньском университете (КНР).

«Силами преподавателей Центра китайского языка и культуры РАУ осуществлен перевод с китайского языка на армянский тридцати стихотворений из сборника древней китайской поэзии, составленного Ван Цзинлин (ЧУ) и Яковом Колкером (РГУ). Часть уже опубликована в журнале Союза писателей РА “Зарубежная литература”», – подчеркнула Н.Л. Григорян.

Доклад директора Центра китайского языка и культуры Наиры Григорян был принят с большим интересом и высоко оценен. Организаторы и участники форума приветствовали проект и пожелали новых успехов, отметив необходимость дальнейших переводов работ китайских писателей на армянский и армянских классиков на китайский.

«Мы подписали дополнительный договор об академической мобильности с Чанчуньским университетом. В обмене студентами и реализации научных программ заинтересованы также Чанчуньский педагогический университет и Хейлудзянский университет», – поделилась Наира Григорян. По ее словам, Союз писателей провинции Цзилинь наметил проект по переводу произведений популярных китайских авторов на армянский язык и видит именно РАУ в качестве партнера.

«В ходе визита установлены новые контакты и связи с китайскими университетами. Заинтересованность в сотрудничестве с РАУ высокая, многие видные писатели и ученые из КНР и России выразили желание приехать на IVмеждународную конференцию “Конфуцианские чтения” в РАУ, прочитать лекции для студентов нашего университета, пригласить специалистов из РАУ в Китай. В рамках форума состоялась также встреча с ректором Чанчуньского унивеситета г-жой Ли Чжияо: она передала ректору РАУ, профессору Армену Дарбиняну теплые слова благодарности за многолетнее сотрудничество», – поделилась Н. Григорян.

По итогам форума китайская сторона подарила директору Центра китайского языка и культуры комплект переводо в современной китайской прозы на русский. Наира Григорян посетила также армянских коллег и студентов, обучающихся в ЧУ по стипендиальным программам и программам академической мобильности.

* * *

9-го ноября в Российско-Армянском университете состоялась вторая часть Международной конференции “Building States and Nations in Turbulent Contexts”, организованной совместно с PONARS Eurasia и ЕГУ.

Участников конференции поприветствовал заведующий кафедрой политологии РАУ Оганес Лаврентьевич Саркисян: «Мы рады, что Российско-Армянский университет стал платформой для академического обсуждения в рамках “Building States and Nations in Turbulent Contexts”. Тематика конференции весьма актуальна: в современном мире, где протекают интеграционные процессы, установление различий создает новые проблемы, которые необходимо грамотно осмыслить. Стабильность в постсоветском и евразийском пространствах является основой для стабильности в мире. В данном контексте эффективное решение региональных проблем может обеспечить гармонию во всем мире».

Работа конференции велась по четырем ключевым сессиям: “Armenia’s Revolutions and Transformations”, “De facto States: Geopolitics, Agency and Impact”, “South Caucasus’s Nation-Building”, “Governing Society and Health”.

Отметим, что Программа новых подходов к исследованиям и безопасности в Евразии (PONARS Eurasia) представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. Основные результаты работы организации изложены в аналитических записках, изданиях “Policy Perspectives”, блогах и СМИ.

* * *

Известный филантроп Асо Тавитян 2-го ноября посетил Российско-Армянский университет и встретился со студентами и преподавателями Института права и политики РАУ. Гостя приветствовал ректор РАУ, профессор Армен Дарбинян, подчеркнув, что данная встреча – отличная возможность узнать о деятельности Асо Тавитяна непосредственно от спикера и задать интересующие вопросы.

Асо Тавитян является основателем “Tavitian Foundation” и почетным доктором Школы права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтс (США). В школе действует специальная шестимесячная стипендиальная программа – “Tavitian Scholarship Program”, которая предоставляет возможность молодым специалистам из Армении, работающим в государственных учреждениях, пройти полугодовое обучение.

Д-р Тавитян инициировал программу стипендий в 1999 году с целью оказания помощи в укреплении государственного управления в Армении, предоставления образовательных возможностей армянским специалистам и поддержки исследований по современным проблемам в условиях глобализации. Сегодня выпускники Школы права и дипломатии им. Флетчера по программе “Tavitian Scholarship Program” работают в правительстве РА, различных министерствах, аппарате Президента, Центральном банке и других учреждениях.

В ходе встречи преподаватели и студенты поделились с Асо Тавитяном

предложениями относительно возможного академического сотрудничества с РАУ и задали интересующие их вопросы.

* * *

26–27 октября в Российско-Армянском университете (г. Ереван, Республика Армения) состоялась Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты». Организатором мероприятия выступила кафедра психологии РАУ. Конференция была проведена в очно-заочном формате. Конференция была организована с целью найти решения современных проблем личностного развития в современной психологии и педагогике, установить контакты между учеными из разных стран, поделиться научными результатами и опытом исследований: актуальность проблемы, модернизация практических областей человека предполагает качественное изменение в личностном развитии, образовании и воспитании, а также переход к новым приоритетам и целям во всех аспектах человеческой жизни.

Международная научно-практическая конференция собрала ведущих экспертов и специалистов области из Института образования Национального исследовательского университета ВШЭ (Москва), Ярославского государственного университет им. П.Г. Демидова, Донского государственного технического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Экономического университета (г. Варна, Болгария), Национально-исследовательского Томского государственного университета, Кубанского государственного технологического университета, Самарского государственного социально-педагогического университета, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Алтайского государственного университета, Пензенского государственного университета, Белорусского государственного университета, Российского государственного профессионально-педагогического университета, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Курского государственного университета, Удмуртского государственного университета, Воронежского государственного педа¬гогического университета, Смоленского государственного университета, Национальной академии наук РА, Государственной академии управления Армении, Ереванского государственного университета, Армянского государственного педагогического университета им. Абовяна, Ереванского государственного медицинского университета им. Гераци, Университета практической психологии и социологии «Урарту», Психологического центра «Айг», Ванадзорского государственного университета, Государственного института физической культуры и спорта Армении, Российско-Армянского университета и др.

Участников и гостей конференции приветствовал проректор по науке Российско-Армянского университета П.С. Аветисян: «Тематика очень актуальна, тем более, что сейчас мы переживаем определенные этапы трансформации. Выявление особенностей развития личности является сверхважной задачей для армянской психологической науки».

В свою очередь, проректор по учебно-научной работе Армянского гос. педагогического университета им. Х. Абовяна С.Р. Геворкян подчеркнула, что на конференции действительно представлены весьма интересные доклады на актуальные для современой реальности темы. Она выразил надежду, что данная конференция послужит основой для для плодотворного сотрудничества между преставителями различных структур психологического сообщества, и станет направляющей и обучающей для молодого поколения.

«Современное образование определяет прогресс развития общества в целом. Мы называем наш век веком знаний, науки и высоких технологий, но задать верный вектор без качественного образования невозможно. И я уверена, что совместными усилиями мы можем решить многие вопросы», – заверила заведующая кафедрой психологии РАУ А.С. Берберян.

В пленарном заседании выступил А.С. Обухов, к.псих.н., профессор (Институт образования Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики, г. Москва, Россия) с докладом: «Психологические ориентиры образования личности в мире неопределенности». Он особое внимание уделил тому, чтобы практика образования развивалась на основе психологических исследований. Докладчик представил обзор существующих исследований и описаны запланированные экспериментальные исследования в этом направлении.

С.Р. Геворкян, д. псих. н., профессор (Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, РА) в своем докладе остановилась на аспектах педагогического образования в Армении и убедительно обосновала возможности и перспективы развития педагогического образования.

С.Г. Литке, к. псих. н., доцент (ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», РФ) выступила с докладом: «Интериориация осознанности миссии в пространство жизнедеятельности человека как формообразующий фактор счастья». Она подчеркнула: «Развитие личностной осознанности – важная задача личностного совершенствования. Предлагаемый Метод IAT (интроспективный анализ трансперсоны) осознанности Миссии человека является инновационным инструментом мониторинговых исследований профессионально-педагогических проблем и задач, является отправной точкой для создания унифицированной системы развития осознанности с целью профилактики конфликтов и личностных кризисных проявлений».

С докладом: «Ведущие направления развития системы высшего образования Армении на базе экзистенциально-гуманистической концепции» А.С. Берберян, д. псих. н., профессор (Российско-Армянский университет, РА). В своем докладе она рассмотрела главные направления развития системы высшего образования в Армении.

Дается обоснование идее о том, что более продуктивное личностное и профессиональное развитие специалистов может быть обеспечено введением в образовательный процесс вуза составляющей личностно-развивающего образования.

Была сформирована и апробирована комплексная методика, которая состояла

из компонентов, значимых для сформированности гуманистической позиции».

В течеиик двух дней были проведены 4 секционных заседания. Количество участников очной формы конференции составило 61 человек.

В первой секции: «Методолого-теоретические проблемы развития в психологии личности» были затронуты вопросы, связанные с проблемами теории и методологии психологического исследования развития личности. Во 2 секции «Психологические проблемы развития личности в системе образования» обсуждались проблемы: теоретические, методологические и практические проблемы гуманизации образования в процессе развития, психологические аспекты профессионального развития человека и др.. В 3 секции «Роль семьи в развитии личности» были рассмотрены психологические условия подготовки к семейно-брачным отношениям, психологические проблемы развития личности в семейных взаимоотношениях. 4 секция была проведена на тему: «Социально-психологические проблемы идентичности и нравственно-духовного личностного развития». В этой секции были представлены на обсуждение проблемы идентичности и самоидентификации личности в глобализирующемся пространстве, этнокультурная идентичность и др.

В рамках международной конференции вызвали большой интерес два мастер-класса: С.Г. Литке, к. псих. н., доцент (ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», РФ) провела тренинг под названием: «Стратегия-vip: vita image pario – преобразование жизни». Тренер продемонстрировала в действии метод включенного наблюдения за проявлениями психики как психолог-коуч.

Второй мастер-класс - по арт-терапевтическим методам самопознания – был проведен оригинальным образом, в формате интегративого тренинга, тремя преподавателями РАУ по следующим темам:мастерская самопознания. (А.Г. Бабаян); рисуночная техника выявления внутренних ресурсов. (Н.Т. Варданян); двигательная практика «Я и мои чувства». (С. Мусаелян).

Таким образом, и в выступлениях, прозвучавших на пленарном и 4 секционных заседаниях, и в многочисленных присланных на конференцию материалах, реализован действительно научно-практический подход: каждое исследование содержало не только идеи, но и результаты, способствующие выявлению и разработке социально значимых проблем развития личности в жизненно важных сферах. Конкретные вопросы, рассматриваемые в рамках конференции, позволили не только осуществить обмен профессиональным опытом, но и обозначить возможные направления совместной научно-исследовательской деятельности представителей вузовской науки из разных стран, определить перспективу сотрудничества специалистов в более тесной кооперации. Отражая мнения участников, можно с уверенностью ожидать продолжения конструктивных контактов и заинтересованного сближения ученых в рамках психолого-педагогического сообщества, а также закрепления традиции проведения широкомасштабных научных мероприятий на достойном профессиональном уровне.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян В.О. – аспирант кафедры Русской и мировой литературы и культуры РАУ.

Аветисян П.С. – д. филос.н., к.ф.-м.н., профессор, проректор по науке РАУ, член Академии Педагогических и Социальных наук России, РАЕН.

Агасарян В.К. – аспирант кафедры Мировой политики и международных отношений РАУ.

Амроян А.В. – аспирант кафедры Экономики и финансов РАУ.

Бадоян Г.В. – аспирант кафедры Политологии РАУ.

Восканян А.В. – д.филос.н., профессор, преподаватель РАУ, ЕГУ и АУА.

Геворкян Н.М. – к.э.н., доцент кафедры Управления бизнеса и туризма РАУ.

Григорян А.Л. – д.пед.н., зав. кафедрой Физвоспитания и ЗОЖ РАУ.

Дунамалян Н.А. – к.п.н., преподаватель кафедры Политологии РАУ.

Золян С.Т. – д.ф.н., профессор кафедры Русского языка и профессиональной коммуникации РАУ, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА.

Карапетян М.Р. – доцент кафедры английского языка № 2 ЕГУ.

Кауракова М.В. – к.ю.н., СИЭС Констракшин Солюшинс (ЮК) Лимитед (Великобритания). Представительство в г. Москва.

Лалабекова В.Р. – соискатель кафедры Экономики и финансов РАУ, руководитель управления финансового программирования и мониторинга РАУ.

Мирумян Р.А. – д. филос. н., профессор политологии, профессор кафедры Политологии РАУ, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА.

Рукавишникова И.В. – д.ю.н., профессор, член Совета Федерации РФ от Ростовской области.

Рухкян Э.А. – соискатель кафедры Журналистики РАУ.

Саркисян О.Л. – к.филос.н., доцент, зав. кафедрой Политологии РАУ.

Тадевосян М.Р. – аспирант кафедры Журналистики РАУ.

***Главный редактор РНИ** – М.Э. Авакян*
***Редактор** – Э.А. Рухкян*
***Корректор** – Ш.Г. Мелик-Адамян*
***Компьютерная верстка** – Н.М. Маргарян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 32
Подписано к печати 20.12.2018г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 11,2 п.л. Тираж 100 экз.